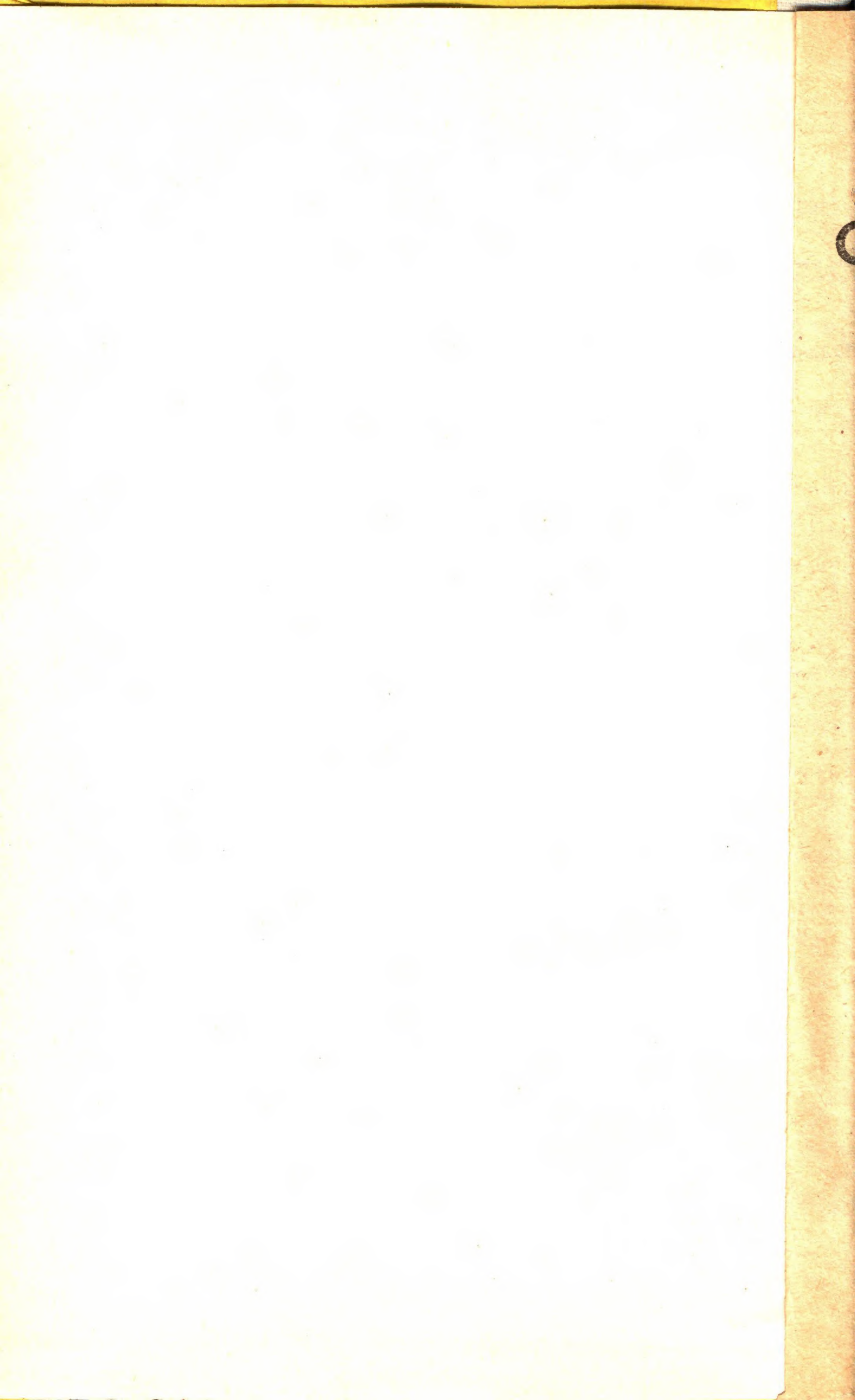
САДРИДДИН АЙНИ

СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА

САДРИДДИН АЙНИ

СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА

(Повесть и очерк)

Душанбе
Издательство «Адиб»
1987

ББК 84 Тадж 7
С(Тадж)²
А 36

А 36 Смерть ростовщика: (Повесть и очерк: Пер. с тадж.).— Душанбе: Адиб, 1987.— 224 с.

В книгу вошла популярная повесть основоположника таджикской советской литературы «Смерть ростовщика», а также исторический очерк «Восстание Муканны».

А $\frac{4702050020-66}{М 501 (13)-87}$ —87 С (тадж)² ББК 84 Тадж 7

СОДЕРЖАНИЕ

Садриддин Айни

СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА

(повесть и исторический очерк)

Редактор *С. Ховари*
Художник *Л. Шаропова*
Художественный редактор *В. Нелюбов*
Технический редактор *В. Гуськова*
Корректор *М. Каримова*

ИБ № 1451

Сдано в набор 18.03.87. Подписано в печать 15.05.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,075. Уч.-изд. л. 12,27. Тираж 200000. Заказ № 237. Цена 90 коп.

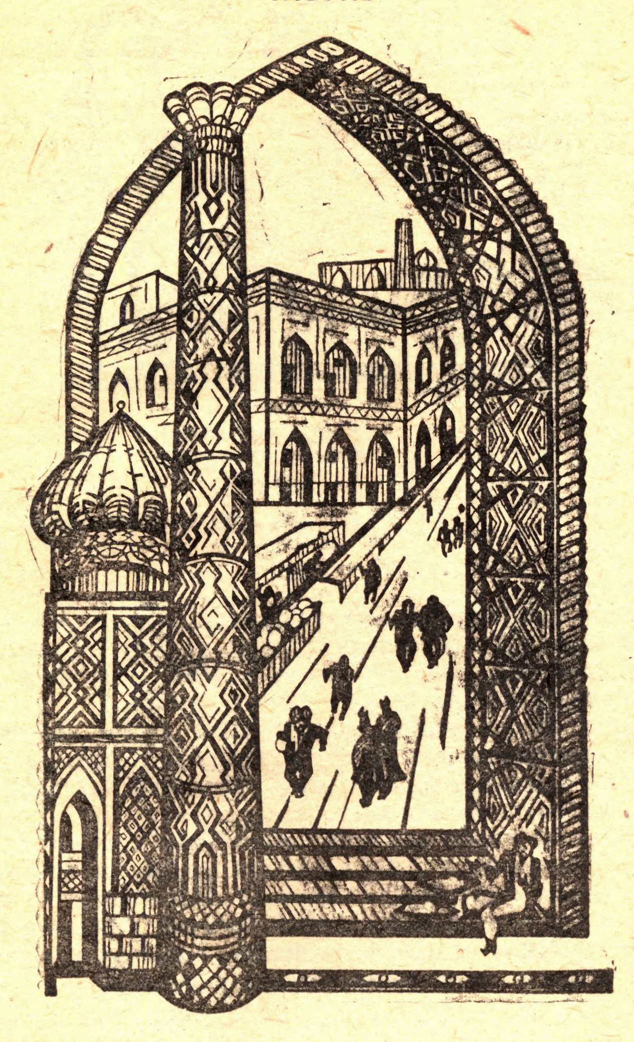
Издательство «Адиб», 734063. Душанбе, ул. Айни, 126.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Таджикской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

734063. Душанбе, ул. Айни, 126.

СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА

Повесть

Ростовщику вовек не понять —
Как можно корку нищему подать?
Немыслимо — как сталь разбить
стеклом
Или как зубы о кисель сломать.

I

По сложившемуся в Бухаре обычаю, учиться в медресе мог только тот, кто занимал там худжру *. Поэтому, когда однажды, году примерно в 1895, я остался без жилья, под угрозой оказалось и мое учение.

Найти же в Бухаре худжру было делом нелегким, хотя в городе имелось до сотни крупных медресе и почти столько же мелких. Худжры считались вакуфными[1], и, по шариату, нельзя было ни продавать их, ни покупать. Однако улемы изыскали «законные» способы оформлять и продажу, и покупку, издав особые на то разрешения — так называемые «фетва»*. Постепенно во всех медресе худжры перешли в руки богачей, а бедным учащимся, вроде меня, получить жилье, а значит и возможность учиться, стало очень нелегко.

---

[1] Вакф (вакуф) — движимое и недвижимое имущество, подаренное религиозным организациям ислама с «благотворительной» целью.

Один из моих друзей, узнав, в каком я положении, сказал мне:

— Есть в Бухаре человек по имени Кори Ишкамба. У него несколько худжр, может, он сдает тебе одну из них.

Странное имя, названное моим приятелем, заинтересовало меня куда больше, чем перспектива найти худжру.

Действительно, это было удивительнейшее имя, вернее прозвище! Ведь «ишкамба» — это желудок травоядного животного, место, где скапливается проглоченная пища. Никогда не доводилось слышать, чтобы так звали человека!..

За что же могли дать такое обидное прозвище?

Я попросил своего друга объяснить мне это.

— Настоящее имя его Кори Исмат,— сказал тот.— Из-за огромного живота сначала к его имени добавили «Ишкам» — «живот», потом какие-то шутники переиначили прозвище в «Ишкамба». Постепенно имя Исмат отпало и его стали называть просто Кори Ишкамба. А прозвище, как известно, пристает крепче имени. Так получилось и с Кори Исматом,— люди позабыли его настоящее имя, всем он известен как Кори Ишкамба.

— Вряд ли можно ждать добра от человека, прозванного Желудком,— заметил я.— Но все же познакомь меня с ним, попрошу у него худжру, а там будь что будет. Как гласит пословица: «Удастся — вырастет поливное, не удастся — выйдет богарное». Если он и откажет мне, так я хоть погляжу, по крайней мере, каков человек, прозванный Ишкамбой!

— Я сам с ним не знаком, а потому не могу тебя познакомить,— сказал мой приятель.— Но он часто встречается мне, как-нибудь покажу на улице, а ты уж найди случай познакомиться с ним и спросить о жилье.

На том и порешили.

II

Однажды я прогуливался с этим же приятелем возле водоема Диванбеги — единственном месте в Бухаре, где можно отдохнуть. Вдруг мой приятель остановился и указал мне на человека, входившего к парикмахеру.

— Вот он — Кори Ишкамба!

Я успел увидеть лишь спину человека со странным прозвищем «Желудок».

— Пока Кори Ишкамба бреется, я побуду здесь, успею рассмотреть его как следует,— сказал я приятелю.— Представится удобный случай — познакомлюсь и спрошу о худжре.

Приятель ушел, а я уселся на суфе у парикмахерской и, стараясь не привлекать внимания, принялся разглядывать Кори Ишкамбу.

Он оказался человеком среднего роста, и живот у него действительно был непомерно большой — такого я не видел ни у кого из толстяков. Жирное, расплывшееся тело и толстая короткая шея были под стать животу. На широком полном лице Кори Ишкамбы росла длинная борода, густая и спутанная, как заросли травы.

Тут я подумал, что если б Кори Ишкамбе сбрить бороду, он стал бы действительно похож на желудок, вынутый из освежеванного верблюда, разве что отличался б от него еще большей величиной да цветом, напоминающим кожу облезлого после чесотки верблюда.

Кто знает, может, ему дали прозвище «Ишкамба» не только за огромный живот, но и за то, что он весь — с головы до ног — походил на желудок.

Настала очередь бриться Кори Ишкамбе.

— Будьте любезны, садитесь на скамеечку! — обратился к нему парикмахер, натачивая бритву на точильном камне.

Кори Ишкамба тяжело поднялся — то ли ему трудно было поднять свое грузное тело, то ли недуг какой давал себя знать.

Сняв с головы чалму, он хотел было повесить ее на деревянный колышек, поверх полотенец парикмахера. Мастер поспешно положил бритву и брусок на полочку у зеркала и обеими руками принял у Кори Ишкамбы его чалму.

— Ваша чалма чуть не в пуд весом,— сказал он полушутливо.— Если ее повесить на этот колышек, он наверняка обломится, полотенца полетят на землю и перепачкаются.— С этими словами он положил чалму на небольшую суфу в углу комнаты.

Хотя чалма Кори Ишкамбы действительно была чрезмерно велика — вдвое больше чалмы любого муллы,— все же колышек, разумеется, не обломился бы под ее тяжестью. Мастер просто побоялся, что чалма испач-

кает его полотенца: в складках ее густо залегла пыль, сбившаяся в липкую грязь,— можно было подумать, что Кори Ишкамба наворачивал на голову не кисею, а тряпку для мытья котлов.

— Это хорошо, что вы позаботились о своих полотенцах, заодно поберегли и мою чалму,— сказал в ответ парикмахеру Кори Ишкамба.— Если бы колышек обломился, то и моя чалма оказалась бы в пыли, и я бы понес убыток: ведь на ее стирку потребуется по меньшей мере пять золотников мыла!

— Ну уж вы скажете,— заметил парикмахер.— Вашей ли чалме бояться пыли! Видать, давненько ей, бедняге, не приходилось полоскаться в лохани. По правде сказать, она грязнее вот этого земляного пола.

— Не думаете ли вы, что такую большую чалму можно класть в лохань каждую неделю? — возразил Кори Ишкамба.— Этак недолго разориться на мыле!

— Что же вы не заведете чалму поменьше? И материи пошло бы не так много, и стирать легче. Ну, и на мыле скопили бы себе состояние!

— Эх, что вы понимаете! Моя чалма не простая,— без тени улыбки ответил Кори Ишкамба,— она помогает мне и на свадьбах получше угоститься, и на похоронах получить кусок ткани побольше. Когда я в такой чалме являюсь на похороны, то мне дают по два аршина бязи или ситца, хотя всем другим отрывают по одному. А на свадебном пиру предо мной ставят блюдо побольше и плов накладывают пожирнее да с мясом.

Разговаривая, мастер не переставал водить бритвой по бруску. Наточив и направив бритву, он обвязал шею Кори Ишкамбы полотенцем и приступил к бритью.

— Кто вас не знает, тот не пригласит ни на свадьбу, ни на похороны, а кто знает, тот встретит так, как найдет нужным: не поглядит на размеры вашей чалмы. Так зачем же тратить лишнюю ткань?

— Ну и простак же вы, братец! Ежели б я довольствовался тем, что получаю на тех поминках, на которые меня приглашают, я и за бритье не мог бы заплатить! Полуденную молитву я совершаю в мечети Диванбеги. Каждого покойника, которого туда приносят,— знаком он был мне или нет,— я провожаю до могилы и получаю свою долю!

— Не так-то уж много вы тратите на бритье, чтобы стоило беспокоиться о деньгах!— сказал с усмешкой

парикмахер, смачивая водой и массируя ему голову.— Люди бреются по два раза в неделю, а вы — раз в два месяца, да и то платите половину.

Эти слова заставили меня внимательно взглянуть на голову Кори Ишкамбы. Волосы у него действительно отросли, как у заключенных в эмирском зиндане*, и спутанными прядями покрывали лоб, виски, затылок, сплетаясь с бородой, как нити основы и утка. На темени виднелась плешь величиной с ладонь.

Замечание парикмахера, видимо, сильно задело Кори Ишкамбу. Он высвободил свою голову из его рук и, взглянув ему в глаза, проговорил с обидой в голосе:

— Брею я голову каждую неделю или раз в два месяца — это мое дело. Длинные у меня волосы или короткие — вы все равно проводите бритвой только один раз. Когда вы снимаете волосы подлиннее, вам не приходится лишний раз проводить бритвой по одному и тому же месту. А если я плачу меньше других — так и на это зря обижаетесь: сами видите — половину моей головы занимает плешь, по ней вы совсем не водите бритвой! Надо же принять это во внимание!

Вероятно, желая успокоить Кори Ишкамбу, мастер мягко сказал:

— Я ведь только пошутил. Мало ли дадите, много ли, дядюшка Кори, все равно приму ваши деньги с признательностью и буду считать их благословенными.

Кончив брить голову Кори Ишкамбе, парикмахер снял с его шеи полотенце и стряхнул волосы в ящик. Он собирался повязать полотенце снова, чтобы, смочив голову, соскоблить бритвой грязь с кожи, но Кори Ишкамба остановил его:

— Не надо, подровняйте немного усы, и хватит. Мне некогда, я спешу!

— Торопитесь на чьи-нибудь похороны? — спросил мастер.

— Нет,— не поняв скрытой иронии, возразил Кори Ишкамба.— Если и случится попасть сегодня на похороны, то не раньше полудня.— Он взглянул на стенные часы.— А сейчас всего десять.

— Что же за неотложное у вас дело? Спешите незваным гостем на чью-нибудь свадьбу?

Кори Ишкамба опять не заметил издевки. Он ответил серьезно и спокойно:

— Дело в том, что как раз в это время в банке

завтракают. Стоит опоздать, и я лишусь вкусного сладкого чая.

Весь этот разговор вызвал у меня сильное недоумение. У этого человека несколько собственных худжр в медресе,— рассуждал я,— почему же он экономит даже ничтожную мелочь на бритье, рассчитывает на дары, раздаваемые на похоронах незнакомых ему людей? А если он нищий и мой приятель просто подшутил надо мной, сказав, что он может сдать худжру, как же в таком случае Кори Ишкамба притязает на знакомство со служащими банка, даже ходит к ним пить чай?.. Ну, да ладно, если даже приятель решил разыграть меня, все равно тип мне попался презабавный. Стоит понаблюдать за этим человеком, узнать его повадки, послушать его разговоры. Для меня, любителя разгадывать странные характеры, это настоящая находка. Не беда, если у него нет худжры или он не захочет сдать ее,— он и сам по себе представляет для меня большой интерес. Послежу за ним, выясню, что за птица. Разговор о жилье послужит поводом для знакомства.

Кори Ишкамба еле дождался, пока мастер кончил подстригать ему усы. Едва тот снял с его шеи полотенце, как толстяк, сопя, поднялся со скамейки, схватил свою чалму, напялил на голову и поспешно вышел.

— Эй, дядюшка Кори, а деньги! — закричал ему вслед парикмахер.

Но Кори Ишкамба, не останавливаясь, бросил через плечо:

— В следующий раз заплачу сразу за два бритья.— И он так быстро скрылся в толпе, что мне пришлось отказаться от мысли познакомиться с ним в этот раз.

Долго еще бродил я потом по улицам вдоль лавок, но увидеть его мне так и не довелось.

III

На другой день, после того как я наблюдал за Кори Ишкамбой у парикмахера, я решил поискать его и непременно с ним познакомиться. Обойдя водоем Диванбеги, я попал на улицу торговцев тканями, которая тянулась от водоема и мечети Диванбеги на восток. Внимательно оглядев улицу до самого перекрестка и не найдя того, кого искал, я отправился дальше, к рядам тор-

говцев фарфором. Ряды эти, начинаясь от улицы продавцов тканями, тянулись к северу.

Не пройдя и десяти шагов, я увидел Кори Ишкамбу; он сидел на суфе у лавки продавца фарфора. Пройдя немного дальше, я также присел у закрытой лавки на другой стороне улицы и, не подавая вида, что интересуюсь Кори Ишкамбой, стал следить за каждым его движением, как кошка, подстерегающая мышь.

Толстяк и хозяин лавки пили чай. Мимо проходил торговец лепешками. На голове он нес корзину, в руках — другую. Зазывая покупателей, лепешечник кричал:

— Горячие, горячие, руки обжигают! Не из муки они — из чистого сахара, замешаны не на воде — на масле, не отведаете — пожалеете!

Кори Ишкамба подозвал его, выбрал две лепешки и, не спрашивая о цене, не торгуясь с продавцом, положил их на лежавший перед хозяином круглый веер от мух. Потом, словно бы намереваясь уплатить, сунул руку в карман, пошарил, но денег не вытащил. Не смущаясь, разломил лепешку, говоря хозяину лавки:

— Братец, у меня не оказалось мелких денег, сделайте милость, уплатите за лепешки!

И, не дожидаясь ответа, приступил к еде.

Хозяин лавки остолбенел от удивления. Посмотрел сначала на Кори Ишкамбу, потом на лепешки, наконец осведомился у продавца о цене, почесал затылок и, вынув из ящика деньги, отпустил лепешечника.

А Кори Ишкамба не зевал — взгляд его прикован был к вееру. Он брал куски лепешки и, складывая вдвое и втрое, запихивал в рот.

Торговец фарфором сообразил, что Кори Ишкамба не думает предлагать ему лепешку и скоро от нее ничего не останется. Поэтому взял поскорее кусок и, сунув в рот, запил чаем. Увидев это, Кори Ишкамба так набил рот, что не в состоянии был вымолвить слово. Знаком показал торговцу, чтобы тот скорее допивал свой чай и наливал ему. Ведь он, бедняга, не мог без чая проглотить застрявшую в горле пищу. Указывая одной рукой на чайник, другую Кори Ишкамба положил на последний кусок лепешки, оставшийся на веере, боясь, как бы он не достался его сотрапезнику.

Торговец одним глотком выпил остывший чай и налил Кори Ишкамбе. Протянув ему пиалу, он с насмеш-

ливой улыбкой стал наблюдать, как управляется Кори Ишкамба с остатками лепешки. Тот подул на чай, отхлебнул немного и с трудом сделал глоток. Освободив, немного рот, он отправил туда последний кусок. Допив чай, Кори Ишкамба отставил пиалу, встал с места и, ни слова не говоря, пустился в путь.

Я — за ним.

Не успев пройти и двадцати шагов, Кори Ишкамба снова присел, на этот раз у лавки торговца сундуками. К сожалению, около этой лавки не оказалось подходящего места для наблюдения — мне пришлось пройти немного дальше. Уголком глаза я видел, что хозяин расположился в глубине лавки, за поставленными на ребро счетами. Перед ним, видимо, лежало что-то съестное, он завтракал, закрывшись счетами от прохожих. Но разве могла укрыться еда от острого, как у галки, глаза Кори Ишкамбы. Не мешкая, присел он на пороге лавки и протянул руку за счеты. Как ни прятал сундучник свою еду, Кори Ишкамба сумел принять участие в его завтраке.

Я не слышал, как и о чем они говорили, но подозреваю, что на беседу время не тратилось, слишком поглощен был Кори Ишкамба принятием пищи. И вряд ли я ошибся,— едва хозяин лавки поднял счеты и отложил их в сторону, Кори Ишкамба встал и отправился дальше.

* * *

Кори Ишкамба вошел в маленькую крытую улочку между рядами торговцев фарфором и москательщиков. Здесь торговали тюбетейками и шелковыми тканями. Я тоже завернул туда и быстро зашагал за Кори Ишкамбой, стараясь не отставать от него. Он остановился возле лавки продавца тюбетеек.

— Ну, продали вы мои тюбетейки? — спросил он.

Этот вопрос Кори Ишкамбы поверг меня в еще большее изумление. Человек, который, как нищий, старается получить кусок ткани на похоронах не известных ему людей, который незваным является на свадьбы, чтобы угоститься там пловом, человек, который водит близкое знакомство со служащими банка, теперь оказался не то мастером по вышиванию тюбетеек, не то перекупщиком. Желание подслушать разговор было слишком ве-

лико, и я позабыл об осторожности, подошел поближе и встал за спиной Кори Ишкамбы.

— Нет, еще не продал! — ответил ему продавец тюбетеек.

Кори Ишкамба посмотрел на продавца с недоверием.

— Наверное, продали, а деньги пустили в оборот!

— Уж больно вы подозрительны, дядюшка Кори,— с раздражением проговорил торговец и, нагнувшись, достал с одной из полок, закрытой занавеской, сложенные стопкой тюбетейки. Положив товар перед Кори Ишкамбой, он спросил:

— Ваши это тюбетейки?

Когда Кори Ишкамба подтвердил, что тюбетейки действительно его, торговец, подтолкнув к нему стопку, заявил:

— Забирайте их! Уносите! Не желаю я в награду за услуги терпеть оскорбительные намеки и упреки!

Кори Ишкамба сразу же стал извиняться:

— Что вы, что вы, я верю вам, я просто пошутил, а вы вот приняли мою шутку всерьез и даже рассердились!

— Ах, что толку сердиться! Разве впервые я слышу от вас подобные шутки,— сказал более спокойным тоном торговец, гнев которого, видимо, остыл.

Кори Ишкамба тотчас же воспользовался этим.

— Вот и хорошо, оставим шутки! — воскликнул он.— Послушайте, любезнейший, мне сегодня крайне нужны деньги! Выручите меня, дайте за мои тюбетейки вперед... Ну, если не все, то хоть половину! А я уж помолюсь и за ваше здоровье, и за здоровье ваших детей!

— Опять вы шутите... А если говорите серьезно, то меня это не устраивает!

— Почему? — деланно удивился Кори Ишкамба.

— Вы же сами просите продавать свои тюбетейки приезжим покупателям в розницу и по высокой цене. Но поштучно я их скоро не распродам. Как же я могу вложить свой капитал в ваш товар! Какая мне выгода, что я на этом заработаю? А из каких денег уплачу за найм лавки, откуда возьму на жизнь, из каких доходов смогу погасить свой долг вам? Вы ведь за каждые сто тенег берете ежемесячно две с половиной теньги процентов! — Помолчав немного и переведя дух, продавец тюбетеек добавил: — Давайте договоримся так: или вы в течение одного месяца не будете насчитывать на мой

долг проценты, или уступите тюбетейки по оптовой цене. Вот тогда я вам сейчас оплачу наличными деньгами всю стоимость вашего товара. Ну, что скажете? Согласны?

— Нет, это меня не устраивает! Так я потеряю четвертую часть дохода с тюбетеек! — сказал Кори Ишкамба. Разговор пришелся ему не по душе, и он собрался уходить.

— Что вы спешите? Присаживайтесь! Я закажу чайник чая в счет тех денег, которые выручу за ваши тюбетейки,— воскликнул не без ехидства торговец.

— Нет, не нужно, благодарствуйте! Мне пора в банк, чаю я напьюсь там! — сказал Кори Ишкамба и насмешливо добавил: — Чай, который вы рассчитываете заказать на деньги, вырученные от продажи моих тюбетеек, не утолит ни вашей, ни моей жажды!

Когда Кори Ишкамба отошел, взгляд торговца упал на меня.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Мне нужна тюбетейка! — ответил я, не зная, как еще объяснить, почему я все это время торчал за спиной Кори Ишкамбы.

Услышав мои слова, Кори Ишкамба проворно повернулся к торговцу и попросил:

— Покажи им из моих тюбетеек, может быть, одна из них будет продана при мне, и я тут же смогу получить деньги! Ей-богу, мне они до крайности нужны!

Торговец протянул мне стопку тюбетеек Кори Ишкамбы, сказав:

— Выбирайте из этих!

Не собираясь покупать, я рассеянно оглядел тюбетейки и, выбрав наугад одну из них, спросил о цене.

— Пять тенег,— ответил торговец.

— Две теньги! — сказал я, возвращая всю стопку и думая про себя: «Ведь денег-то у меня нет! Вдруг торговец согласится, под каким предлогом откажусь я от покупки?» При этой мысли я весь покрылся потом.

— Имейте совесть, братец! — вступил в торг Кори Ишкамба.— Ведь лишь материал для тюбетейки стоит больше четырех тенег! Надо что-то выручить за шитье! Да ладно, пускай шитье обойдется вам даром,— давайте четыре тенги!

Я ничего не ответил на слова Кори Ишкамбы, будто и не слышал их.

Опытный торговец, который по глазам умел понять — серьезный перед ним покупатель или только желающий прицениться, взял из моих рук тюбетейки и, уложив обратно под занавеску, сказал Кори Ишкамбе:

— Дядюшка Кори, напрасно надеетесь, они ничего не купят!

Убедившись, что я не покупатель, Кори Ишкамба продолжал свой путь. Я пустился за ним.

* * *

Выйдя на улицу, ведущую к рядам бакалейщиков, Кори Ишкамба снова остановился у одной из лавок. Я опять пристроился за ним, делая вид, что собираюсь совершить покупку.

Поздоровавшись с хозяином лавки, Кори сказал ему:

— Дайте мне кусочек гулканда* в счет правнуков!

Улыбнувшись, бакалейщик приподнял крышку большой медной чаши, стоявшей перед ним, отломил железной лопаточкой кусочек леденца величиной с грецкий орех и протянул Кори Ишкамбе.

Кори Ишкамба взял лопаточку, положил в рот гулканд и, посасывая его, сказал:

— Правнук что-то маленьким оказался! Прилип к зубам, растаял во рту, а внутрь ничего не попало!

— Лавочка у меня тесная, товара и капитала мало, да и товар такой, что покупателя на него нет, и не найдешь его, поэтому я и беден. В таком месте правнуки быстро растут, не скоро достигают зрелости!

— Ладно, тогда не в счет правнуков, а просто, бога ради, дайте мне еще кусочек гулканда, а то у меня охладел к пище желудок и совсем пропал аппетит, хоть плачь! А я помолюсь за вас, чтобы бог привел вам увидеть свадьбу своих детей!

— Ох-хо-хо! — вздохнул хозяин.— Хорошо, что у вас охладел желудок, не то вы проглотили бы весь мир, не прожевывая! — И все же он отломил Ишкамбе еще кусочек гулканда.

Вероятно, хозяин лавочки посчитал меня спутником Кори Ишкамбы. Он со мной не заговорил и не спросил, что мне нужно. Зато сам Кори Ишкамба вдруг оглядел меня с ног до головы острым, проницательным взглядом и, с хрустом разжевывая гулканд, спросил:

— Братец, уж не ко мне ли у вас дело?

Я, признаться, растерялся и, вместо того, чтобы пря-

мо сказать, что у меня есть к нему дело, помимо воли произнес слова, приготовленные на тот случай, если ко мне обратится бакалейщик:

— Мне нужен черный перец!

Конечно, такой ответ на его вопрос прозвучал нелепо. Кори Ишкамба насмешливо улыбнулся, глядя на меня. Окончательно растерявшись от смущения, я сунул руку в карман, намереваясь купить немного перца и избежать позора. Но в кармане, как назло, не нашлось ни гроша. Краснея и бледнея от стыда, обливаясь потом, я сказал бакалейщику:

— Простите, у меня случайно не оказалось с собой денег. Я схожу за деньгами и тогда возьму у вас перца.

Торопливо покидая лавку, я кинул взгляд на Кори Ишкамбу — оттопырив нижнюю губу, он многозначительно покачал головой и что-то сказал бакалейщику. Но слов я уже не расслышал.

* * *

Итак, охота и в этот день не удалась. Я сам спугнул дичь, и, кажется, навсегда: Кори Ишкамба понял, что я не собирался покупать ни перца, ни тюбетейки, что в обоих случаях я притворялся. Теперь не приходилось рассчитывать, что мне удастся познакомиться с ним на улице.

Я очень досадовал на свою оплошность. Стоило мне ответить на его вопрос утвердительно, сказать прямо, что мне нужно переговорить с ним, изложить свою просьбу, и он бы понял, почему я хожу за ним по пятам. Пусть бы он даже отказал мне в худжре, я хотя бы понаблюдал за образом жизни этого странного человека. То, что я лишился возможности следить за ним дальше, огорчило меня больше, чем утрата надежды на худжру.

Однако теперь поздно было сожалеть и раскаиваться, я ничего не мог изменить.

И все же я верил, что рано или поздно сведу знакомство с этим человеком и пойму его характер.

IV

На следующий день, выйдя на базарный перекресток, я направился к чайному ряду, который тянулся на север от мечети Диванбеги, между медресе Кукалташ и мечетью Магок.

Среди чайных лавок, на южной стороне улицы, как раз против тупичка, где торговали углем, расположен был караван-сарай, известный под названием Джаннат-макони.

По обеим сторонам у входа в караван-сарай находились две высокие суфы. На одной из них всегда сидел со своим подносом торговец сластями Рахими Қанд.

Рахими Қанд был на редкость занятным человеком. Я получал немалое удовольствие от разговоров с ним. Мне нравилось слушать его рассказы о жизни, и я частенько присаживался на соседнюю суфу, чтобы побеседовать с ним.

Упомянув Рахими Қанда, я должен немного и рассказать о нем своим читателям.

Уроженец селения Фаик, Шафриканского туменя, он прошел обучение в Бухаре, выбрав профессию музыканта. Рахими Қанд неплохо играл на тамбуре, но особым талантом не обладал. Петь он и вовсе не умел, не был речист и, не отличаясь приятностью обращения и любезностью, не мог украсить пирушку забавным рассказом или остроумным словом. Поэтому богачи не приглашали его играть на свадьбе или торжественном приеме гостей. Спрос на его искусство был невелик, а когда его все приглашали на свадьбу или пирушку, платили мало — две-три тенги за весь вечер, это равнялось тридцати копейкам. Что и говорить, сами понимаете, Рахими Қанд был беден, очень беден, ничего не имел за душой и нередко голодал.

Так как приглашать этого музыканта было много дешевле, чем других, учащиеся медресе чаще всего именно его звали на свои устраиваемые в складчину пирушки.

На одной такой пирушке я и познакомился с ним.

Иногда в разгаре веселья учащиеся подшучивали над Рахими Қандом, а некоторые позволяли себе проделки, переходящие грань допустимого, обижали его.

Однажды мои однокурсники — более ста человек — собрали в начале учебного года деньги для учителя — тысячу пятьсот тенег. Вручив учителю в виде подарка к началу года (так называемого ифтитахона) тысячу четыреста тенег, остальные сто тенег решили истратить на ночную пирушку, пригласив на нее тамбуриста.

Угощение на эти деньги получилось довольно скромное, и музыканта позвали самого дешевого — Рахими

Канда. Певцами выступали по очереди все желающие самоучки — «савти», как их называли на жаргоне учащихся медресе.

Пир начался. Рахими Канд играл на тамбуре, а любители пели. Среди пирующих оказалось немало людей с хорошими голосами. Они пели один за другим и поэтому не уставали, зато Рахими Канд, игравший без передышки с вечера до полуночи, так переутомился, что уже не в силах был бить по струнам своими одеревеневшими пальцами. Тамбур его умолк. Учащиеся потребовали, чтобы музыкант продолжал играть, но он решительно отказался.

— Хоть убейте — не могу больше!

— Вот как! — с угрозой воскликнул один из певцов, Амин, по прозвищу «Мышь».

— Да так — больше играть не стану!

— Эй, друзья, вставайте, устроим «кучу малу»! — крикнул Амин-Мышь и повалил Рахими Канда на ковер. На них навалилось несколько озорников. С криком и шутками они принялись колотить и мять бедного тамбуриста. Тот сперва стонал и охал, а потом заплакал и взмолился, чтобы его отпустили. Его не слушали, продолжали бить, пока он не пообещал снова взяться за свой тамбур.

Рахими Канд поднялся. Сев на свое место, он дрожащими пальцами ударил по струнам. Но дребезжащие звуки походили теперь на жужжание мухи, запутавшейся в сетях паука.

Тут подали последнее угощение — плов. Перед гостями и устроителями пирушки выстроился ряд блюд. Это спасло Рахими Канда от мучителей: вкусный дымящийся плов они предпочли игре на тамбуре.

Когда пирушка подошла к концу и все стали расходиться, устроители вечеринки рассчитались с Рахими Кандом,— дали ему положенные две тенги, а сверх того поставили перед ним большую чашку плова, накрытую лепешкой,— для его ребятишек.

Ох, как осчастливило Рахими Канда неожиданное подношение! Благословляя хозяев, он говорил:

— Да воздаст вам бог за это, желаю всем вам стать мударрисами, муфтиями, алимами, раисами, казиями и казикаланами *!

— Знаешь, друг, чтобы твои слова исполнились, все теперешние мударрисы, муфтии и всякие раисы должны

умереть или потерять свои должности,— сказал один из учащихся.— Если же все важные лица, которых ты своим пожеланием попросту проклял, прослышат о твоих словах, они устроят тебе такую «кучу малу», что живым не останешься!

— Пускай,— ответил Рахими Канд, и его губы, кажется, впервые за весь вечер сложились в улыбку.— Если после «кучи малы» мне всегда будут давать чашку плова да еще и лепешку, я не стану жаловаться на судьбу!

* * *

Конечно, Рахими Канд не мог прокормить свою семью на две тенги, перепадавшие ему, увы, не каждый день, да на случайную подачку раз в несколько недель, а иногда и месяцев на свадьбах и пирушках. Никаким ремеслом он не владел, ничему другому не был обучен, поэтому подрабатывал немного, продавая сласти. Для настоящей большой торговли у него не было капитала. Весь его товар состоял из кучи наколотого сахара и небольшого количества леденцов и конфет. Кусочки сахара побольше он продавал по два пула за кусок, а мелкие куски — по одному пулу. Разложив на одной стороне подноса сахар, на другой — дешевенькие конфеты и леденцы из патоки, он каждое утро выходил к караван-сараю Джаннатмакони, садился на суфу и поджидал покупателей; товар его имел спрос в основном среди уличных мальчишек.

Из-за этого побочного занятия к имени Рахими-Танбуриста прибавилось слово «Канд» — «Сахар», под этим прозвищем он и был известен среди бухарцев.

Иной раз и я покупал на копейку что-нибудь из «коммерческих товаров» Рахими Канда. Выбрав кусок сахару или конфету, я закладывал лакомство за щеку и посасывал, усевшись на суфу. Покупал я конфету не потому, что хотел сладкого; меня привлекали занятные рассказы и анекдоты продавца, которые я мог слушать, сидя подле него. Он всегда был рад даже самому бедному покупателю и охотно вступал в разговоры.

Рассказывал Рахими Канд большей частью о случаях из своей жизни или о том, что довелось увидеть и услышать. Однако он, мягко выражаясь, не чурался

преувеличений. И, бывало, сочинял такие небылицы, что слушатели рты раскрывали. Рассказывал он красочно, будто в самом деле был очевидцем или даже участником происшествия. Кажется, музыкант-лоточник и сам свято верил во все, что произносили его уста. Мне больше всего нравились как раз его, похожие на сказку, вымыслы.

Из того, что довелось мне услышать от Рахими Канда, я запомнил два рассказа, и мне хочется привести их здесь.

Однажды Рахими Канд пожаловался мне на плохие времена, на то, что люди теперь утратили хороший вкус и перестали ценить настоящее искусство.

— Будь у людей вкус, умей они ценить искусство,— начал он,— сумели бы отличить настоящего мастера, оценить его игру и не стали бы плохих музыкантов возносить до небес, а таких, как я,— швырять в пыль! Все эти ваши прославленные музыканты всего-навсего самоучки, они в глаза не видали хорошего учителя, не знали настоящей школы, выросли на почве искусства, как растет сама по себе сорная трава в цветнике. Зато они здорово дурачат простаков, расхваливают себя перед неразборчивыми людьми и выманивают у них деньги. А я вот несколько лет обучался у мастеров первой руки, овладел подлинным мастерством и не могу заработать теперь на кусок хлеба, на платье, чтобы прикрыть наготу!

После такого вступления Рахими Канд продолжал:

— Я десять лет обучался и служил у Насруллы, продавца котлов. Люди называли его для краткости просто Насрулла-Котел. А он в свое время считался лучшим знатоком шашмакома*.

Когда я полностью овладел искусством исполнять на тамбуре макомы — они текли из-под моих пальцев, как струи ручья,— мой учитель стал брать меня с собой на пиры. Однажды Насрулла-Котел взял меня на пирушку, которую устроил зять казикалона в своем саду в селении Хитойон.

Были там и другие певцы и музыканты. Настроив на один лад свои инструменты, мы играли вместе, хором пели и певцы. Увеселение продолжалось до полуночи. Когда гости съели последнее блюдо плова и разошлись кто куда, чтобы поспать, мой учитель обратился к хозяину:

— Если пожелаете и разрешите, мы с моим учеником сыграем для вас отдельно.

Понятно, зять казикалана с удовольствием согласился, и Насрулла велел мне приготовиться для исполнения мелодии Наво*. Я настроил тамбур, учитель взял в руки дойру. Он запел, отбивая ритм, я аккомпанировал ему.

Вдруг прилетели два соловья и опустились прямо на то дерево, под которым сидели мы. Послушали некоторое время наше пение, видно, уловили ритм и принялись щелкать в такт нашей мелодии. Это еще больше воодушевило моего учителя, он стал состязаться с соловьями, испуская услаждающие слух стоны! Я не отставал и своими умелыми пальцами заставлял дрожать струны тамбура, как струны самого сердца. Слушатели млели от нашей волнующей музыки. Соловьи потерпели поражение в этом состязании — замолкли, а через минуту, ошалелые, кинулись к нам. Один сел на гриф моего тамбура, другой на ободок дойры моего учителя. Все наши слушатели пришли в неистовый восторг, громкая похвала взвилась к самому небу!

Я не сомневался, что такого рода рассказы Рахими Канда далеки от истины, но не подавал вида, что не верю ему, притворялся, будто принимаю все за чистую монету, ведь почувствуй он с моей стороны хоть малейшее недоверие, очень рассердился бы и, возможно, порвал бы со мной знакомство; во всяком случае, мне больше никогда не довелось бы услышать от него подобные истории.

* * *

Иногда Рахими Канд повествовал о легендарном героизме живых людей — наших современников. Однажды речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами*. По словам Рахими Канда, эмир, одержав победу, в течение одного часа убил четыреста человек, взятых в плен, и сложил башню из голов гиссарцев и кулябцев. Ярче всего Рахими Канд описывал подвиги участника этой войны Азизуллы.

Я знал Азизуллу. Он происходил из Балха и обучался в бухарском медресе. На войну с горцами пошел добровольцем и, сражаясь на стороне Музаффара, достиг высоких должностей. В то время, когда Рахими Канд

рассказывал мне об этом человеке, он был раисом в Гиждуване.

Особую известность Азизулла приобрел своим враньем. Он сам говорил о себе, что если ему не удастся удачно соврать сто раз в день, вечером он не сможет спокойно уснуть.

Рахими Канд рассказал мне о подвигах Азизуллы-Враля следующее:

— Он был в рядах отборных воинов, из числа приближенных эмира, и участвовал в нападениях на кулябцев и гиссарцев. Верхом на своем коне он налетал на врага и каждым взмахом сабли срубал головы десяти — двенадцати воинам. Однажды в разгар битвы ему пришлось проскочить верхом между двумя тутовыми деревьями, они росли совсем рядом — ветви их переплелись между собой, и голова Азизуллы застряла между ними, оторвавшись от тела. А он не растерялся, тут же повернул лошадь обратно, высвободил из ветвей голову и приладил ее на шее прежде, чем застыла кровь. Голова сразу приросла, и Азизулла как ни в чем не бывало продолжал битву.

Эта история привела меня в восторг, и, позабыв про обидчивость Рахими Канда, я воскликнул:

— Хорошо еще, что Азизулла в спешке не приставил свою голову задом наперед! Глаза оказались бы на том месте, где у людей затылок, а это причинило бы ему в жизни много неудобств!

Рахими Канд, почувствовав в моих словах недоверие к его рассказу, сердито оборвал:

— Он не был ни слепым, ни глупым,— хорошо знал, как должна сидеть на шее его собственная голова!

Я извинился и уверил рассказчика, что не сомневаюсь в правдивости его слов. Однако после того случая Рахими Канд долго еще воздерживался рассказывать что-нибудь.

V

Направившись вдоль чайных рядов, я дошел до караван-сарая Джаннатмакони. На суфе, как всегда, сидел Рахими Канд со своим подносом. Купив у него леденец, я присел на противоположную суфу.

Сегодня я поставил перед собой цель разузнать, где, в каком квартале живет Қори Ишкамба. Все мои по-

мысли были направлены на это. Поэтому я сидел задумавшись, не пытаясь втянуть Рахими Канда в разговор и не стремясь услышать какую-нибудь занятную историю. Не успел я съесть свой леденец, как со стороны медресе Кукалташ показался Кори Ишкамба. Я так и впился в него глазами, стараясь определить выражение его лица.

Подойдя ближе, он тоже вгляделся в меня. В его умных проницательных глазах ясно читалось: «А, опять тот самый врун!»

Смущенный, я отвел взгляд, сделав вид, что не узнаю подошедшего, но краем глаза продолжал следить за каждым его движением.

Он приблизился к Рахими Канду, взял с подноса кусочек сахару и один леденец, отправил в рот, затем схватил конфету и, развертывая бумажку, пошел дальше.

Побледнев, Рахими Канд закричал ему вслед дрожащим голосом:

— Дядюшка Кори, бросьте шутить! Как же так можно! Я человек бедный, у меня семья! Заплатите! Пожалуйста, заплатите!

Обернувшись, Кори Ишкамба проговорил:

— Ах ты, неблагодарный! Не забывай моего угощения! Вспомни плов, который ты ел вчера! Я еще пригожусь тебе, помогу получить куда больше за эту безделицу! — И преспокойно зашагал дальше.

— Скряга, ничтожество! — закричал Рахими Канд.

— Кто это? — спросил я, притворяясь, что совершенно не знаю Кори Ишкамбу.

— Шакал в чалме, кровосос-ростовщик, скряга, негодяй! — ответил Рахими Канд.

— Как же вам удалось отведать его хлеба-соли? Почему он попрекает вас неблагодарностью?

— Его хлеба-соли жены его и то ни разу не ели! — ответил Рахими Канд, все более распаляясь.—Он на вчерашний плов намекал. Один водонос справлял свадьбу и пригласил меня позабавить гостей игрой на тамбуре. Я сидел во дворе на широкой деревянной тахте и играл. Появился среди гостей и этот. Вместе со всеми зашел в комнату, где подавали угощение, и съел свою долю плова. Потом подошел ко мне, присел на край тахты. Люди входили в комнату, угощались пловом, уходили, а он все сидел возле меня, потом попросил хозяи-

на подать чай. Подошли еще гости, посидели, поели и ушли, а он все сидел. Когда наконец все гости поели и разошлись, он сказал прислуживавшим на свадьбе, чтоб и мне принесли плова. «У него не только руки играют, и живот урчит в лад тамбуру! Да смотрите, чтоб плов был пожирней да мяса побольше!».

Принесли блюдо плова. И вправду мяса не пожалели, плов был хороший, жирный, только мне не досталось и десятой части! У Кори Ишкамбы был завидный аппетит, хотя он все время угощался вместе с другими. Пока я съедал одну горсть, он успевал отправлять в рот три-четыре, да при этом умудрялся, обжора, захватить в каждую горсть по жирному куску мяса, выбирал рис снизу, где было пожирней, так что сало стекало ему по руке до локтя.

Поев, я хотел снова начать играть и стал подкручивать колышки на своем тамбуре, настраивать его, а тут Кори приставил свои жирные губы к моему уху и прошептал:

— Хватит, кончай свою игру, гости расходятся. Хочешь, устрою так, что тебе дадут блюдо плова, но с условием, половина будет моя. Согласен?

— Понятное дело, согласен,— говорю ему.

— Ну коли так, проси хозяина свадьбы отпустить тебя!

— Разрешите мне идти? — спросил я хозяина, пряча свой тамбур в чехол.

Хозяин дал мне плату — две тенги — и положил передо мной лепешку и горсть конфет. Я положил деньги в карман и стал завязывать лепешку и сласти в свой платок. Тут Кори Ишкамба указал на меня хозяину, говоря:

— У этого человека семья. Не пожалейте для него блюдо плова. Доставьте радость его детям: положите пожирнее, да с мясом, да накройте горячей лепешкой. Настанет момент, вы опять обратитесь к нему!

Хозяину не оставалось ничего другого, как принести мне плов. Кори Ишкамба вышел первым, а я следом за ним, неся свой тамбур и блюдо с пловом.

Провожая нас, хозяин сказал:

— Не забудьте вернуть блюдо!

Прошли мы немного, Кори Ишкамба и говорит мне:

— Мой дом как раз по пути. Сначала зайдем ко мне, я отсыплю долю, а остальное понесешь домой!

Долго шли мы улицами и переулками, пока наконец добрались до его дома. Оказалось, что он живет гораздо дальше, чем я.

В этом месте Рахими Канд прервал свой рассказ, чтобы перевести дух.

Так как мне очень хотелось узнать адрес Кори Ишкамбы, я улучил момент и спросил:

— В какой же квартал и на какую улицу вы пришли?

— Знаете квартал Кемухтгаран? Так вот Кори Ишкамба живет в самом конце тупичка, что за караван-сараем, там, где торгуют сапожками и кожаными калошами! — объяснил мне Рахими Канд и продолжал свой рассказ: — Так вот, дошли до его дома, он забрал у меня блюдо с пловом и унес на женскую половину, чтобы отложить свою часть, а когда вынес блюдо назад, лепешки на нем уже не было. Кори Ишкамба выбрал и все мясо, а риса осталось не больше восьмой части. Слил он также и весь жир. Очень, очень богат этот человек, да глаза у него ненасытные. Ни перед чем не остановится, ничего не устыдится, чтобы прибрать к рукам что-нибудь, сколько бы ни получил, никогда не насыщается,— заключил свой рассказ Рахими Канд.

Я заметил:

— Хотя ширазец Саади сказал, что «жадные глаза богача может насытить либо удовлетворение желаний, либо могильный прах», я считаю, что жадность этого человека не насытится ни тем, ни другим.

Промолвив эти слова, я поднялся с суфы, так как неожиданно заполучил адрес Кори Ишкамбы со всеми пояснениями, чего я и добивался. Теперь можно было идти прямо к Кори Ишкамбе.

VI

Пройдя от караван-сарая Джаннатмакони улицей продавцов угля, я вышел к кварталу Кемухтгаран, и, войдя в тупичок, увидел в конце его небольшие ворота, которые по всем признакам, сообщенным мне Рахими Кандом, были ворота дома Кори Ишкамбы.

Я постучался, подумав: «Не беда, если окажется, что

это не его дом. В крайнем случае спрошу, где он живет».

Спустя несколько минут за воротами послышались шаги и тихий разговор двух людей. Однако на мой стук они не отозвались. Я постучал еще раз.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Я учащийся медресе, у меня есть дело к дядюшке Кори.

— Вашего дядюшки Кори нет дома! А что у вас за дело?

— О своем деле я скажу им самим! Когда они будут дома?

— Они приходят очень поздно, иногда остаются у своих знакомых до полуночи,— ответила женщина.

— А если я приду в полночь или даже позже, смогу я их увидеть?

— Нет, нет,— сказал решительно другой голос.— Они никогда не пускают к себе в дом, даже ворот не открывают. И нам наказали, чтобы мы ни днем, ни ночью никого не впускали. Еще вчера они напомнили, чтобы мы не открывали дверей даже знакомым. Поэтому советуем вам не затруднять себя понапрасну и не пытаться застать их дома.

— А кем вы приходитесь дядюшке Кори?

— Мы их жены!

— Может быть, у них есть сын, я бы поговорил, он бы сказал о моем деле отцу, а потом передал бы мне ответ.

— У них нет ни сына, ни дочери, ни слуги! — Это был голос первой женщины.

— Они, как одинокий кипарис, одни-одинешеньки!— ответила другая. Слышно было, что она смеется.

— Ну, хорошо, может, они бывают дома днем, я приду днем! — сказал я.

— Здесь вы их никогда не сможете найти. Они выходят из дому до рассвета, а возвращаются за полночь,— ответила первая женщина.

* * *

Так как выяснилось, что я не смогу застать Кори Ишкамбу дома ни в этот день, ни в любой другой, я решил снова пойти по базарным рядам и, встретив его там, подойти, признаться в своей лжи и рассказать об истинном намерении.

Размышляя так, я прошел ряды торговцев кожаными калошами и вышел к круглому купольному пассажу, известному под названием Пассаж Ходжа Мухаммади Паррон. Пройдя через него, я направился вдоль рядов, где торговали табаком и табакерками из тыквочек. Миновав склад кишмиша и урюка, я пересек улицу москательщиков и достиг рядов торговцев чаем.

День уже клонился к вечеру, почти все торговцы закрыли лавки и разошлись по домам; прохожих было мало. Встреться мне сейчас Қори Ишкамба, обстановка для разговора с ним была бы самая подходящая. Но, увы, его не было видно. Когда я подходил к караван-сараю Джаннатмакони, Рахими Қанд как раз свертывал свой паласик, собираясь отправляться домой.

Заметив меня, он снова положил паласик на суфу, и, улыбаясь, подозвал меня. Я очень удивился, увидев его улыбающимся,— до сих пор это случилось единственный раз за время нашего знакомства, когда, как я уже рассказывал, он получил плов на пирушке, устроенной учащимися медресе. Обычно лоб у него был нахмурен, выражение лица было таким кислым, будто он отведал уксуса. А сейчас он не только улыбался — даже смеялся тихонько.

— Что вы такое сделали Қори Ишкамбе? — спросил он.

Я подошел к нему.

— Ничего, а что случилось?

Присев на суфу, Рахими Қанд сказал:

— Только вы ушли, как он опять появился тут и принялся расспрашивать, что вы за человек. «Учащийся медресе, гиждуванец»,— ответил я ему. «Ну, я был прав в своих подозрениях»,— и многозначительно кивнул головой. «А в чем вы его подозревали?»— спросил я. Помолчал и говорит: «Многие думают, что у меня есть деньги. Поэтому не раз уже воры и беспутные люди принимались меня выслеживать. А как убедятся, что я не держу дома медного гроша, так теряют ко мне интерес, отстают. Последние два-три дня этот ваш ученик медресе все ходит за мной. Видно, хочет проследить, где я получаю деньги и куда их прячу, а если увидит, что я принес в дом деньги, конечно, изрубит меня на мелкие кусочки и заберет мое добро». «Не такой он человек, напрасно вы его подозреваете!»— возразил я ему. «Может, сам по себе он не плохой человек,— отве-

тил Кори Ишкамба,— да ничего невероятного нет, если земляки сбили его с пути и заставили следить за мной. Во всяком случае, гиждуванцев следует опасаться!».

Помолчав, Рахими Канд добавил:

— Кори Исмат просил меня объяснить вам, как моему знакомому, что денег у него нет и что, если случайно они и попадают ему в руки, он их домой не берет и вообще не держит дома ничего ценного. «Есть, говорит, у меня в доме два одеяла, так они рваные и грязные, как потник из-под ослиного седла».

В заключение Рахими Канд сказал мне наставительно:

— Остерегайтесь этого человека, от него добра не дождетесь, опутает вас да еще оклевещет.

Я объяснил Рахими Канду, зачем я искал Кори Ишкамбу, рассказал о своем намерении попросить у него худжру, описал свои безуспешные попытки в течение нескольких дней поговорить с ним.

— Но раз он способен подозревать честного человека, считать его вором и разбойником, не желаю больше ни видеть его, ни просить у него жилье! Обойдусь и без его худжры, и без знакомства с ним! Как говорит Саади, «вернем его дар ему обратно»,— сказал я Рахими Канду и, попрощавшись с ним, отправился по своим делам.

VII

После этого разговора прошло несколько дней. Я не встречал больше Кори Ишкамбу, да и не стремился встретить, выкинув из головы мысль о том, чтобы познакомиться с ним и попросить худжру. Я счел за лучшее держаться от этого человека подальше.

Как-то сидел я, задумавшись, на плоской крыше лавчонки торговца солью на площади медресе Кукалташ. Вдруг около меня на землю легла чья-то тень. Поглощенный своими мыслями, я даже не поднял головы.

— Ас-салам алейкум! — прозвучало надо мной так, как обычно произносят чтецы Корана*.

Можете представить мое удивление: со мной здоровался, оказывается, сам Кори Ишкамба! Ковыряя в зубах деревянной зубочисткой, он вытаскивал остатки застрявшей между зубами пищи, разглядывал их и снова отправлял в рот.

Обиженный на него за неосновательные и оскорбительные подозрения, я нехотя ответил на приветствие и снова погрузился в свои думы.

— Прекрасный воздух на площади перед медресе Кукалташ! — сказал он, присаживаясь рядом со мной.

Я промолчал.

— Братец, может быть, у вас есть ко мне какое-нибудь дело, не зря же добрых два дня вы ходили за мной по пятам? — спросил он вкрадчиво.

— Конечно! — ответил я резко.— Мне хотелось узнать, сколько у вас денег и куда вы их прячете, чтобы сообщить это гиждуванским ворам и вас ограбить!

— Согласитесь, что, если незнакомец вас преследует, это, естественно, вызывает подозрение. Вы зря обижаетесь. Расспросив кое-кого и убедившись, что вы человек честный и порядочный, я хотел извиниться перед вами, потому и подошел, увидев вас здесь, и присел рядом с вами. Я хотел бы, чтобы вы простили меня! — сказал он, и голос его действительно звучал искренне.

Я промолчал, но он по выражению моего лица понял: извинение принято и я больше не сержусь. Тогда он добавил серьезно:

— А все же, думаю, стоит рассказать вам немного о себе. Люди считают меня денежным человеком. Это неверно. Если я зарабатываю две-три тенги для своей семьи, так и те отдаю на сохранение в верные руки, а потом трачу их по мере надобности.

Из этих слов явствовало, что у него еще остались сомнения на мой счет. Однако я понял, что нет смысла разуверять его: в этом человеке подозрительность укоренилась, видимо, как застарелая хроническая болезнь. Все же, желая хоть немного рассеять его опасения, я сказал:

— Мне нужна худжра. Один из моих друзей сказал, что у вас есть собственные худжры. Потому я и стал искать случая поговорить с вами, попросить сдать мне временно одну из них. Однако, узнав, что моя попытка познакомиться с вами вызвала у вас нехорошие подозрения, я решил «вернуть вам ваш дар обратно»,— закончил я шутливо.

— Самому мне никогда не доводилось покупать худжры,— объяснил он.— У меня отроду не было и нет наличных денег. Но у меня есть две-три худжры, которые достались мне в наследство от покойного отца.

Подчеркнув таким образом еще раз, что у него нет наличных денег, Кори Ишкамба, немного помолчав, спросил:

— Что же, нашли вы себе худжру или до сих пор все без пристанища?

— Нет, еще не нашел!

— А если найдете, то будете там каждый день варить плов? — снова спросил он.

У меня промелькнула мысль, что Кори спрашивает об этом потому, что может предложить мне лишь худжру без очага и дымохода. Поэтому я ответил так:

— Меня бы устроило жилье не только без дымохода, но и без очага, потому что я могу вообще обходиться без плова.

— А в моей худжре как раз есть очаг, который требует, чтобы на нем ежедневно готовился хороший жирный плов с мясом на двоих,— сказал он шутливо, но тут же серьезно добавил: — У меня есть две худжры, которые я сдал ученикам медресе при условии, что каждый из них раз в день будет готовить плов на двоих: один варит утром, часов в одиннадцать, а другой — к вечеру, перед второй молитвой, и я ежедневно хожу к ним есть.

— Как! Вы можете есть плов два раза в день? — прервал я его вопросом.

— О, была бы только возможность, я и четыре и пять раз в день могу поесть плова! — Глаза Кори Ишкамбы загорелись алчным огоньком.— Один из этих учеников, как мы договорились, добросовестно, каждый день точно в положенное время готовит плов, а другой хитрит: случается, убегает, скрывается от меня. А на второй день, когда я припру его к стенке, находит объяснения: то денег не оказалось, то в гостях был. Но ведь в делах подобные объяснения медного гроша не стоят! В прошлом году он под таким предлогом четыре раза не приготовил плова!

Замолчав, Кори Ишкамба снова стал ковырять в зубах своей острой зубочисткой, но между зубами остатков пищи уже не было, и он вытащил зубочистку окровавленной.

— Сейчас я как раз ел плов у этого «обманщика»,— сказал Кори Ишкамба,— вчера он сбежал, а сегодня приготовил плов, но мяса и сала в нем было малова-

то. Я его предупредил: если и дальше будет поступать так, я выгоню его из худжры... Возьметесь угощать меня каждый день пловом? Тогда я отберу худжру у этого ученика, хоть он старый мой знакомый. Ну, что скажете?

Я счел для себя унизительным объяснять этому скряге, что я беден и деньги у меня появляются не часто — ведь известно, что в глазах богачей бедняки являются самыми ничтожными и презренными людьми. Поэтому, не желая раскрывать ему своего истинного положения, я придумал отговорку:

— Зчера один человек обещал даром уступить мне на время свою худжру. Если он не сможет этого сделать, тогда, возможно, сниму вашу. Каждый день варить плов и угощать одного человека нетрудно, но еще лучше, если найдется худжра, за которую не надо платить.

— Разумеется, каждый прежде всего думает о своей выгоде,— согласился Кори Ишкамба и добавил: — Хорошо, если вам или кому-нибудь из ваших знакомых понадобится келья, я всегда могу предоставить ее на условиях, о которых уже говорил. Тому, кто будет честно соблюдать уговор, не только келью сдам, молиться за того буду. Я человек бедный, и приходится добывать себе еду таким вот образом. Да, да, я не богач, как думают обо мне люди!

С этой беседы началось мое знакомство с Кори Ишкамбой. С той поры каждый раз, как мы встречались на улице, он спрашивал меня, нашел ли я жилье. Узнав, что себе я уже раздобыл худжру, он спрашивал, не нужна ли худжра кому-нибудь из моих друзей.

Я отвечал отрицательно, и на этом наш разговор кончался. Но сколько бы раз в день ни повстречались мы с ним, его вопросы и мои ответы неизменно повторялись. Кори Ишкамба, видимо, не терял надежды найти через меня квартиранта, добросовестного и аккуратного, который ежедневно в условленное время честно «будет готовить для него плов».

VIII

По существовавшему в Бухаре обычаю, в начале солнечного года в месяце хамал* устраивались новогодние гулянья в эмирском саду, известном под названием Ширбадан. Помимо обычных харчевен, в которых

для гуляющих продавались всевозможные готовые кушанья, открывались еще и такие, где можно было приготовить плов самим, получив за плату котел, блюдо и все необходимое.

Хозяева таких харчевен расставляли легкие шатры, устанавливали перед ними ряд очагов, и за определенную плату предоставляли желающим сварить плов котлы, блюда, припасали дров, а те приносили все необходимые продукты и готовили кушанье по своему вкусу.

Однажды, во время новогодних гуляний, решила приготовить «свой» плов и наша ученическая компания. Нарезав мясо, морковь и лук, товарищи пошли гулять, а я занялся пловом.

Когда сало прокалилось и я уже пережаривал в нем мясо и лук, внезапно появился Кори Ишкамба. После обычных вопросов, нужна ли мне худжра или нет ли ученика, который ее ищет, он поинтересовался, с кем я здесь. Я назвал имена нескольких наиболее известных товарищей.

— О, все свои! — сказал он и, отойдя от меня, зашел в соседнюю харчевню. Поскольку эти харчевни были сооружены из палаток и не имели перегородок, сидящие в одной легко могли наблюдать, что происходит в другой. Там Кори Ишкамба подсел к компании, ожидавшей плова,— плов уже был сварен, но его еще не подавали.

Между тем я засыпал в котел рис, дал ему прокипеть и, когда он впитал всю воду, накрыл котел блюдом, чтобы дать плову упреть. Вернулись мои друзья, расселись в кружок под матерчатым навесом. К этому времени в соседней компании подали плов, и все принялись за него с таким усердием, что никто ни разу не обернулся к нам. Один лишь Кори Ишкамба, отправляя в рот каждую горсть плова, кидал взгляд в нашу сторону.

Но вот доспел и наш плов. Я выложил его на блюдо, оставив немного на дне котла хозяину харчевни «за присмотр», и поставил кушанье перед друзьями.

Едва Кори Ишкамба увидел, что я понес блюдо, он тут же поднялся со своего места, затем снова нагнулся и взял в горсть остаток плова. С его пальцев еще стекал жир, когда он поспешно зашагал в нашу сторону. Без разговоров, даже не поздоровавшись, подсел к нам и первым протянул руку к блюду.

Среди нас был один юноша, сын торговца, считавшегося в Бухаре богатеем средней руки. Этот юноша, мой давний приятель, был знаком с Кори Ишкамбой и любил перекинуться с ним шуткой.

Когда Кори Ишкамба подсел к нашей компании, он ему сказал:

— Дядюшка Кори, от вас не спасешься! Куда ни пойдешь, вы тут как тут, пристанете, как ришта!

— Сынок, после жатвы я собираю колосья! Как же нам быть, беднякам, если не подбирать зерна? Пусть и нам, неимущим, достанется с гумна богачей, вроде вас, несколько колосьев,— вас не убудет!

— Когда вы угощаетесь пловом у нас дома, говорите, что едите его в счет «внуков», а что вы скажете о сегодняшнем плове?

— Это уже плов в счет «правнуков», да буду я жертвой за вас! — сказал Кори. Рот у него был набит, и разобрать слова было почти невозможно.

Больше Кори Ишкамба не произнес ни слова, не отвечал он и на вопросы. Сидел, пригнувшись к блюду, и не поднимал головы.

Растопыривая все пять пальцев, он забирал плов полной горстью, плотно его уминая, стараясь каждый раз захватить кусок мяса покрупнее. Плов под его руками исчезал с такой же быстротой, с какой в половодье река смывает свои берега. Скоро он проложил в горке риса глубокий ров. Когда он переводил дыхание, зернышки риса сыпались изо рта ему на колени, и на скатерть, и обратно в блюдо.

Увидев это, я перестал есть. Невозможно было смотреть на плов без отвращения. Да и другие протягивали руки к блюду неохотно, брали плов понемногу из-под низу, куда не попадали рисинки, падавшие изо рта Кори Ишкамбы.

Иногда плов застревал у него в глотке. Тогда он, не отнимая правой руки от блюда, хватал левой чашу с водой и, отхлебнув, проглатывал пищу.

— Ну, дядюшка Кори, вам бы не худо обзавестись для еды шомполом,— заметил я.

Он усмехнулся, но ничего не ответил: набитый рисом рот не позволял вымолвить и слова.

— Зачем же шомпол? — спросил меня один из товарищей.

— Да чтобы проталкивать пищу через горло и утрамбовывать ее в желудке! — ответил я.

— Шомполом для плова ему служит вода! — ответил другой товарищ.

Наконец Кори Ишкамба разделался и с нашим пловом. Он поднялся, вытер руки об ичиги, тем самым смазав голенища жиром, и ушел, ни с кем не попрощавшись.

* * *

Вся наша компания была раздосадована появлением этого неприятного гостя. Больше всех злился я. Потратить столько трудов, приготовить чудесный плов, чтобы потом отказаться его есть и остаться голодным! Другим было не так обидно, они не готовили, к тому же хоть немного поели. Сын богача, который из-за знакомства с Кори Ишкамбой чувствовал себя повинным в этой неприятной истории, видимо, понял, что сержусь на него. Он тихонько поднялся и подошел к хозяину харчевни. Тот еще не выбрал из котла плов, оставленный для него. Заплатив за этот плов, приятель положил его на тарелку и поставил передо мной. После всего, что было, аппетит у меня пропал, однако, не желая огорчать друзей, я поел немного. Забота товарища меня растрогала я успокоился и спросил его уже без всякой обиды:

— Откуда ты знаешь этого прожорливого жука?

— Слишком долго рассказывать, лучше как-нибудь в другой раз!

— Ну ладно, объясни хоть, что значит эти «внуки» и «правнуки». Я уже слышал эти загадочные слова от Кори Ишкамбы. Объясни, и я прощу тебя, а может, и его.

— Разве ты не знаешь? Да ведь он ростовщик. Проценты на деньги, отданные в рост, он называет «детьми» этих денег; проценты на проценты зовет «внуками»; а проценты на проценты с процентов «правнуками». — И далее пояснил: — Когда кто-нибудь берет у него деньги в долг, он сдирает с него хорошие проценты, да еще требует их вперед из занятых у него же денег. Он считает, что это «дети» его денег; пока человек ему должен, ростовщик ходит к нему в дом, ест вместе с ним и считает всю эту еду «внуками» своих денег». А когда

ему доводится, кроме обычного угощения, сорвать со своего должника еще что-нибудь — например, съесть с ним дыню, виноград, сласти, — он называет его «правнуками» денег, то есть процентами на проценты с процентов.

IX

Прошло несколько месяцев после этого гулянья в Ширбадане. Однажды, уже зимой, после вечернего намаза ко мне в келью вошел мой приятель — сын купца.

— У меня сегодня дело к Кори Ишкамбе. Он сказал, что я смогу видеть его дома часов в десять вечера...

— Да ведь он никого не впускает к себе в дом так поздно,— прервал я его.

— Он в этом деле заинтересован куда больше, чем я, и сам назначил мне время и место встречи. Улицы Бухары, как вы знаете, ночами небезопасны, потому прошу вас пойти со мной.

— У тебя отец, братья, слуги. С какой же стати ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? Да и не хочу видеть его омерзительной рожи, не выношу ее.

— И все-таки прошу вас. Дело в том, что я должен отправиться туда в тайне от отца, матери и братьев. Был у меня преданный слуга, посвященный в мои секреты. Но он заболел и уехал домой. Я пришел к вам, так как доверяю вам больше, чем другим. Кроме того, знаю, что вы умеете держать язык за зубами.

— Откройте мне свою «сокровенную тайну», тогда я обдумаю и решу, могу ли я принять участие в этом деле.

— Видите ли,— сказал юноша,— я тайком от родителей взял у этого ростовщика под проценты тысячу тенег. Сегодня я могу их вернуть. Когда же это сделать, если не ночью. Ночь — хранительница многих тайн.

— Так и быть,— согласился я.— Хоть мне смертельно не хочется входить в дом Кори Ишкамбы, я не могу отказать тебе. Пойдем вместе.

* * *

Около десяти часов мы пустились в путь. Ночь была темной и безлунной. В такие ночи нелегко ходить по уз-

ким, извилистым улочкам Бухары. Хорошо еще, что в тот день выпал снег. Слабый отраженный свет от него давал возможность видеть, куда мы ступаем, и не натыкаться на дома и ограды, не падать в рытвины.

Мы добрались уже до квартала Кемухтгаран, где жил Кори Ишкамба, когда услышали за собой конский топот. Это был миршаб *, объезжавший со своими людьми улицы. Они орали во все горло, били в медные барабаны, привязанные к луке седла. Дело в том, что миршаб и его люди сами боялись разбойников и по ночам не осмеливались к ним приблизиться. Они предпочитали хватать попадавшихся им на пути честных людей, а потом брать с них выкуп. Если схваченные не могли откупиться, их сажали в тюрьму.

Мы с приятелем сначала растерялись, не знали, как быть. Броситься бежать,— люди миршаба сразу смекнут, что мы честные люди, и кинутся в погоню, схватят нас. Выйти навстречу — так миршаб сразу увидит, что нас бояться ему нечего: добыча сама далась ему в руки.

Приятель мой не на шутку перепугался. Попадись мы — ему пришлось бы откупиться частью тех денег, которые он нес Кори Ишкамбе. Нас могли и задержать, бросить в тюрьму, а в этом случае открылась бы тайна, которую приятель так тщательно скрывал от отца.

Я успокоил его, уверил, что бояться нечего, велел следовать за мной, а сам стал осторожно пробираться вдоль стены. У лавок продавцов красок отряд миршаба почти настиг нас. Прячась в тени крытых рядов, мы поднялись на суфу одной из лавочек. Отломив небольшой кусок кирпича и взяв его в руку, я приготовился ко всяким неожиданностям.

Сообразив, что мы спрятались в тени крытых рядов, люди миршаба окликнули нас, желая узнать, не разбойники ли мы.

— Кто идет?

Вместо ответа я швырнул в их сторону обломок кирпича. Они решили, что мы разбойники. Миршаб, замыкавший свой отряд, повернул коня назад, поскакал в переулок, где торгуют углем, затем по направлению к своему сторожевому посту у базарного перекрестка. Отряд устремился за ним, перестал бить в барабаны и кричать. Когда они исчезли из виду, мы вышли из-за укрытия. Обогнув зловонное болото, куда стекала гряз-

ная вода со всего квартала Кемухтгаран, мы свернули налево, в тупичок, к дому Кори Ишкамбы.

* * *

Приятель предупредил меня, что я должен тихо стоять сбоку от ворот, не говорить ни слова, не производить ни малейшего шума.

— Если Кори Ишкамба догадается, что я привел с собой постороннего, то ворот не откроет.

Я отошел в сторонку, а он постучался.

Кори Ишкамба поджидал моего приятеля в узком коридорчике, ведущем к воротам, и тотчас же откликнулся:

— Кто там?

— Я ваш знакомый, дядюшка Кори, отворите!

Кори Ишкамба открыл. Однако, заметив меня, испуганно вскрикнул и потянул к себе ворота, намереваясь их захлопнуть.

Но мой приятель не дал ему это сделать,— потянул к себе створку ворот, он ступил ногой на порог.

— Да не пугайтесь же, дядюшка Кори, это свой! — сказал он и, обратившись ко мне, пригласил войти. Пропустив меня вперед, вошел и сам. Кори Ишкамба заложил засов, повесил замок и только после этого последовал за нами.

Коридорчик был темный и очень узкий. Пробираясь ощупью, я заметил дверь; очевидно, она вела во внутреннюю половину дома. Пройдя мимо, Кори Ишкамба отворил другую дверь. За ней открылась крутая лестница. В полной темноте он стал подниматься, пригласив нас следовать за собой.

Мы шли, упираясь руками в стены, нащупывая ступени. Лестница вывела нас на небольшую открытую террасу над коридорчиком. К ней примыкала комнатка с двумя дверями, одна из которых служила окном. С другой стороны открытой террасы находился навесик, пройдя под которым, Кори Ишкамба открыл дверь и пригласил нас войти.

Наконец мы оказались в комнате. В ней было совершенно темно, мы ничего не видели и стояли, не зная, куда сесть. Хозяин прошел в передний угол, откуда послышался шорох.

— Дядюшка Кори, что вы там делаете? — спросил мой спутник.

— Лампу, лампу ищу,— сказал он и прибавил: — У вас не найдется спичек?

— У меня нет,— ответил мой приятель, пошарив за пазухой и в карманах.

— И у меня нет,— добавил я.

Кори Ишкамба постучал ногой об пол.

— Что это, дядюшка Кори! Уж не танцуете ли вы там? — спросил я.

— Под этой комнаткой жилое помещение. На мой стук кто-нибудь подымется сюда, чтобы помочь мне зажечь лампу,— ответил Кори.

И действительно, прошло немного времени, и на лестнице раздались шаги.

— Вынеси лампу, я зажгу, от нее свою!—велел Кори Ишкамба тому, кто был на лестнице.

— Почему же вы просите принести лампу, вместо того, чтобы попросить спички? — спросил мой товарищ у хозяина.

— В моем доме все построено на строгом расчете,— ответил тот.— За день должна тратиться только одна спичка, по утрам, когда разжигают очаг, чтобы вскипятить чай.— Помолчав немного, он добавил: — Люди думают, что те два-три гроша, которые я скопил, мне дало ростовщичество. Это неверно: все, что у меня есть, все я нажил только благодаря бережливости. Как говорится: «Бережливость у очага создает купца».

— А если лопнет стекло, пока несут лампу,— ведь это довольно легко может случиться — сейчас идет снег,— что даст тогда ваша бережливость? Вот уж поистине убыток в тысячу раз превзойдет стоимость спички,— промолвил я.

— Мне-то что! Убыток понесет тот, кому принадлежит лампа,— ответил Кори Ишкамба.— Потому-то я и велел вынести сюда лампу с женской половины и не позволю брать туда свою!

— А кому же принадлежит лампа?

— Моим женам! — ответил Кори Ишкамба и пояснил: — Они шьют тюбетейки. Раньше лампой и керосином снабжал их я и за это получал половину денег от продажи тюбетеек. Но женщины оказались в расчетах хитрее меня, заявили: «Не так уж много тратите вы на

свет, чтобы половину нашего заработка забирать себе!» После этого все расходы на освещение они взяли на себя, но и весь доход попадает к ним.

— Теперь понятно, почему вы стараетесь продать тюбетейки подороже — вы заботитесь о своих женах?— спросил я не без ехидства, намекая ему на разговор с продавцом тюбетеек, свидетелем которого я оказался.— Странно это! Ваши рассуждения о лампе говорят о том, что вам дела нет до расходов ваших жен, что вы печетесь только о своей выгоде! Что же заставляет вас стараться продавать тюбетейки подороже?

— Я забочусь только о своей выгоде,— хвастливо сказал Кори Ишкамба и разъяснил, что тюбетейки, которые шьют его жены, он берет у них по той цене, какую уплачивают скупщики, покупая тюбетейки оптом. А потом он отдает эти тюбетейки знакомым торговцам для продажи по розничной цене. Разница в цене идет в его пользу.

— Значит, вы превратились в скупщика! — сказал товарищ.

— Да, я становлюсь скупщиком,— ответил Кори Ишкамба.— Но не таким, как другие,— я не вкладываю в торговлю своих денег, не обременяю себя сидением в лавке и разговорами с покупателями. Я перекупщик, доход от торговли получаю без расходов и трудов.

Тем временем кто-то принес горящую лампу и поставил ее на нижнюю ступень лестницы. Кори Ишкамба спустился, взял лампу, снова поднялся по ступенькам и, войдя в комнату, поставил лампу на низенький столик. Подкрутив немного фитиль, он снял стекло. Вероятно, оно было очень раскаленным и обожгло ему руку: он принялся дуть на пальцы, приговаривая: «Ой, моя рученька!»

— Зачем же брать стекло голой рукой? Прихватили бы рукавом или платком,— заметил я.

— Хорошо еще, что не прихватил рукавом или платком,— ответил он, все еще дуя на пальцы.— Руке больно от ожога, да боль пройдет, и все обойдется, а вот если обгорел бы рукав, я понес бы большой урон!

Когда боль немного утихла, Кори Ишкамба приподнял край паласа, устилавшего пол, и, вытащив из циновки соломинку, поджег ее от пламени лампы и перенес огонь на фитиль своей, потом отнес лампу своих жен на лестницу, а свою поставил на покрытый одея-

лом низенький столик — сандали, под которым было углубление для углей.

Лампа была маленькой, трехлинейная, все же при ее скудном свете мы смогли рассмотреть убранство комнаты. На полу лежала ветхая, во многих местах изъеденная молью дешевая кошма. Одеяло, покрывавшее сандали, действительно было такое грязное, что, как говорил Кори Ишкамба Рахими Канду, почти не отличалось от потника из-под ослиного седла. Еще грязнее были курпачи *, тюфячки по краям сандали,— они выглядели не чище, чем потник осла, спина которого покрыта гнойными струпьями.

— Будьте любезны, присаживайтесь! — пригласил нас Кори Ишкамба, так как мы, устрашенные видом тюфячков, все еще стояли посреди комнаты.

Мы сели, плотно подвернув под себя полы своих верхних халатов, опасаясь запачкаться об одеяло, тюфячки и палас этой «гостиной». Мы уселись справа и слева от сандали и протянули под него ноги, надеясь согреться под горящими углями. Но под сандали было гораздо холоднее, чем снаружи. Пришлось подобрать ноги под себя.

— Мне кажется, у вас под столиком лед вместо горящих углей — ноги обожгло от стужи! — заметил мой приятель.

— Неужели на вас так сильно действует слабый морозец? — удивился Кори.— Теперь я понимаю, какая нежная кожа на ногах у сыночков богачей.

— У ученика из деревни, как известно, не такая уж нежная кожа на ногах, но и он замерз,— вмешался я.— В лютую зимнюю стужу даже у верблюда мерзнут ноги, что же говорить о людях, у которых снег забивается в калоши?! Выйдите да пройдитесь по заснеженным улицам — и почувствуете, как стынут на морозе ноги!

— Я сам только что с улицы! — ответил Кори Ишкамба.— И обошел не один квартал — полгорода обошел, а ведь на ногах у меня только рваные ичиги да кожаные калоши. И все-таки мои ноги не почувствовали холода! Что ж, значит, они у меня крепче и выносливее, чем у верблюда!

— Из этого следует, что кожа у вас толстая, как у слона! — сказал сынок купца.

«Разве почувствует слон укол острия палки, кото-

рой погоняют волов!»— припомнил я известную поговорку и обратился к нашему хозяину с вопросом:

— Позвольте, а зачем же вам понадобилось в эту пору бродить по заснеженным улицам?

— Зачем? Странный вопрос. Я был у своих знакомых, ужинал с ними, пил у них чай. Если бы я не должен был ждать вас сегодня, я зашел бы еще в несколько домов, где ужинают позже, и вернулся бы домой только к полуночи, вполне насытившись.

— А ужинаете ли вы когда-нибудь в своем собственном доме?

Кори Ишкамба расхохотался:

— Никогда! Зачем мне разжигать очаг в своем доме и тратить деньги, которые достаются мне ценой огромных усилий, если в домах друзей я всегда нахожу готовый плов и хлеб. Мудрецы сказали: «Что за прелесть чужой дом; нет ни хлопот с водой, ни забот о топливе!»— Подумав, Кори Ишкамба поправился: — Нет, я сказал вам не совсем верно! Дважды в год я все-таки ем дома!

— Ну, я этому не верю! — сказал мой приятель. — Никак не могу себе представить, чтобы вы потратили свои деньги на приготовление пищи!

— Вот еще! Я и не трачу денег! — воскликнул Кори Ишкамба.— Мои жены дважды в год, в месяцы мухаррам и раджаб*, на свои деньги приглашают чтецов Корана и устраивают поминки по своим родителям. Так как у нас нет ни детей, ни прислуги, я сам выношу плов муллам и присоединяюсь к ним.

— Ведь вы сами чтец Корана, почему же вы не читаете Коран в память родителей своих жен и не берете деньги за это себе? Как вы допускаете, чтобы деньги уплывали из вашего дома и попадали в чужой карман? — с насмешкой спросил мой приятель.

— Это верно,— сокрушаясь, ответил Кори Ишкамба, — я очень хотел бы делать это сам, но женщины, у которых волос долог, да ум короток ,никак не соглашаются — говорят, что я обману и самого бога: деньги получу, а Коран не прочитаю. Вот так-то,— вздохнул Кори Ишкамба, но тут же добавил:— Ничего, я нашел способ прибрать к рукам хоть часть этих денег!

— Каким же образом? — спросил я.

— Обычно жены поручают мне пригласить на обряд трех чтецов и для каждого из них дают по семь теңег,

завернув их в отдельные бумажки. Пока я несу деньги через коридорчик, мне удается вынуть из каждой бумажки по две тенги и положить себе в карман. Остальные монеты выношу чтецам Корана. В результате они получают по пять тенег, а я — шесть.

— Скажите уж прямо, я ворую шесть тенег, принадлежащих чтецам Корана!

— Какое же это воровство?— обиженно проговорил Кори Ишкамба.— Чтецы получают деньги за чтение Корана, да ведь я лучше их умею делать то же самое! Пусть мои глупые жены не знают этого, бог-то знает!

— Дядюшка, Кори, от ваших длинных речей теплее не становится,— сказал мой спутник.— Хотите получить деньги — несите скорее горячие угли. У меня ноги окоченели, руки одеревенели, сидеть больше не могу, не то что деньги считать.

— О, вы знаете, куда целиться, куда направить стрелу! — сказал Кори Ишкамба, вставая с места. Он постучал об пол ногой, прибавив: — Пригрозить мне, что не дадите деньги, пока не принесу горячих углей,— значит ранить меня стрелой в самое чувствительное место!

Не прошло и минуты, как послышались шаги. Кори Ишкамба сошел вниз, принес совок, в котором золы было больше, чем углей, и поставил его в углубление под столиком.

— Зачем же вы поставили туда совок, а не высыпали золу? — спросил я его.

— И в этом есть свой смысл,— ответил он.

— Смысл? Какой же?

— Потом поймете!

Хотя тепла было маловато, все же снег, налипший на нашу обувь, растаял.

— Раньше под сандалом был ледник, а теперь яма с ледяной водой,— сказал я.

— Ну, это неплохо, если о моем доме у вас останется воспоминание как об ушате холодной воды! — пошутил Кори Ишкамба, намекая на свои прежние подозрения.— Это и вас остудит, и меня успокоит.

Эти слова Кори Ишкамбы показали, что сомнения его на мой счет не совсем рассеялись.

— Вытаскивайте вашу тетрадь. Закончим побыстрее

все наши расчеты и уйдем. Долго оставаться в этом доме опасно, недолго и окоченеть! — сказал мой спутник.

Кори Ишкамба поднялся и, показав знаком, что хочет поговорить наедине, вышел из комнаты. Приятель, подмигнув мне, последовал за ним. Они немного пошептались за дверью. Потом Кори Ишкамба куда-то ушел, а мой приятель, смеясь, вернулся к своему месту.

—Что за секреты? — спросил я его.

— Какие уж там секреты! Все ростовщики одинаковы! Говорит, что не может получить от меня деньги в твоем присутствии и оставить их в доме, не доверяет тебе. Пошел привести кого-то, кому доверяет. Говорит: «Получу от вас деньги в его присутствии, запишу, а потом мы выйдем вместе с вами, вы пойдете своим путем, и мы с тем человеком отнесем деньги в известное мне место. Пусть ваш спутник не воображает, что я оставляю их дома».

Услыхав это, я оскорбился было, но, поразмыслив, успокоился — нельзя же было обижаться на безумца! Такая чудовищная подозрительность — признак безумия! Мне даже стало жаль этого беднягу, который до конца жизни обречен мучить себя необоснованными страхами.

Пока я размышлял об этом, Кори Ишкамба вернулся.

— Что, не нашли вы своего человека? — спросил мой приятель.

— Я еще за ним не ходил, вспомнил об одном очень важном деле, пришлось вернуться,— сказал Кори Ишкамба и, подойдя поближе, пояснил, что это за важное дело: — Ведь вы хорошо знаете друг друга, узнаете друг друга по голосу, а пока меня не будет, вам только и останется, что сидеть и беседовать. Так зачем же жечь лампу? Ведь это ненужная расточительность, лишний расход! Потушу-ка я ее! Снесу вниз и поставлю на ступеньку, а когда вернусь, то снова зажгу от лампы моих жен, и тогда при свете произведем расчеты. Правильно?

Прежде чем мы успели возразить, он взял лампу, снес ее вниз и, уходя, потушил.

* * *

— Ну, раз мы знакомы и можем узнать друг друга в темноте по голосу, давай поговорим о чем-нибудь,— предложил я товарищу.— Вот у тебя богатый отец, я

знаю, что все его деньги в твоем распоряжении,— зачем же тебе понадобилось брать в долг у ростовщика? Для меня, бедняка, это непостижимо. Был бы очень рад, если бы ты открылся мне. Твой рассказ разгонит тоску, которую навел на меня разговор с этим мерзким негодяем.

— Ну, что ж,— я ведь и так сделал вас поверенным своей тайны и привел сюда. Слушайте же, каким образом у меня оказался долг. Вы знаете ведь, что я сижу в одной лавке с отцом. Он неграмотный, и, вы, наверно, заметили, все деньги и расчеты в моих руках. Иногда я трачу на себя деньги из лавки, и довольно много — пятьсот или даже тысячу тенег. Случается, что как раз сразу после этого надо внести деньги в банк или уплатить какому-нибудь торговцу за товары. Вот тут мне и приходится занимать необходимую сумму, чтобы отец не заметил в лавке недостачи. А потом опять понемногу беру из лавки деньги и, собрав нужную сумму, расплачиваюсь с долгами, отдаю и набежавшие проценты.

— Ну, ладно, в жизни богатых молодых людей все это бывает,— сказал я,— но зачем ты обращаешься к этой двуногой скотине? Почему не взять в долг у какого-нибудь индуса или у другого ростовщика?

— Во-первых, у всех ростовщиков — индусы они или мусульмане — нравы одни и те же, они не отличаются от этого типа. Ну, во-вторых, боюсь, что если свяжусь с другим ростовщиком, моя тайна может сделаться известной отцу. А Кори Ишкамба скорее даст отрубить себе голову, чем выдаст тайну. Потому-то и беру я деньги у этой «двуногой скотины».

* * *

Звук шагов прервал признания моего приятеля. Вернулся Кори Ишкамба. С лампой в руке он поднялся в комнату. С ним был еще один человек. Кори поставил лампу на столик, и при ее свете мы узнали пришедшего. Это был сторож склада русской фирмы «Кавказ и Меркурий».

Кори Ишкамба спустился еще раз и принес тетрадь. Он и мой молодой приятель погрузились в расчеты. Наконец Кори принял деньги, юноша получил из его рук

свою расписку и, порвав ее, сунул в карман. Мы поднялись, чтобы уходить.

— Подождите немного, выйдем вместе! — сказал Кори Ишкамба. Передав сторожу лампу, сам он одной рукой взял тетрадь, а другой вынул из-под столика совок с углями. В совке не оставалось и следа огня — все угли успели прогореть и превратиться в золу.

— Что вы собираетесь делать с этой золой?—спросил я Кори.

— Здесь не только зола,— объяснил он,— есть еще угольки, видите, тлеют. Вот если бы я высыпал их в ямку под столиком, все угли превратились бы в золу. Теперь вы, наверное, поняли, почему я поставил угли прямо в совке: высыплю эту горячую золу под столик во внутренней комнате, где я сплю, и буду перед сном греть ноги.

С лестницы мы спустились в коридор, а оттуда вышли на улицу. Позвав своих жен, Кори Ишкамба велел им закрыть ворота и никому не открывать. Кори со сторожем направились к крытым базарным рядам, а мы снова обогнули болотце, занимавшее часть квартала Кемухтгаран, и зашагали по направлению к дому. Снег все еще падал, его навалило так много, что ноги утопали по щиколотку. Мороз усилился.

Коль скоро, рассказывая о Кори Ишкамбе, пришлось мне упомянуть о моем приятеле — сыне богатого торговца, познакомлю вас с ним поближе.

Знакомством с этим юношей я обязан покойному поэту Мухаммаду Сиддику Хайрату*, одному из моих близких друзей.

Молодой сын торговца был неплохим человеком. Он не кичился богатством отца, как это нередко случалось с другими состоятельными юнцами, и не гнушался дружбой с деревенскими парнями — учащимися медресе, даже предпочитал наше общество компании богатых и заносчивых мальчишек.

Отец моего приятеля был человеком своеобразным. Будучи неграмотным, скрывал это не только от посторонних, но и от меня, друга своего сына. Мне часто приходилось проходить мимо его лавки. Иногда ему надо было прочесть только что поступившее деловое письмо, а сына, обученного грамоте, в лавке не оказывалось, и он подзывал меня:

— Сделайте милость, выпейте пиалу чая!

Я садился. Он вынимал письмо и подавал мне.

— Прочесть вам? — спрашивал я.

— Нет, я уже прочел сам, только вот не разобрал некоторые слова — стар стал, глаза плохо видят. Сделайте одолжение, прочтите мне места, которые я покажу вам.

И он начинал показывать мне эти «некоторые места». Они составляли ту часть письма, в которой, после обычных приветствий, излагалась суть. За вступительной частью письма проводилась черта, чтобы облегчить чтение. Я читал отдельные строки. Если смысл не выяснялся из этих строк, он просил прочитать немного выше.

А потом заставлял прочесть еще несколько мест, и таким образом в конце концов я прочитывал ему все письмо, за исключением начала, содержащего общепринятые приветствия.

Он любил строить из себя муллу. Когда бывал свободен от торговых дел, подзывал прохожего муллу и затевал с ним схоластический спор на знакомые ему понаслышке религиозные темы. Иногда старик пытался втянуть в спор и меня. Но я уклонялся, ссылаясь то на неотложные дела, то на нелюбовь к спорам. В ответ он язвительно улыбался и говорил с упреком:

— Когда шейх не знает своего дела, жалуется, что мечеть тесна...— И старик принимался за наставления:— Вы, домулла, целиком отдались поэзии, не думаете о многом другом, более важном. Не стоит с головой погружаться в чтение чужих стихов и даже в сочинение своих. Разве когда-нибудь разбогател хоть один поэт? Не надейтесь сколотить себе капитал поэзией!

Он был знатоком шариата, большим ханжой и старался каждый свой шаг согласовать с предписаниями религии: входить в уборную обязательно с левой ноги, в мечеть или в дом — с правой. Это было постоянной его заботой. Он никогда не нарушал подобных правил и упорно наставлял других. Сына он держал в ежовых рукавицах, требуя, чтобы и тот строго соблюдал предписания шариата. Он не разрешал ему курить даже чилим, хотя в Бухаре курили очень многие. Это не мешало, однако, сыну не только курить, но и пить вино, что было решительно запрещено исламом и в Бухаре строжайше преследовалось.

Бай был скуповат и сам проверял все домашние расходы. Сыну было строго-настрого наказано не тра-

тить на себя ни гроша ни дома, ни вне дома. Зато дважды в год ему разрешалось устраивать с ведома отца угощение для друзей. Одно проводилось в принадлежащем их семье загородном саду, другое — также за городом, на мазаре* ходжи Бахауддина, во время гуляний на празднике Красного Мака*.

Гостей, которые также выбирались самим папашей, должно было быть не более пяти-шести. К ним присоединялись два младших сына бая и один слуга. Однако мой приятель не ограничивался этим и тайком приглашал всех своих приятелей.

В день, назначенный для приема гостей, бай выдавал сыну, рассчитывая на известных ему гостей, рис, сало и лепешки домашней выпечки. Мясо, морковь и лук он также покупал сам в соответствующем количестве. Чтобы отвезти гостей к месту пирушки, он приказывал заложить собственную арбу с невысокими колесами. Отведя младших сыновей в сторонку и подергав их для острастки за уши, бай строго приказывал им доносить обо всех лишних тратах или совершаемых в тайне от него проделках старшего сына.

На этих пирушках я бывал в числе гостей, приглашаемых с ведома отца. Мы складывали выданные баем продукты в хурджин и, погрузив его на арбу, отправлялись в путь.

Как только мы выезжали за город, мой приятель, останавливал арбу и спрашивал младших братьев:

— Хотите проехаться в фаэтоне?

— Хотим, хотим!

— Я найму фаэтон, только с условием, что вы не скажете отцу!

— Не скажем, не скажем!

Он шел на биржу и нанимал два новых, модных фаэтона, запряженных парой лошадей, увешанных бубенчиками. Мы садились в фаэтоны и отправлялись дальше. По пути арба поверх продуктов, выданных баем, нагружалась всяким добром, купленным без его ведома.

К тому времени, как мы добирались к месту пирушки, следом за нами прибывали и остальные гости, также в фаэтонах, приглашенные молодым хозяином тайком от отца. С фаэтонщиками он расплачивался, конечно, сам.

А бай радовался своей ловкости и считал, что ему удалось без больших расходов оплатить за все угощения, на которые приглашали его сына в течение года.

X

Было время суровых зимних холодов. В Бухаре, где обычно осадков выпадает мало, уже целую неделю, с того самого вечера, когда мы были у Кори Ишкамбы, не переставая, шел снег.

Дворов перед домами, как правило, не было, и поэтому жители вынуждены были сбрасывать снег с крыш прямо на улицу. В эту зиму узкие переулки оказались забиты снегом — сугробы поднимались выше домов. Каждый домохозяин лопатой или кетменем прокладывал от своей калитки узкий проход в сугробах и выбивал в снегу ступеньки, чтобы можно было подняться по ним на улицу.

Одежда моя мало годилась для таких холодов, и в последний день учебной недели,—он падал на вторник,— я решил не идти на занятия. Я лежал в своей худжре укрывшись потеплее. Часов около десяти в дверь постучали. Это был богатей-торговец, отец моего приятеля Я сильно удивился его приходу — никогда раньше он не посещал меня. В замешательстве, вместо того чтобы сказать «будьте любезны, войдите», я невольно спросил

— Что случилось?

— Не могли бы вы пойти ко мне домой,— услышал я

— Хорошо,— ответил я.

Не расспрашивая и не рассуждая, я пошел за ним Дорогой бай не произнес ни слова. Мне говорить было нечего. Мы шли молча. По выражению лица моего спутника я догадался, что он в большом затруднении.

Когда мы вошли в его дом, он открыл комнату для гостей. Я подсел к низенькому столику, покрытому одеялом, и с удовольствием протянул ноги к горячим углям Бай принес чай, лепешки, поставил на столик, сам сел с другой стороны, и мы принялись пить чай.

Бай молчал, изредка бросая на меня быстрый взгляд Мы были совсем одни. Молчание начало тяготить меня и я спросил:

— Где ваш сын?

— В лавке, он заменяет меня, когда я ухожу. Нельзя же днем запирать лавку.

— А почему же вы оставили лавку в разгар торговли?

— У меня важное дело к вам!

Я был озадачен: какое дело может быть у бая ко мне? Он никогда не обращался ко мне ни с какими делами, если не считать чтения писем, да и то лишь в тех случаях, когда рядом не оказывалось его сына. Что могло случиться? Может быть, он узнал о расточительстве сына и хочет выведать у меня, сколько тот транжирит? Что мне ему отвечать? Сказать всю правду — значит предать, а скрыть — значит солгать... Я умолк, погрузившись в размышления. Упорно молчал и он. И все поглядывал на меня, как бы стараясь понять и оценить меня.

— Что же у вас за дело ко мне? — спросил я, не в силах оставаться в неведенье.

— Да, да,— как бы очнувшись, проговорил старый торговец.— Есть у меня просьба, не знаю только, исполните вы ее или нет...

— Если смогу....

— Если кто и сможет — только вы один!

— Ну, хорошо, скажите, в чем она заключается?

— Я хочу, чтобы вы съездили в селение Розмоз, Вабкендского туменя.

— От Бухары до Розмоза не так близко, как от моей худжры до вашего дома! Ровно четыре санга* — тридцать две версты! Согласитесь, добраться туда в такой мороз не просто!

— Вам не придется идти пешком! Я оседлаю для вас своего коня!

— Одежда у меня легкая, промокнет от дождя и снега, ни суконного халата, ни особой накидки от дождя у меня нет.

— Это пустяки. Я дам вам свой нарядный чекмень, в нем не почувствуете ни холода, ни сырости,— сказал бай и опять замолчал. Видно, размышлял, не вздумаю ли я после этого считать его халат своей собственностью. Я не ошибся, минуту спустя он добавил: — Я отдал бы вам свой чекмень насовсем, но беда в том, что у меня нет другого. Я отблагодарю вас чаем или деньгами — в безвозмездных услугах я не нуждаюсь...

— Если я возьмусь выполнить вашу просьбу, то не за плату, а из дружеских чувств к вашему сыну. Ум-

ный человек не станет губить себя в такую погоду ради денег!

— Хвала вам, домулла,— сказал бай обрадованно.— Я слышал, что гиждуванцы во имя дружбы готовы идти на смерть. Оказывается, это правда.

Бай коснулся моей слабой струнки. В то время я еще был очень глупым гиждуванцем, считал, что если гиждуванец чего-нибудь не выполнит во имя дружбы, то это опозорит всех его соотечественников. В этот момент мне казалось, что если я не выполню просьбу отца моего друга, земляки-гиждуванцы непременно скажут: «Ты не пошел ради дружбы трудным путем. Этим ты опозорил имя гиждуванца, унизил нас перед горожанами. Позор тебе!» Это соображение заставило меня решиться.

— Ну, ладно, ради дружбы я поеду, что бы ни случилось!

Увидев, какое впечатление произвела на меня его ловкая лесть, бай решил одурачить меня еще больше:

— Был у меня слуга по имени Абдунаби, верный и бесстрашный. Он заболел, вернулся в родное селение и умер, вы знаете об этом. Мой сын, увы, не отличается таким мужеством, чтобы в зимнее время, когда поля и степи безлюдны, решиться ехать из города за тридцать две версты, тем более что ехать надо в Розмоз, где большинство жителей из рода Файзи Святого*. Да что там, не только мой сын, никто из горожан не поедет в такое время года. А если и поедет, то потеряет или одежду, или лошадь. Я знаю, что вы из бесстрашных гиждуванцев, потому и решился вас побеспокоить!

— Я ничего не боюсь! — воскликнул я со свойственным гиждуванцам бахвальством.— Что мне потомки Файзи Святого, пускай хоть сам воскреснет и преградит мне дорогу, я сумею убрать его с пути... Когда надо ехать?

— Сегодня, сейчас!

— Так поздно? Ведь пока я соберусь и выеду, будет час дня, до сумерек останется всего четыре часа. В Розмоз за это время не доехать в такую погоду. Дорога очень тяжелая.

— В том и состоит трудность этого дела, что надо съездить туда именно сегодня. Завтра вы должны привезти сюда двух человек. Они нужны здесь в четверг

утром. Если это не удастся сделать, поездка не будет иметь смысла.

— Эх,— вскричал я,— будь что будет!

Бай пошел седлать лошадь, а я сидел, обдумывая предстоящую мне поездку, и живо представил себе долгую дорогу, занесенную снегом, покрытую льдом...

Вскоре бай вернулся в комнату и высокопарно произнес:

— Милости прошу, конь готов!

— Но объясните в конце концов,— к кому же я еду и каких двух человек должен привезти сюда? — спросил я.

Бай рассмеялся:

— Верно, верно! За хлопотами и разговорами о дороге и дружбе позабыл объяснить! — Пошарив рукой в боковом кармане, он вынул оттуда запечатанное письмо и передал его мне.— В Розмозе есть весьма почтенный человек, арбаб* Хатам. Вы заедете прямо к нему. Отдайте ему это письмо вместе с пачкой чая, которую я положил в ваш хурджин. Он найдет нужных мне людей и отправит с вами.

Я сунул письмо во внутренний карман, надел толстый суконный халат бая и вышел из комнаты. Бай перекинул через седло хурджин, отвязал лошадь, взял ее под уздцы и вывел на улицу.

Я сел на коня и взял из рук бая камчу*. Он вытащил из-за пазухи хорошую домашнюю лепешку и, подавая ее мне, сказал:

— В пути очень хорошо иметь при себе хлеб. Заключенная в нем благодать охраняет путника от опасностей.

Затем он молитвенно поднял руки и провел ладонями по лицу:

— Да сохранит вас бог в пути, да озарит он ваш путь!

Я положил лепешку за пазуху и погнал лошадь.

* * *

По заваленным сугробами улицам продвигаться было очень трудно, поэтому я поторопился выехать на большую проезжую дорогу, ведшую к Мазарским воротам, хотя это удлиняло путь. Оказавшись за воротами я поехал вдоль городской стены, миновал пло-

щадь Машки Сарбаз*, добрался до Самаркандских ворот к Гиждувану.

На широкой дороге сугробов не было, но снег, прибитый, утрамбованный копытами лошадей и ослов, колесами арб, превратился в сплошной темноватого цвета лед, напоминающий асфальт. При каждом шаге ноги у лошади разъезжались и она едва не касалась брюхом земли. Окрестность — поля, водоемы, лощины, арыки, овраги, осушительные канавы — все было занесено снегом; всюду лежал сверкающий, слепящий глава снег.

Вода в придорожных арыках поднялась и стала на одном уровне с мостами и дорогами. Осыпанные снегом ивы, карагачи и тутовые деревья, росшие по сторонам дороги, напоминали цветущий урюк. Жаль, что долго любоваться ими было нельзя — глаза не выдерживали блеска снежинок.

В степи не было видно ничего живого. Только вороны стаями купались в снегу, как домашние куры в пыли: они ложились грудью на снег и лапками подгребали его себе под крылья. Подобно уткам, ныряющим в воду, они погружали свои головы в снег. Если бы мне предстояло заново дать имена всяким тварям, я назвал бы ворон «снежными птицами». Тишину этой мертвой снежной пустыни нарушало лишь громкое карканье.

Никого не было видно и на улицах кишлаков, через которые я проезжал. Лишь кое-где над лачугами дехкан вился дымок, единственный признак жизни, несколько смягчавший жуткую пустоту молчаливых полей.

Когда я добрался до кишлака Гала-Асийа, расположенного в одном фарсахе* от Бухары, день уже клонился к вечеру, до захода солнца оставался какой-нибудь час. Боясь оказаться темной ночью на опасной дороге, в безлюдной степи, я усердно подгонял лошадь, но она окончательно выбилась из сил. Вся она была покрыта хлопьями пены, словно сбивалка для нишаллы*, и пар от нее валил, как из котла мотальщика коконов; на гриве и хвосте болтались ледяные сосульки, напоминая подвески на девичьих косах. При каждом неловком шаге лошади, мне грозила опасность кубарем скатиться на землю.

Селение Гала-Асийа осталось позади, я ехал по направлению к Яланги, когда заметил вдалеке стаю ворон. Они то опускались на дорогу, то снова взлетали в воздух. Выше, над ними, парили, распластав крылья, стервятники. Мой конь, испуганно попятился, но удары плетки заставили его идти вперед...

Подъехав поближе к тому месту, над которым кружились птицы, я увидел на дороге труп лошади. Наверное, у бедняги не хватило сил на этот тяжелый путь, а может, она упала и сломала себе шею. Хозяин содрал с нее шкуру и ушел, оставив тушу в качестве «жертвы» хищным птицам.

Около туши вертелось несколько собак. Рыча друг на друга, они рвали и жадно пожирали мясо. Иногда они затевали драку и, сцепившись клубком, визжали, пуская в ход когти и зубы, а потом снова принимались за еду.

Со всех сторон налетали вороны и в меру сил и смелости старались ухватить свою долю. Собаки злобно косились на них, рычали, лаяли, и птицы то и дело взмывали в воздух. Они не опускались на труп, но и не отлетали далеко, верно, завидуя собакам. Птицы как будто сожалели, что им останется слишком мало. Содрогаясь, я проехал мимо.

Настала ночь, и я почти не различал темноватого «асфальта», и только лежавший по обеим сторонам нетронутый снег своей белизной слегка помогал мне ориентироваться: освещал путь. Лошадь моя ступала теперь с удивительной осторожностью, ощупывая землю копытом.

* * *

Тут меня осенила мысль: «А что если съехать с дороги?» По мягкому снегу лошади легче будет идти. Не беда, если попадутся арыки, канавы или болотца. Здесь, вероятно, хорошо подморозило, а если лед и проломится где, так это не страшно — лошадь легко сможет выбраться сама.

Не долго думая, я так и сделал. И в самом деле, неезженный путь оказался удобнее. Лошадь пошла свободнее, будто ступала по твердой почве, а через арыки и ямы просто перескакивала. Единственно, что меня беспокоило, так это отсутствие уверенности, что но-

вый путь доведет меня до цели. А вдруг я потеряю направление и окажусь в противоположной стороне?

Я все время осматривался вокруг, но ничего не видел, кроме заснеженной степи, никаких признаков человеческого жилья.

Прошло около часа, как вдруг впереди, на расстоянии примерно тысячи шагов, показался черный, пронизанный искрами дым, столбом взлетавший к небу. Я понял, что выехал к базару Яланги. Дым, конечно, шел от танура* базарной пекарни или от костра во дворе одного из караван-сараев.

На душе у меня стало спокойнее — значит, я не так уж сильно удалился от большой дороги — и погнал лошадь прямо на север.

Спустя еще час я увидел перед собой широкое поле, вспаханное под пар, да так и оставленное. Оно было покрыто крупными, не разбитыми бороной глыбами земли, такими большими, что их было видно из-под толстого слоя снега.

Я решил пересечь поле напрямик. Однако лошадь испуганно попятилась, заупрямилась и не хотела ступать ни шагу вперед. Я бил ее камчой — это не помогало. При каждом ударе она опускала голову, храпела, но не двигалась с места. Тогда я взял камчу в левую руку и ударил ее по брюху. Этого она не стерпела. Не в силах противиться моей воле, она опустила морду к земле и, фыркая, сделала два шага вперед и почему-то погрузилась передними ногами в почву, будто ступала в жидкую грязь. Она остановилась, но я снова стегнул ее по брюху. Она неохотно сделала еще два шага вперед и тут же завязла всеми четырьмя ногами, из-под них забулькала вода. Лошадь моя погружалась в воду. Скоро вода достигла подпруги и начала растекаться по глыбам вокруг.

Только теперь я понял, в какую беду попал. Это было не поле, а берег замерзшего Зеравшана. Быстро бегущая вода реки в сильные морозы замерзает не сверху, а со дна. Льдины, принесенные течением сверху, примерзают там, где оно слабее; к ним пристают другие, обломки льда сталкиваются, встают на ребро, и поверхность реки кажется покрытой крупными комьями земли или камнями. В темноте я принял замерзший Зеравшан за вспаханное поле. Когда вода достиг-

ла кошмы седла, я понял, что оказался в реке. Поспешно соскочив с лошади на лед, я снял хурджин и отбросил его в сторону. Боясь, что лед подо мной может проломиться и я попаду в прорубь, я держался рукой за стремя, в случае чего, я мог бы спастись, ухватившись за лошадь.

Потом я осторожно отошел назад, насколько позволяла длина стремянного ремня. Убедившись, что лед под моими ногами крепок, я хотел отпустить стремя, но не смог отнять руку — кожа примерзла к бронзе. В это время лошадь рванулась, и стремя само оторвалось от моей руки. Нестерпимая боль,— будто открытую рану посыпали солью,— обожгла мне ладонь. Однако мне было не до боли,— я думал, как бы скорее выбраться на берег. Мне это удалось, а лошадь продолжала беспомощно барахтаться в воде. Она сделала еще один прыжок в направлении течения, но лед проломился и там, и она погрузилась в воду еще глубже. Постояв немного спокойно, словно собираясь с силами, лошадь снова прыгнула в сторону берега. Таким образом, чередуя передышку с прыжками, она выбралась наконец на берег и, сильно встряхнув гривой, замерла, понурив голову. Ее трясло как в лихорадке, сосульки в хвосте и гриве позванивали, ударяясь одна об другую.

Я тоже промок, и мои кожаные калоши, и ичиги, и подол халата обледенели. Меня тоже била лихорадка.

По моим расчетам, я находился невдалеке от моста Мехтаркасым. Я бросил хурджин на седло, надел обледеневшую уздечку себе на руку поверх чекменя и, ведя лошадь в поводу, пошел, держа направление на восток.

Я не ошибся. Через четверть часа показались силуэты строений базара, что у моста Мехтаркасым, а спустя еще несколько минут я уже был под их крытыми торговыми рядами.

* * *

Я постучался в первую попавшуюся чайную. Чайханщик проснулся, открыл дверь и, увидев, что у меня лошадь, разбудил своего слугу и велел взять ее у меня. Заметив, что одежда на мне вымокла и обледенела, чайханщик поднял сандали и развел огонь. Сняв с меня одежду, он развесил ее просушить, а на меня

набросил свой халат. Затем стащил с моих ног мокрые ичиги и поставил вместе с кожаными калошами у костра. Однако не позволил мне протянуть к огню озябшие, совершенно одеревеневшие от холода ноги, он укутал их в теплое одеяло, которым покрыт был сандали. Я сел у ярко пылавшего огня, подставив грудь и плечи живительному теплу...

Немного согревшись и передохнув, я снова почувствовал острую боль: горела ободранная рука, протянул ее к огню, увидел, что ладонь довольно сильно ободрана. Чайханщик собрал со стен паутину — в ней недостатка не было, приложил к моей ране и перевязал руку платком.

— До утра все пройдет, заживет, не успеешь заметить, как заживет.

И действительно, рука у меня болела недолго. Уже через пять дней ободранное место зажило.

Успокоившись и придя в себя, я рассказал чайханщику, как провалился в реку.

— Если так, то надо отогреть и лошадь,— сказал он.

Окликнув слугу, хозяин велел ему развести в конюшне костер, развесить и просушить всю упряжь.

Вскипела вода в медном кувшине, чайханщик заварил чай, я разломил лепешку, которую дал мне бай, чтобы она «хранила меня от несчастий».

Горячий чай окончательно вернул меня к жизни, я обогрелся. Чайханщик разрешил скинуть с ног одеяло и протянуть их к огню. Очаг уже прогорел и был полон тлеющих угольков, похожих на цветки граната. Чайханщик поставил над ними сандали и накрыл его одеялом. Я прилег, опираясь на руку, и, засунув ноги под одеяло, незаметно уснул.

Когда я проснулся, уже рассветало. Я попросил оседлать лошадь. Денег, чтобы расплатиться с чайханщиком, у меня не было, поэтому я вытащил из хурджина пачку чая, переданную мне баем для арбаба, и отсыпал немного чайханщику. Отблагодарил его таким образом и выразил признательность за приют и заботы.

— Благодарить не надо. Кто живет у дороги, должен оказывать услуги попавшим в беду путникам,— сказал он и добавил с легкой усмешкой:— Что от вас

скрывать, случается иногда забрести к нам и молодым львам со своей добычей. Тогда нам перепадают голова и ножки для холодца! Этой платы достаточно, чтобы оказывать услуги и таким людям, как вы.

Он намекал на разбойников, которые останавливались у него после грабежей.

Я тронулся в путь. Проехав через мост Мехтаркасым, погнал лошадь вправо по дороге, ведущей к кишлаку Розмоз. Дорога эта, хотя и покрыта льдом, была лучше вчерашней: лошадь довольно уверенно ступала по аробной колее.

* * *

В Розмоз я приехал часов в десять утра и спросил у встречного, где живет арбаб Хатам. Мне указали на большой дом с такими огромными воротами, что в них могли одновременно пройти верблюд и груженая арба.

Во дворе мне попался слуга, он провел меня в комнату для гостей и сказал:

— Арбаб находятся здесь!

В переднем углу гостиной у сандали сидел белолицый и рябоватый человек. Судя по его длинной с проседью бороде, ему было за пятьдесят. Крупная голова венчала плотную коренастую фигуру. Он был бы даже красив, если бы не косой левый глаз.

Его полнота свидетельствовала о том, что питается он неплохо, ублажая свой желудок свежей кази* и жирной бараниной. На нем было надето три халата: два ватных, подпоясанных широким кушаком, а поверх них — хороший суконный, небесно-голубого цвета. На голову навернута была белая пуховая чалма, длинный конец которой спускался ему на грудь.

По другую сторону сандали сидели два старика, внешне мало отличавшиеся друг от друга, оба с узкими красными лицами, слезящимися глазами без ресниц, оба с козлиными бородками и коротко подстриженными усами. Только носы у них были разные: один был курносый, другой горбоносый.

И возраста они были примерно одинакового: оба выглядели лет шестидесяти-семидесяти. Они были худы, одежда плотно облегала их тела. На каждом был надет стеганый халат из домотканой коричневой материи, а поверх — другой, легкий халат. Длинные кон-

цы больших чалм из накрахмаленной фабричной ткани спускались им на грудь.

Возле курносого старика стоял чайник, он разливал из него чай.

По обычаю, я поздоровался сначала с человеком, сидевшим на самом почетном месте, а потом уже со стариками — с курносым и горбоносым.

Здороваясь со мной, полный человек слегка привстал, но оба старика протянули мне руки, даже не пошевельнувшись. Видя, что они не слишком соблюдают обычную вежливость, я тоже, не дожидаясь приглашения, подсел к свободному углу сандали, ниже того места, где сидел полный человек, но выше того, где сидели старики. По обычаю, воздев руки, я прочел молитву.

— Думаю, не грех спросить, откуда гость и из каких мест к нам пожаловали,— начал разговор человек, сидевший на почетном месте.

— Из Бухары,— ответил я, вытаскивая из-за пазухи письмо.

Однако я не знал, кто же из трех арбаб Хатам: хозяину не полагалось сидеть на более почетном месте, чем гости, особенно, если они были преклонных лет. Следовательно, полный человек не мог быть арбабом Хатамом.

Но догадаться, который из двух стариков, сидевших ниже него, хозяин дома, было трудно. Хозяину дома полагается прислуживать гостям, поэтому я заключил, что, вероятно, курносый старик и есть арбаб Хатам, и протянул ему письмо со словами: «Бай передали вам привет». Курносый не принял из моих рук письма и сказал с запинкой;

— Я... с баем незнаком, даже имени их не знаю. Вероятно вы ошиблись?

— Разве вы не арбаб Хатам?

Курносый, взглянув на полного человека, рассмеялся, а тот, тоже улыбаясь, произнес:

— Арбаб Хатам — это я. Примета утверждает, что если хозяин дома займет самое почетное место, выше своих гостей, это поведет к дешевизне, вот я и сел на более почетное место, чем мои гости.

Я протянул ему письмо. Он взял его и, разорвав конверт, обратился ко мне:

— Не можете ли вы прочесть?

— Посмотрим,— улыбнулся я,— может быть, и смогу!

После обычных приветствий и молитв о здравии бай писал: «Пришлите мне двух свидетелей половчее, договоритесь с ними о плате и напишите мне об этом». В конце письма он сообщал, что посылает в подарок пачку чая* с подателем письма, и обещал в будущем оказывать арбабу услуги. Заканчивалось письмо приветом и подписью: «ваш покорный слуга... бай».

Прочитав письмо, я вышел в переднюю, вынул из хурджина чай и, положив перед арбабом, рассказал о том, как я провалился в реку и должен был отдать часть чая чайханщику.

— Ничего! — сказал арбаб Хатам.— Этот чай свалился мне с неба, и не беда, если часть его снова унес ветер.

Подозвав слугу, он приказал ему подать дастархан, чай и не забыть принести кази. Сделав знак обоим старикам, арбаб вышел вместе с ними из комнаты. Пошептавшись, они вернулись и снова расселись по своим местам. Между тем слуга подал чай и еду. Арбаб нарезал кази, и мы принялись есть.

— Вы, конечно, переночуете у нас? — спросил меня арбаб. Я ответил, что к ночи мне необходимо вернуться в город, и извинился, что не могу остаться.

— Если так, нужно покормить лошадь! — сказал он и, подозвав слугу, приказал ему разнуздать мою лошадь и бросить ей сена.

— У нас в кишлаке нет ни одного человека с приличным почерком. Я несколько раз поручал имаму нашей мечети писать письма, но кому бы я их ни посылал, никто не мог прочитать,— сказал арбаб.

— Хороший почерк — дар всевышнего! — заметил курносый.— Не всякий, кто берется за учение и становится муллой, может научиться и писать!

— То же можно сказать и насчет чтения! — добавил горбоносый.— Если бог не даст, человек и читать не научится, сколько бы ни учился. Вот, к примеру, наш имам: они учились, стали муллой, даже сделались имамом мечети такого кишлака, как Розмоз, а прочитать мне деловую бумагу — купчую крепость или долговую расписку, так они никак не могут разобрать — начинают запинаться.

— А вы сами умеете писать? — спросил арбаб меня.

— Немного! — ответил я.

— Если так, может, напишете баю письмо от моего имени?

— Извольте!

— Есть у вас калам*?

— Нет, я не взял с собой.

Арбаб позвал слугу и приказал сходить к имаму за каламом и бумагой. Минут через пять слуга вернулся с пустыми руками.

— Имама нет дома, они уехали на мельницу к Достбаю помолиться за одного больного.

— Ладно, зачем писать? Вы можете передать баю мои слова и устно,— сказал арбаб, но горбоносый старик с ним не согласился.

— Лучше пусть будет письмо, это послужит документом.

— Тогда — найдите калам и бумагу сами,— проворчал в ответ арбаб.

— Калам я найду,— сказал горбоносый,— а вот достану ли бумагу — не знаю.

— Найдите хотя бы калам,— воскликнул я.— Написать ответ можно и на обертке от чая!

— Да сопутствует вам удача во всем за то, что нашли выход! — поклонившись мне, сказал горбоносый и вышел из комнаты.

Немного спустя он вернулся с огрызком карандаша.

— Где вы взяли? — спросил его довольный арбаб.

— У плотника Усто Рузи. Когда строили дом Наурузабая, я видел этот карандаш у него в руках. Он делал отметки на досках!

— Хорошо, что он не потерял его до сих пор,— заметил курносый.

Горбоносый протянул мне карандаш. Я отточил его ножом, которым резали колбасу. Арбаб высыпал чай в свой платок и подал обертку мне.

Я написал: «После приветствий доводится до вашего сведения...» — и посмотрел вопросительно на арбаба.

— Что писать?

— Пишите: «После бесконечных молитв за вас и бесчисленных приветствий, передаваемых заочно, я, ничтожный, полный недостатков, бедняк, арбаб Хатам...».

— Все это я уже написал, скажите то, что хотите сообщить,— прервал я его.

Арбаб и оба старика, вытянув шеи, глядели на написанные мною слова.

— Я сказал много, а у вас написано мало,— недоверчиво заметил арбаб.

— Я пишу убористо, слова занимают у меня мало места,— возразил я.

Курносый старик, незаметно показав на меня пальцем из своего угла, сделал одобрительный знак. Я притворился, будто ничего не понял.

— Ну, если так, пишите дальше,— сказал арбаб и принялся диктовать:— «Я посылаю вам двух ловких свидетелей. Один — Халик-ишан*, бывший мюрид покойного большого ишана Шайахси, другой носит имя Разык-халифа, он стал халифой* у Ибадуллы-Махсума, потомка святого халифа Хусейна, у них имеется посвятительная грамота от их наставника». И еще напишите: «Мы договорились со свидетелями, что если вы выиграете дело, то уплатите каждому по пятидесяти теней, а если проиграете — по двадцати пяти. Расходы по проезду несете вы». Напишите еще, что каждое утро свидетели должны получать чай со сливками, да чтобы сливок было побольше... а вечером — хороший, жирный плов. Напишите: «Будете кормить также их лошадей, давать им клевер и ячмень». Пишите еще: «Передаю вам привет» — и подпишитесь: «Вечный бедняк, ничтожный арбаб Хатам из Розмоза».

Конечно, я написал не совсем так, как диктовал арбаб: я изложил суть дела в нескольких строчках. Сложив бумагу вчетверо, сунул ее во внутренний карман и обратился к арбабу:

— Хорошо, а где же ваши Халик-ишан и Разык-халифа? Нам надо поскорее трогаться в путь!

— Вот они — Халик-ишан.— Арбаб Хатам указал на курносого старика.— А они,— кивнул на горбоносого,— Разык-халифа.

* * *

Халик-ишан и Разык-халифа, оседлав своих лошадей, подъехали верхом к воротам дома арбаба Хатама. Сел на своего коня и я, и мы втроем направились в Бухару. Солнце стояло в зените — был полдень.

Лошади моих спутников выглядели хуже моей, но шли по льду намного лучше и проворнее. Я спросил стариков о причине этого.

— Наши лошади подкованы, а ваша, наверно, нет, а если и подкована, то подковы сбиты,— ответил Разык-халифа.

— Она совсем не подкована,— объявил Халик-ишан, ехавший сзади,— ему хорошо были видны копыта моей лошади.

Мы подъехали к мосту Мехтаркасым, откуда начиналась ужасная «асфальтовая» дорога. Я поделился со спутниками своим вчерашним опытом, который, однако, чуть было не окончился моей смертью и гибелью лошади. Все же «опыт» мой был одобрен, и мы съехали с дороги.

Когда мы добрались до селения Гала-Асийа, солнце уже близилось к закату. Если бы мы не успели подъехать к городским воротам до наступления вечера, пришлось бы остановиться в какой-нибудь чайхане, так как на ночь ворота закрывались. Надо было спешить, но моя лошадь выбилась из сил и не в состоянии была прибавить шагу, особенно после того, как, миновав селение, мы вынуждены были вернуться на покрытую льдом дорогу,— множество канав, ям, овражков и разных строений не позволяло здесь гнать лошадей целиной. Даже удары камчи не помогали моей лошади — стоило ей ускорить шаг, как все ее четыре ноги разъезжались в разные стороны.

Пришлось Халик-ишану уступить мне свою лошадь, а самому идти пешком, ведя моего коня на поводу. Таким образом ко времени вечернего намаза мы успели войти в городские ворота.

Я вручил баю привезенный мною из Розмоза «товар», неподкованную лошадь и письмо арбаба Хатама. Сняв с себя чекмень,— полы его топорщились после просушки у огня, стали твердыми, как карагачевая доска,— я вернул его баю. Несмотря на настойчивое приглашение зайти поесть плова и обогреться, я поторопился вернуться к себе в худжру. Я долго не мог уснуть, хотя очень устал и, можно сказать, почти не спал в прошлую ночь: меня донимали мысли о привезенных мною свидетелях, я все думал, за что им заплатят пятьдесят тенег, если дело будет выиграно, и

двадцать пять — если его проиграют, и вообще — что это за загадочная история.

* * *

Поднявшись часов в девять и выпив чаю, я вышел на улицу. Меня все еще занимали мысли о «свидетелях» и письме арбаба Хатама. Разгадать эту загадку я мог только с помощью сына бая и поэтому направился прямо к их лавке. К счастью, приятель мой был один.

Я присел около него и рассказал о моей поездке, о письме его отца к арбабу и ответе на него. Рассказал еще о двух стариках, которых арбаб послал сюда в качестве «свидетелей», и спросил, что все это означает.

— Я вам вполне доверяю и знаю, что вы никому не раскроете нашей тайны,— сказал он.— Мой отец совершает большую несправедливость по отношению к нашему старому слуге Абдунаби. Он служил у нас десять лет и ничего не получал от отца, кроме пищи и одежды. Правда, я давал ему иногда четыре-пять теней из лавки, но отец этого не знает...

Отхлебнув чай из стоявшей перед ним пиалы, он налил мне и продолжал:

— Когда Абдунаби заболел, отец не стал о нем заботиться, и тому поневоле пришлось вернуться в родное селение, к братьям, бедным дехканам. Болезнь одолела его, он вскоре умер. Отец мой взял да предъявил его братьям иск. Он утверждает, будто уплатил Абдунаби еще до его болезни две тысячи теней — за четыре года работы и будто половина этой суммы была уплачена вперед, а Абдунаби умер, не отработав. Теперь отец требует от его братьев уплатить этот долг на том основании, что они наследники Абдунаби.

— Раз они бедные дехкане, как же он выжмет из них столько денег?— прервал его я.

— Главное — взвалить на них этот долг и тем самым закабалить. Если суд признает должниками, отец сумеет выколотить из них деньги. Они подрабатывают поденной работой. Просто им придется все свои деньги отдавать отцу, в счет долга, отказывая себе в еде и одежде. Короче говоря, они до конца жизни будут его рабами.

— А как твой отец собирается взвалить на них этот долг?

— Вы же привезли «свидетелей», они как раз и подтвердят притязания отца,— объяснил сын бая.— Дело один раз уже разбиралось — утром в прошлый вторник. Казий потребовал представить документ об уплате денег или привести свидетелей. Отец обещал, что свидетели будут в четверг. Вот они и пошли сейчас на разбор дела.

— Так ведь эти «свидетели» не знают ни Абдунаби, ни твоего отца! Какие же смогут они дать показания?

— Я и сам убежден, что отец никогда их раньше не видал, но вчера, после вечернего плова, он выслал меня из комнаты и имел с ними секретный разговор. Я попробовал подслушать, да не все разобрал. Отец наставлял их, как держаться на суде, а чему учил — я так и не понял.

— Чему он их учил, узнать нетрудно,— заметил я и, распрощавшись, пошел прямо в дом казия.

* * *

Во дворе у казия собралось много тяжущихся, дела которых должны были разбираться сегодня. В одном углу сидели бай со своими «свидетелями» и ответчики — братья Абдунаби, приведшие с собой старосту своего кишлака.

Спустя некоторое время служащий казикалана подошел к баю и сказал:

— Будьте любезны, проходите. Ваша очередь!

Бай со своими «свидетелями» впереди, ответчики со старостой за ними взошли на высокую глинобитную суфу перед канцелярией казия.

Казикалан сидел в комнате, у самого окна. У него было узкое, птичье лицо, жидкая, но очень длинная козлиная борода, узкие обезьяньи глаза с воспаленными веками без ресниц, длинные, как у зайца, уши и острый, загнутый книзу нос, похожий на клюв кеклика.

На суфе во дворе перед окном разостлана была простая циновка. Истец и ответчики сели на эту циновку рядом, подобрав под себя ноги. Когда бай и братья Абдунаби опустились на циновку, казий, сощурив свои узкие глаза, оглядел их одного за другим и спросил у служителя:

— Бай привел своих свидетелей,— ответил тот с поклоном и передал казию исковое прошение.

Пробежав глазами прошение, казий обратился к баю:

— Кому дали вы эти две тысячи тенег?

— Абдунаби, брату этих людей,— сказал бай, указав на ответчиков.— Вот они — его кровные братья и наследники.

— Признаете вы этот долг или не признаете? — спросил казикалан у ответчиков, пронизывая их взглядом своих маленьких глаз.

— Нам известно даже, когда мы умрем, а вот об этом долге — понятия не имеем,— начал один из ответчиков, который казался постарше другого.— Мы знаем только одно — наш брат Абдунаби служил у них десять лет и не получал никакой платы, а как заболел...

Казикалан грубо прервал его:

— Не распространяйся! Говори — признаешь или не признаешь?

— Не признаю, господин!

Казикалан задал тот же вопрос другому брату и, получив такой же ответ, обратился к истцу:

— У вас документ или свидетели?

— У меня свидетели, господин!

Казикалан передал служителю прошение и приказал:

— Выведи их и разберись! Если удастся, уладь миром, если нет — приведи их обратно. Решение вынесем согласно священному закону шариата.

— Хорошо, господин!— промолвил служитель с поклоном и сделал знак тяжущимся выйти за ним.

Когда все спустились с суфы, служитель казикалана объявил:

— Ваше дело отложено до субботы. Вам дается целый день на обдумывание. Если примиритесь, выдам вам бумагу о прекращении дела. Если нет — в субботу опять явитесь к господину защитнику шариата. А теперь платите мне за труды!

Бай вынул пять тенег и протянул их служителю.

— Этого мало! — сказал тот.— Сегодня, завтра да суббота — это три дня. По пяти тенег за день — это будет пятнадцать тенег!

— Ну, теперь очередь за вами,— сказал служитель, обращаясь к братьям Абдунаби.

Староста открыл кошелек, чтобы заплатить за них.

— Хватит ему с нас и пяти тенег!— сказал вполголоса один из братьев старосте.

— Почему?— удивился тот.— Разве не знаете государственного порядка? Пока тяжба не разрешится, обе стороны несут расходы поровну, а когда тяжба окончится, казий решит, кому оплачивать все эти расходы.— Он вытащил из кошелька двенадцать тенег и вручил их служителю казикалана.

— Удовлетворите и старосту,— сказал тот, взглянув на ответчиков.

— Хватит того, что вас удовлетворили, а мы уж как-нибудь договоримся друг с другом!— возразил староста.

После этого все разошлись.

Я сожалел, что тяжба не была решена сегодня, мне очень хотелось узнать, чем кончится дело.

«Сумею ли я прийти к разбирательству в субботу— ведь это как раз день занятий?»— подумал я. Мне предстояло в субботу прослушать шесть лекций, причем все в разных, отдаленных друг от друга местах. Правда, в субботу я должен был заниматься у казикалана — урок был назначен на одиннадцать часов. Но было неизвестно, совпадет ли он с разбором дела по времени.

* * *

В субботу я бегал как угорелый из одного медресе в другое. Не терпелось поскорее кончить все лекции, чтобы пораньше попасть в канцелярию казия. Разумеется, как бы я ни торопился, я не мог изменить ни очередности, ни продолжительности занятий. И все же я торопился, мчался в надежде на то, что, может, увижу, как выступят подкупные лжесвидетели.

Едва закончилась последняя лекция, я чуть ли не бегом пустился в путь и явился за пятнадцать минут до начала занятий у казия. Внутренняя и наружная части судебного помещения были заполнены приглашенными на суд, но тех, кто меня интересовал, не было видно.

Огорченный, я уселся у двери рядом с моими това-

рищами, так же, как и я, ожидавшими начала занятий у казикалана.

Постепенно собрались все мои однокашники. Группа слушателей, занимавшихся у казикалана до нас, уже вышла. Мы разместились в просторной канцелярии,— занятия с учащимися медресе проводились в ней. Ученики образовали круг, подобно маддахам — проповедникам и рассказчикам священных историй, какой образуется обычно вокруг маддахов, когда они рассказывают свои истории о святых. Рассевшись один за другим от передней стены комнаты до самых дверей, ученики образовали круг.

Я пришел к казикалану раньше других и успел занять место против окна, у которого сидел казикалан. Обычно эти места доставались плечистым здоровякам, которые становились у входных дверей и не давали пройти вперед таким, как я. Сами они старались усесться как можно ближе к казикалану, чтобы быть у него на глазах.

В перерыве между занятиями с двумя группами казикалан успевал разобрать несколько тяжб. И сейчас, используя время до начала занятий с нами, он опрашивал тяжущихся, которые находились при этом снаружи, на террасе.

Когда закончилось разбирательство того дела, которое начало слушаться до моего прихода, на циновку уселась другая группа тяжущихся. Затем их сменила третья группа лиц.

Ими оказались те, кого я ждал,— бай и его ответчики.

Я весь обратился в слух, не сводя с них глаз.

Казий взял из рук служителя прошение бая, снова задал те же вопросы, что и два дня назад, и выслушал те же ответы. Когда он спросил, есть ли у бая подтверждающий его иск документ или свидетели, тот ответил, что у него есть свидетели.

— Представьте своих свидетелей!— велел казий.

Бай подал знак привезенным мной из Розмоза «свидетелям», стоявшим за его спиной. Те уселись на циновку рядом с баем.

— О-о, да это давно знакомые мне честные мусульмане, верные и безупречные, всегда говорящие одну правду,— пробормотал себе под нос казикалан.

Услышав слова казикалана, я подумал: «Видно, он их знает и понял, что эти люди подкуплены». И у меня появилась надежда, что казикалан, выслушав их, обвинит в даче ложных показаний, скажет, что они подкуплены, и, отвергнув их свидетельство, прикажет даже заключить в тюрьму.

— Знаете ли вы, как положено по шариату давать свидетельские показания?— спросил казикалан свидетелей.

— Знаем, господин, знаем!— в один голос ответили курносый Халик-ишан и горбоносый Разык-халифа.

— Давать свидетельские показания может только правоверный мусульманин. Вам известны основные религиозные предписания?

— Известны, господин, известны!

— Известна ли вам глава Корана о гибели за веру и знаете ли вы на память двадцать одно обязательное правило?

— Знаем, господин, знаем!

— Если так, изложите мне их по порядку!

Сначала Халик-ишан, а за ним Разык-халифа изложили эти правила так точно, полно и даже изысканно, как, пожалуй, не смог бы изложить их перед казикаланом ни один ученый мулла-имам.

— Прекрасно! Теперь давайте показания!

Сначала, пересев немного вперед, дал показания Халик-ишан.

— Аузу биллахи минашай танир-раджим, бисмиллахи-рахмани рахим *. Свидетельствую перед богом нелицеприятно, что покойный Абдунаби, их брат (при этом Халик-ишан указал рукой на ответчиков), взял у бая в долг при нас, седовласых старцах, когда мы были у бая в гостях, две тысячи тенег, что составляет триста рублей русскими бумажными деньгами, обязавшись отработать за них четыре года.

И Разык-халифа, в свою очередь, дал точно такое же показание и так же «честно» заслужил свои пятьдесят тенег.

Вопреки моим ожиданиям, казикалан, взглянув на ответчиков, сказал:

— Теперь долг в две тысячи тенег считается за вами. Расходы по суду также падают на вас. Вы должны уплатить их наличными здесь же, в канцелярии су-

да, а не то будете заключены в тюрьму. Если договоритесь с баем, можно будет тут же оформить долговое обязательство.

Ответчики с возгласами: «Господин, господин»,— обратились к казикалану, желая объяснить что-то, но он с шумом захлопнул окно, заклеенное бумагой,— она заменяла стекло,— и повернулся к учащимся, чтобы начать лекцию.

Ответчики, дрожа и плача, вскочили со своих мест и бросились к окошку, желая поговорить с казикаланом, но служитель, грубо прикрикнув на них, силой стащил их с суфы перед канцелярией. Однако голоса их еще доносились до нас. Несчастные бедняки, потеряв теперь всякую почтительность к баю и называя его на «ты», всячески поносили и проклинали. Служители казикалана старались запугать их, заставить замолчать и кричали: «Хватай их, вяжи, тащи в тюрьму!».

Не знаю, о чем задумался казикалан, но некоторое время он молчал, опустив голову. Я подумал, что, может быть, его терзает совесть, что он сожалеет о несправедливом приговоре. Наконец, взглянув на старшего ученика, который всегда читал текст, разбираемый на занятиях, он сказал:

— Читайте!

Не дав ему начать читать, я поднял руку и обратился к казикалану:

— Господин! Разрешите сказать!

— Что тебе? — казикалан недоуменно уставился на меня.

— Мне знакомо дело, которое вы сейчас разбирали. Бай клевещет, а его свидетели подкуплены. Они не знали раньше ни бая, ни покойного Абдунаби!— торопливо и волнуясь проговорил я.

Казикалан пожевал губами и, все так же пристально глядя на меня, произнес:

— Шариат принимает за истину то, что очевидно. Он не велит докапываться до тайн, как стараешься сделать ты. Свидетели, правоверные мусульмане, дали показания в соответствии с шариатом. Ответчикам присуждено выплатить долг, а ты не можешь доказать ни того, что бай лжет, ни того, что свидетели подкуплены. Если они узнают, что ты назвал их лжесвидетелями, предъявят тебе иск за оскорбление. Ты же,

конечно, не сможешь привести двух правоверных мусульман в свидетели и будешь наказан сам. Лучше тебе не вмешиваться в такие дела, а стараться понять свои уроки.

После такого наставления мне не оставалось ничего другого, как опустить голову и замолчать.

Насмешливые улыбки моих товарищей, завидовавших тому, что я сел близко к казикалану, говорили, что они согласны с его мнением, и это заставило меня опустить голову еще ниже.

К счастью, начался урок. Наш староста начал громко читать текст, который предстояло нам разобрать. Когда он прочел, ученики, вытянув шеи и нахохлившись, словно боевые петухи, начали громко спорить между собой о толковании прочитанного места. В пылу спора обо мне, конечно, забыли.

Целый час кричали и шумели ученики, каждый ругал другого, не слушая и не понимая того, что твердит его противник. Наконец казикалан не выдержал и стал ругать всех нас:

— Ах, вы, ослы, ах, вы, олухи, невежды! Замолчите! Поймите лучше, что хотел сказать покойный автор, да будет над ним милость аллаха!

Так окончились занятия, и мы разошлись.

От служителя я узнал, что ответчики, кроме двух тысяч тенег баю, обязаны были согласиться уплатить сто тенег судебных издержек. Но мало этого: их засадили в тюрьму за то, что они бранили бая и его свидетелей.

Больше я ничего не слышал ни о бае, ни о его сыне. Все, что я мог сделать,— это порвать с ними знакомство.

XI

Вернемся, однако, к Кори Ишкамбе. Постепенно я разузнал кое-что о его прошлом.

Отец дал ему имя Исматулла. В школу он ходил мало. Едва научился немного читать, отец отдал его в обучение к чтецам Корана. Когда он выучил его наизусть, к его имени стали прибавлять почетное «кори», что означает «чтец Корана».

Тем временем отец его умер, оставив в наследство сыну дворик и две худжры в одном бухарском медре-

се, имеющем много вакуфного имущества, так что худжры приносили владельцу хороший доход.

Сообразительный Кори стал сдавать эти деньги, а также и то, что он зарабатывал чтением Корана, малосостоятельным соседям по кварталу и мелким торговцам в рост, под проценты.

Вскоре он нашел и другой источник дохода: подружившись с мальчишками со своей улицы, научил их азартным играм. Добывал для них где-то карты и игральные кости и вовлекал их в игру на деньги. Раскрашивал кости и продавал их ребятам по высокой цене. За пазухой у него всегда имелась нераспечатанная колода карт, которую он перепродавал игрокам втридорога, когда потрепанные меченые карты не могли больше служить ребятам.

Он стал получать от игры регулярный доход — так называемый «чутал» — обусловленный процент с общей суммы банка. Он ссужал проигравшихся, «попавшим в рабство»* давал деньги до следующего вечера, причем они должны были вернуть долг в двойном размере.

Из своих денег Кори Исмат на себя ничего не тратил. Обедал он с теми, кто жил в принадлежавших ему худжрах, а вечером наедался досыта, садясь за дастархан вместе с другими игроками, обычно приносившими с собой из дому какую-нибудь снедь.

Впрочем, дружба его с мальчиками продолжалась недолго. Однажды вечером завязалась азартная игра, она тянулась до рассвета. В конце игры подвели итог, и оказалось, что некоторые проиграли все свои деньги, да еще задолжали Кори Исмату; другие же обнаружили, что, хотя они несколько раз выигрывали, денег в их карманах меньше, чем до начала игры. Сложив вместе все деньги, они решили проверить, сойдутся ли расчеты.

— Сколько у тебя было тенег вечером?— спросили одного.

— Десять тенег.

— А у тебя?

— Двадцать...

Так они подсчитали, сколько денег было у каждого до начала игры, и прибавили к ним сумму долга, который считал за проигравшимися Кори Исмат. За-

тем сложили все наличные деньги. Оказалось, что они не составляют и половины той суммы, которая имелась у них перед игрой.

— Куда же девались деньги?— удивились ребята.

— Э!— сказал вдруг один из них.— А мы не подсчитали тех денег, которые отдали Кори за «чутал».

— Действительно!— воскликнул другой и, взглянув на Кори Исмата, предложил:— Ну-ка, ну-ка, вынимайте деньги, подсчитаем, сойдется или нет!

Кори Исмат, услышав это, плотно запахнул полы халата.

— Еще чего не хватало! Нет, нет, я своих денег не покажу!

— Покажите, мы только подсчитаем и вернем вам!— вежливо предложил один из мальчиков.

Кори Исмат, запахнувшись еще плотнее, решительно ответил:

— Сказал — нет, значит, нет!

— Ну, если так, отнимем силой!— крикнул другой мальчик и вцепился в Кори. Остальные бросились помогать товарищу. Кори, втянув голову в плечи и поджав ноги, свернулся в клубок, как испуганный еж. Ребята таскали его по земле, но он, катаясь, как мяч, не разжимал рук и ног, подтянутых к животу, и никому не удалось достать до его кармана и вытянуть кошелек на свет божий.

— Бейте его! — крикнул кто-то.

Удары маленьких кулаков дождем сыпались на голову Кори.

Один из мальчиков размахнулся и сильно ударил Кори Исмата по голове кулаком, но тут же заохал, дуя на свою ушибленную руку.

— О, рука, ой, моя рука!.. Ну, погоди же!— Потом в ярости схватил обломок кирпича, которым они пользовались во время игры в кости, и швырнул его в голову Кори Исмата.

Удар оказался сильным, из рассеченной головы потекла кровь, Кори Исмат постепенно обмяк, невольно разжал руки и ноги. Мальчики забрали кошелек, выгребли из его карманов все деньги, которые тот собрал за эту ночь. Они поделили их между собой и, прочтя молитву, дали зарок не играть больше в азартные игры и не позволять играть в них и другим ребятам

своего квартала. А Кори Исмата выволокли на улицу и велели ему отправиться домой. Но у него не было сил двинуться с места. Из разбитой головы все еще текла кровь. Он повалился на суфу и остался лежать.

Мать мальчика, в доме которого шла игра в этот вечер, узнав о драке, вышла из внутренних комнат: ей жаль стало Кори Исмата. Она приложила к ране жженую кошму, перевязала ему голову и, втащив его в комнату, уложила на тюфячок. Только через час Кори Исмат пришел в себя и смог добрести до своего дома.

На память об этом случае Кори осталась большая неровная плешь. Даже из нее он сумел извлечь выгоду: платил парикмахеру вдвое меньше других.

* * *

Когда Кори Исмат лишился доходов от азартных игр, он целиком переключился на мелкое ростовщичество и всячески добивался даровых угощений у своих должников и учеников медресе, которым сдавал худжры. Не бросал он и чтения Корана — за плату, разумеется.

Возмужав и сколотив постепенно небольшой капиталец, он оставил мелкое уличное ростовщичество, где всегда есть риск потерять деньги, и начал вести дела с более крупными купцами — долг за ними почти никогда не пропадал. Если даже иному купцу и грозило банкротство, он все же полностью старался рассчитаться с Кори Исматом, понимая, что ростовщик может пригодиться ему и в дальнейшем.

По словам самого Кори Ишкамбы, в молодости у него было два случая, когда его деньги, казалось, должны были пропасть. Обанкротились два бая, взявшие у него большую сумму в долг. Однако и тут Кори сумел возместить потерю: без всяких расходов на свадьбу он получил в счет долга дочерей своих должников. Две его жены — искусные вышивальщицы тюбетеек, которые говорили со мной, когда я впервые пришел к Кори,— были как раз дочерьми тех самых обанкротившихся баев.

Заведя дела с солидными купцами, Кори Исмат окончательно избавился от необходимости покупать мясо

и сало для обеда, Каждый вечер он заходил к кому-либо из своих должников и угощался жирным пловом с мясом, жареными курами, жарким из молодого барашка, пельменями, колбасой и прочими яствами, причем съедал столько, сколько мог осилить.

Кори стал быстро толстеть, живот его все увеличивался. И тогда люди, прибавив к его имени прозвище «ишкам», то есть «живот», стали называть его Кори Исмати Ишкам.

Когда же его обжорство перешло всякие границы, а он все не мог насытиться, его прозвали Кори Исмат Ишкамба. Но многим лень было произносить такое длинное имя, и оно постепенно сократилось, превратившись в прозвище «Кори Ишкамба».

* * *

В то время, когда я познакомился с Кори Ишкамбой, поговаривали, что капитал его достигает уже пятисот тысяч тенег, то есть семидесятси пяти тысяч золотых монет.

Деньги, которые ему не удавалось отдать в долг под чудовищные проценты, Кори Ишкамба держал в банке. Но одно событие чуть не подорвало его доверие и к банкам. Произошло это так.

Среди банков, имевших свои отделения в Бухаре, был и Русско-Китайский, иначе — Русско-Азиатский. В нем-то и держал ко времени нашего рассказа свободные деньги Кори Ишкамба.

Здание этого банка было расположено в узкой улочке, которая начиналась от мануфактурных рядов, шла мимо запутанных тупиков еврейского квартала и через холм Пуштаизаган выходила к городским воротам «Скотобойня».

За воротами банка стоял охранник с ружьем. Однажды, когда операции в банке закончились и банк уже закрывался, произошла эта перепугавшая Кори Ишкамбу история.

Все посторонние лица уже покинули банк, внутри оставались только служащие. В это время к банку незаметно подошли человек десять — двенадцать неизвестных, одетых в европейское платье. Они встали в ряд,

прижавшись к стене так, что, открывая дверь, охранник их не мог заметить.

Стоявший первым постучал в ворота. Приоткрыв калитку, часовой сказал:

— Уже два часа, банк за...

Не успел он договорить, как постучавший бросился на него и вырвал ружье. За ним ворвались внутрь и остальные. Один из них запер за собой ворота, другие, угрожая оружием, заставили охранника молчать. Боясь за свою жизнь, тот не издал ни звука. Повалив его на землю, бандиты стащили с него форму, связали ему руки и ноги. Один из неизвестных, переодевшись в форму охранника и взяв в руки ружье, занял его место. Остальные с револьверами в руках пробрались наверх, где служащие банка еще заканчивали подсчеты и записи в книгах.

— Руки вверх!

Служащим банка пришлось покориться вооруженным бандитам. Некоторые так перепугались, что не могли пошевельнуться, другие без чувств упали на пол. Вытащив из-за пазухи веревки и ремни, грабители связали работникам банка руки и ноги, заткнули им рты, повалили всех на пол. После этого они перерезали телефонный провод и занялись своим делом: взломали кассы, вытащили деньги и ценные бумаги, уложили добычу в специальные банковские мешки, упаковали их в холщовые мешки-канары. Затем, еще раз пригрозив служащим, грабители ушли, оставив двух человек караулить связанных. Тот, кто стоял на страже у ворот банка, открыл калитку, выпустил товарищей, а сам остался «охранять». Через некоторое время спустились и те, что оставались наверху караулить пленников. Бандиты повесили на железные ворота большой замок и благополучно скрылись.

Пока служащие банка освободились от пут и подняли крик, прошло добрых пятнадцать минут. За это время, разумеется, грабители успели уйти далеко.

* * *

На крик и шум служителей банка собрался народ. Узнав о происшествии, явились люди миршаба, помощники кушбеги, казикалана и сам раис. Сломав замок, они проникли в здание банка, расспросили служащих

и принялись за поиски. Однако не нашли ни одного подозрительного человека.

Кушбеги выслал в погоню отряд отборных эмирских сарбазов, которые назывались «кавказцами», потому что носили форму кавказских войск. Преследователи поскакали во все стороны, однако им удалось найти лишь пустые банковские мешки, валявшиеся у болота Шуркуль, за Северными воротами города.

Большой отряд сарбазов был послан в северном направлении. Однако и он не напал на след грабителей.

Только одна группа преследователей, искавшая бандитов к юго-востоку от города, наткнулась возле железнодорожной станции Мургак на трех неизвестных. Попытались схватить их, но те открыли стрельбу. После короткой перестрелки одного сарбаза ранило, и остальные отказались от преследования, повернули назад.

Грабителей так и не поймали.

После этого происшествия в работе банков, находившихся в Бухаре, произошли некоторые изменения. Ни один из них не оставлял теперь в городе денег. Сразу же по закрытии банка все наличные деньги отвозились в Каган — там находилась центральная касса, а утром деньги для очередных оперций под усиленной охраной снова привозились в Бухару.

После ограбления банка люди стали пугать Кори Ишкамбу, уверяли его, что деньги всех вкладчиков пропали. Он и сам не очень надеялся получить их обратно. Это так сильно повлияло на него, что в его поступках появились признаки безумия.

Однако страхи оказались напрасными. Как только банк открыли, Кори пошел и потребовал свои деньги. Ему тут же их выдали без всяких разговоров.

Тогда доверие Кори Ишкамбы к банкам еще более возросло. Он в тот же день снова сдал свои деньги в этот банк и после того вкладывал туда каждую свободную копейку. Если деньги попадали ему в руки вечером или в конце дня, когда банк уже закрыт, ростовщик впадал в сильнейшее беспокойство. С одной стороны, его огорчало то, что деньги пролежат один день без пользы, не принося процентов, а с другой — он боялся бандитов. Боясь ограбления, он стал искать потайное место, где смог бы прятать деньги.

Постепенно я понял, как тяжела была жизнь этого

человека: его терзал постоянный страх, он подозревал каждого встречного, ему казалось, что все следят за ним, что все только и стараются разузнать, где у него деньги, и похитить их.

Одному только человеку доверял Кори Ишкамба — смотрителю караван-сарая «Кавказ». Один он знал, где прячет ростовщик свои деньги, попавшие к нему после закрытия банка.

История того, как возникло это доверие, столь забавна, что стоит рассказать.

Однажды, когда Кори Ишкамба выходил на улицу из караван-сарая «Кавказ», смотритель, желая подшутить над ним, вынул из кармана и бросил на землю пятнадцатикопеечную монету. Кори этого не заметил, Смотритель окликнул его:

— Дядюшка Кори, не вы ли обронили эти деньги?

Кори Ишкамба, подобно человеку потерявшему, поспешно вернулся и озабоченно спросил:

— Где? Где?

Смотритель поднял монету и показал ему. Тот схватил ее, восклицая:

— Да, да, да. Оказывается, карман у меня дырявый, вот и выпала монета! Спасибо тебе! — И он в замешательстве сунул деньги в тот самый карман, который был, по его словам, дырявым.— Пошли тебе бог счастья, братец! — продолжал Кори.— Конечно, будь на твоем месте кто другой, не вернул бы мне этих денег. Оказывается, и в наше время не перевелись люди, которые боятся присвоить себе чужое...

После этого случая Кори Ишкамба проникся к смотрителю безграничным доверием. С тех пор, если ему нужно было получить от кого-нибудь деньги вечером, он обязательно брал его с собой.

Потому и в тот раз, когда Кори получал долг от моего знакомого — сына бая, он тоже привел этого человека, в его присутствии взял деньги и унес вместе с ним в такое место, о котором знали только он да сторож.

Однако доверие к этому смотрителю также продолжалось недолго — произошло событие, после которого смотритель попал в число самых низких преступников, и тогда Кори Ишкамба твердо решил, что в ми-

ре нет человека, который удержался бы от соблазна воспользоваться чужим добром. О том, как это случилось, мы расскажем дальше, в свой черед.

XII

В городе Бухаре, где ростовщиков было очень много, Қори Ишкамба не мог получать больше двух с половиной тенег за сотню в месяц. Ссужая крупные суммы баям, он вынужден был довольствоваться даже еще меньшим. Все богатые купцы были связаны с российскими банками, откуда они получали ссуды за восемь процентов годовых, то есть за каждые сто тенег должны были отдавать восемь тенег в год, а не за месяц. Но все же иногда им приходилось прибегать к услугам Қори Ишкамбы и других ростовщиков. Банк выдавал ссуду только в соответствии с состоянием, а это не всегда устраивало торговцев. Так, в период скупки ценных сезонных товаров — шкурок каракуля и хлопка — крупные торговцы, проводящие широкие операции, нуждались в ссудах более значительных, чем даваемые банками, и они обращались к ростовщикам типа Қори Ишкамба и выплачивали им проценты в два—два с лишним раза больше, чем банкам.

В Бухаре знавали в те времена ростовщиков и более богатых, чем Қори Ишкамба. Хотя они называли себя менялами, но ссужали деньгами только самых крупных баев. При наличии таких сильных конкурентов ростовщики меньшего масштаба, каким был и Қори Ишкамба, принуждены были довольствоваться меньшим процентом, чем тот, который они получали от своих обычных клиентов — лавочников и средних торговцев

В то же время сельские ростовщики выжимали из бедняков-дехкан по десять тенег в месяц с каждой данной им в долг сотни. Қори Ишкамбу душила зависть к сельским ростовщикам, когда он слышал об этом. Қак говорится, от зависти извивался, как волос, попавший в огонь.

Но выезжать за пределы городских стен Қори Ишкамба не решался, ведь даже в городе, под защитой эмирских властей, он мучился постоянным страхом, подозревая каждого в недобром умысле против себя.

Его страшили и бедняки-дехкане, и вражда соперников — сельских ростовщиков.

«Я не дурак, чтобы в надежде на крупный доход ехать в кишлак и подвергать там опасности свою жизнь и свои деньги, а деньги для меня дороже жизни»,— думал он. Поневоле приходилось довольствоваться двумя с половиной процентами, получаемыми с лавочников и мелких торговцев, да сезонными доходами, которые были не так велики, хотя он и получал их с крупных баев. Вот почему не все его деньги были в обороте,— свободный капитал он вынужден был держать в банке, получая всего пять проценов годовых.

Банками Кори Ишкамба был недоволен больше, чем всеми своими клиентами.

— Если банки и богаче всех,— говаривал он,— то они и скупее всех. Несчастные лавочники дают мне по две с половиной тенги в месяц, а из банка я получаю всего пять в год.

Самыми щедрыми «хатамами мира» он считал* бедняков-дехкан, которые, беря деньги в долг, дают по десяти тенег в месяц с каждой получаемой ими сотни.

— Настоящую выгоду можно получить только в кишлаке! — твердил он.— Эх, дал бы мне бог завязать дела с дехканами, вот тогда я наконец насытился бы, вместо жалких процентов с «жадюги» банка получал бы в десять — пятнадцать раз больше с дехкан,— у них при пустых кошельках такие щедрые сердца!

* * *

И вот наконец произошел случай, который открыл Кори Ишкамбе путь к установлению связей с кишлаком.

Однажды, по своему обыкновению, он пришел к ранней утренней молитве в старинную бухарскую мечеть Магок. Окончив первую молитву, выслушав священные стихи из «Месневи»*, прочитанные после нее, совершив вторую молитву при восходе солнца, он вышел из мечети с четками в руках и присел на суфу возле входа, чтобы закончить обряд чтением дополнительных молитв и, перебирая четки, помянуть при этом сто эпитетов аллаха.

Тут к нему, как к старому доброму знакомому, подошел не очень молодой дехканин среднего роста, в бед-

ной крестьянской одежде. Почтительно приветствуя, он подал Кори Ишкамбе обе руки. Затем сел на суфу с другой стороны входа в мечеть, опустив голову, время от времени исподлобья поглядывая на Кори Ишкамбу.

Кори Ишкамба подумал, что перед ним, может быть, один из тех, кто по обету принес что-то во всеми почитаемую мечеть и принял его сидящего с четками в руках, за шейха, которому обычно отдаются приношения. Кори Ишкамба решил, что дехканин сидит и дожидается, пока он кончит свои молитвы. Желая усилить доверие к себе, чтобы вырвать приношение пощедрее, Кори Ишкамба стал читать свои молитвы громче и выразительнее, как настоящий профессиональный чтец Корана. Он старательно произносил арабские звуки и щелкал бусинами четок так звонко, будто это были костяшки купеческих счетов.

Убедившись, что произвел на дехканина достаточно сильное впечатление мастерским чтением молитв, Кори Ишкамба воздел руки кверху и произнес молитву, обязательную при начале какого-нибудь дела. Затем он с благочестивым видом провел ладонями по лицу. Только после этого ответил на приветствие дехканина и сказал:

— Послушайте, братец, если вы принесли приношение по обету, то вытаскивайте, я приму во имя святого Хызра, который незримо присутствует в этой мечети во время всех пяти ежедневных молитв.

— Никакого приношения у меня нет,— сказал в ответ дехканин.— Я подошел к вам в надежде одолжить у вас немного денег!

— Что ж, и это хорошо! Сколько же вы хотите получить и на каких условиях? Кто ваш поручитель?*— спросил Кори Ишкамба.

В это время стали подходить москательщики, владельцы лавок, находившихся поблизости от мечети Магок. Кори Ишкамба заметил, что, открывая свои лавки, они прислушиваются к его разговору с дехканином.

Кори Ишкамба, избегавший не только производить при ком-нибудь денежные операции, но даже говорить о деньгах, встревожился и, не дав дехканину ответить, поспешно предложил:

— Вставайте-ка, братец, и следуйте за мной. Поищем местечко поукромнее!

С этими словами он направился к чайным рядам. Миновав их, свернул в поселок, где находились лавки и мастерские гребенщиков; пройдя еще немного, вошел в помещение для омовений, что расположено с восточной стороны переулка. Следом за ним переступил порог и дехканин.

Хотя до часа очередной молитвы было далеко и потому вряд ли кто-нибудь еще вошел бы в помещение, осторожный Қори Ишкамба запер дверь изнутри и только после того опустился на небольшую глинобитную скамью. Предложив дехканину сесть рядом, он повторил свои вопросы:

— Скажите, сколько вы хотите взять и под какие проценты? Кто ваш поручитель?

Дехканин сообщил, что он из кишлака Бульмахурон, владеет пятью танабами земли. Рассказал, что его земля находится рядом с владениями некоего арбаба Рузи, который вздумал прибрать к рукам его участок и для этого вошел в сговор со старостой их кишлака — арбабом Хамидом и затеял тяжбу.

— Тяжба закончилась вчера вничью, я из-за нее в долг влез, занял пятьсот тенег у чайханщика — надо уплатить расходы, да с условием — прибавлять по пяти тенег ко времени каждой молитвы. В сутки нарастает двадцать пять тенег. Қ сегодняшней утренней молитве — она ведь только что кончилась, мой долг вместе с процентами составил уже пятьсот двадцать пять тенег. Дадите мне деньги сегодня, хватит этой суммы, а если завтра, то надо будет пятьсот пятьдесят тенег. Чем дальше, тем больше мне потребуется денег. Сколько процентов придется платить вам — зависит от вашей воли и справедливости. Говорят, что вы справедливый ростовщик.

У Қори Ишкамбы при виде «жирного барашка, который пришел к нему сам, своими ногами», потекли слюнки. Одно вызвало у него сомнение: каким образом этот «барашек» миновал лапы «степных волков» и обратился к «городскому шакалу»?

«Может,— думал он,— тут что-то кроется? Может, мои враги хотят расставить мне ловушку?»

Охваченный сомнениями, он спросил дехканина:

— Разве в вашем кишлаке нет порядочного ростовщика? Раз у вас есть имущество, он мог бы дать вам

в долг! Почему вы пришли за этим делом ко мне в город?

— У нас есть ростовщики — арбаб Рузи и арбаб Хамид, о них я вам уже говорил. Ежели они дадут мне в долг, так им мало будет одних процентов, они прежде всего потребуют в залог мою землю, а потом отнимут ее, если не сумею расплатиться в срок.

— Так-то оно так, да ведь и я не дам денег без залога!— воскликнул Кори Ишкамба.

— А я так рассудил: если вы и возьмете в залог мою землю, так все равно не станете отбирать ее у меня — вам ведь неохота переезжать в кишлак, пахать да сеять? Значит, не будете пытаться завладеть моей землей. Так думают и те, кто направил меня к вам.

— Это верно. Ну а сколько вы дадите ссуды в месяц на каждые сто тенег?

— Я дам вам по пяти тенег в месяц,— сказал дехканин.

— Ну, нет!— возразил Кори.— Если дадите по десяти, я возьмусь за это дело, а если нет — обращайтесь к тем своим ростовщикам, которые только и зарятся на вашу землю.

— Ростовщики нашего кишлака, и арбаб Рузи, и арбаб Хамид, тоже просят по десяти. Меня это не устраивает, боюсь, тогда мой долг вырастет так, что мне его не выплатить, и я все равно потеряю землю. Мне указали на вас как на справедливого ростовщика — вы довольствуетесь двумя с половиной тенгами с сотни. Я не хочу обижать вас — согласен платить вдвое больше. Ежели к сотне набавлять в месяц десять тенег, я, конечно, долг выплатить не смогу и в конце концов придется продать землю нашим ростовщикам. Сделайте же так, чтобы и «шашлык обжарился, и вертел не обгорел»,— чтобы я землю сохранил, и вы не потеряли процентов, вдвое больших, чем получаете с других. Подумайте, а ежели не согласны, уж лучше взять мне деньги у наших ростовщиков, хоть не рассорюсь с ними, хоть до поры до времени поживу спокойно.

Немного помолчав, дехканин ответил на вопрос Кори Ишкамбы о поручителе:

— Я дам вам в залог землю. Мы оформим документ у казия, и не нужен будет поручитель! Положим, я не смогу выплатить долг — тогда продадите мою землю

и вернете свои деньги. Ведь поручитель нужен, когда у берущего в долг нет залога.

Не желая затягивать разговора с Кори Ишкамбой и видя, что аппетит у ростовщика еще не разыгрался, дехканин сказал в заключение:

— Дядюшка Кори, ежели доверяете мне и хотите дать деньги, то берусь выплачивать вам ежемесячно по пяти тенег с сотни. Перед вами «похлебка из кислого молока». Хотите — отведайте ее, нет — вылейте «степным собакам», пусть достанется кишлачным ростовщикам, воля ваша!

Сказав это, дехканин встал. Кори Ишкамба снова усадил его.

— Ладно уж,— сказал он примирительно.— Я хочу съесть эту «похлебку из кислого молока», только прошу долить ложку масла — прибавьте еще одну тенгу, пусть будет шесть. Если не ради моей ссуды, так ради доброго дела — я стану ежедневно после каждой молитвы поминать вас.— Он протянул руку дехканину.— Давайте, соглашайтесь! Да благословит вас бог!

Дехканин решил, что из-за одной тенги не стоит сердить своего будущего кредитора, и они ударили по рукам.

— Пусть и вас благословит бог!— сказал он.— Коли договорились, пойду в канцелярию, оформлю закладную на землю, чтобы вы могли сегодня же дать мне деньги, а то растет долг чайханщику.

— Не пойму, простак вы или хитрец!— слегка вспылив, сказал Кори Ишкамба.— Разве могу я вынести и отдать вам деньги за пустую бумажку, не осмотрев вашей земли, не разузнав про вас? Деньги —ведь не душа, которую можно приносить в жертву за кого и за что угодно!

— Ну, а когда же вы сможете приехать осмотреть мою землю, скоро ли наведете обо мне справки?

— Мне нужно два, а может и три дня.

— Дорогой дядюшка Кори!— воскликнул дехканин.— Приезжайте как можно скорее, чтобы не рос мой долг чайханщику. Приезжайте в селение Бульмахурон и спросите у любого встречного — от семилетнего ребенка до семидесятилетнего старика — где земля Хамра Рафика, и вам всякий покажет! Вы убедитесь, что свои пять

танабов я обработал и возделал, как цветник перед домом!

— Постараюсь приехать поскорее, но денег с собой не возьму. Когда мы окончательно договоримся, придете за ними в город!— сказал Кори Ишкамба, поднимаясь с места.

Они вышли из помещения для омовений. Хамра Рафик еще раз попросил Кори Ишкамбу поторопиться приехать, после чего они расстались, и каждый отправился по своим делам.

* * *

Кори Ишкамбу весьма привлекала возможность получить шесть тенег с каждой сотни — чуть не втрое больше процентов, получаемых им обычно с горожан. Устраивал его и район, куда предстояло ехать,— кишлак Бульмахурон, где жил дехканин, относился к селению Гала-Асийа, в котором должность наиба — заместителя казия — занимал один из давних друзей Кори Ишкамбы. Это придавало ростовщику храбрости и позволяло решиться на «полное опасностей» путешествие.

Ему казалось рискованным откладывать посещение кишлака на долгий срок: он опасался, как бы «тамошние волки», проведав, что Хамра Рафик поладил с городским ростовщиком, не согласились бы на более льготные для дехканина условия и не вырвали «жирного барашка» из пасти «городского шакала».

На следующей же день, первый раз в жизни пропустив утреннюю молитву и чтение стихов из «Месневи» в мечети Магок, Кори Ишкамба на рассвете отправился в путь.

Он решил идти пешком и, несмотря на свою необычайную тучность, шагал быстро, чуть не бежал. Он торопился поспеть в Гала-Асийа до того, как его приятель отправится в объезд кишлаков. Кори Ишкамба хотел подготовить во время дружеской встречи оформление своей сделки с Хамра Рафиком.

В Гала-Асийе Кори Ишкамба вошел во двор канцелярии заместителя казия и увидел его верхом на лошади, готового к выезду. Заметив Кори Ишкамбу, наиб тотчас же слез с лошади и подбежал к нему, чтобы встретить старого друга с подобающей теплотой.

Заместитель казия бежал не быстрее черепахи: он

был толст и пузат не меньше Кори Ишкамбы; его отвислый двойной подбородок сливался с грудью, а жирный затылок и короткая шея так же незаметно переходили в спину. Он отличался от Кори Ишкамбы непропорционально маленькой головой, жиденькой бороденькой да короткими толстыми ногами, напоминавшими — может, из-за отечности — чурбаны.

Все это придавало заместителю казия сходство с полным, туго набитым мешком пшеницы, завязанным бечевкой. Его маленькая головка, сидящая на толстом теле, напоминала тот конец мешка, который остается над перевязью.

Когда приятели подбежали друг к другу и захотели, по обычаю, обняться, служители наиба, стоявшие у лошадей, не могли удержаться от смеха. Два обнимавшихся толстяка походили на поставленные рядом большие пузатые корчаги для воды. При попытке обняться соприкоснулись лишь их огромные животы, и как ни старались гость и хозяин дотянуться друг до друга руками — не могли достать даже до боков. Руки оказались слишком короткими, чтобы охватить толстые тела приятелей.

После этой комической встречи наиб ввел своего гостя в комнату и приказал служителю принести для начала дастархан с лепешками и холодным мясом, а потом приготовить двух жирных кур, хорошенько их зажарив.

Он спросил Кори Ишкамбу, каким образом тот, нарушив свой обычай, выбрался из города и оказался в Гала-Асийе.

— Прикажите подать чай, мне надо перевести дух, чтобы как следует очистить ваш дастархан! И тогда я смогу рассказать вам, почему попал сюда. Восемь верст ходьбы привели меня в такое состояние, что я и слова промолвить не в силах.

— Неужели в такую жару вы шли пешком все восемь верст и тащили свое тело весом в два мана? Почему вы не наняли лошадь или осла, чтобы пользоваться ими в подобных случаях?

— Вы, наиб, рассуждаете, как наивные, беззаботные люди, не знающие цену деньгам,— ответил Кори Ишкамба.— Какой же умный человек станет тратить нажитое трудом на прокорм осла или лошади только

для того, чтобы какой-то час с лишним ехать с удобствами... Я даже пилу в дом не вношу из-за того, что у нее зубы, а вы советуете мне держать лошадь или осла! Да они же разорят меня!

Тем временем служитель принес хлеб, чай и холодное мясо и расстелил перед Кори Ишкамбой скатерть. Кори Ишкамба при виде горячих лепешек и блюда, полного мяса, замолчал и, как голодный бык, рвущийся к жмыху, жадно набросился на мяса и хлеб. Больше он не поднимал головы от скатерти и даже позабыл о чае, который просил принести, чтобы «изгнать из своего тела дорожную усталость».

Наиб тоже прервал свой разговор с гостем и принялся за холодное мясо. Отрезая куски пожирнее, он завертывал их в горячую лепешку и глотал, почти не жуя.

Кори Ишкамба, увидев, как успешно действует хозяин, пододвинул блюдо с мясом к себе поближе и невнятно, так как рот его был набит пищей, пробормотал:

— Разве вы еще не завтракали?

— Утром приносили мне двух жареных кур, но моим сотрапезником был вот этот «слабак»-служитель с плохим аппетитом, поэтому и у меня пропал аппетит. С трудом съел одну курицу, а другую отдал слугам. Мне нужен сотрапезник вроде вас, чтобы у меня разыгрался аппетит!

— А мне для хорошего аппетита совсем не нужен сотрапезник, особенно подобный вам, который, угощая меня, половину съедает сам! Аппетит у меня никогда не пропадает и не нуждается ни в каком возбудителе.

Тут Кори Ишкамба заметил, что, пока он говорил, хозяин проделал в блюде с мясом целый ров. Поэтому он снова потянул блюдо к себе и принялся есть, прикрывая его своей большой головой и толстыми плечами. Он похож был на коршуна, с распростертыми крыльями, склонившегося над сиснутым в когтях голубем.

Хозяин дома, считая, вероятно, что подвинуть блюдо к себе — значит проявить негостеприимство, подвернул край скатерти и сам подвинулся к блюду. Склонив голову еще ниже, чем Кори Ишкамба, он оказался к блюду ближе, чем гость.

Оба друга в это мгновение напоминали ходящих в

одной упряжке быков. Как быки, связанные одним ярмом и общей кормушкой, не пускают в ход рогов, а только теснят друг друга, так и два приятеля старались нагнуться к блюду поближе и захватить себе куски побольше и пожирнее.

В обжорстве заместитель казия и Кори Ишкамба стоили друг друга. Разница между ними заключалась в том, что ростовщик имел обыкновение наедаться у своих должников или учеников медресе, снимавших у него худжры, угощаться на свадьбах и пиршествах, устраиваемых другими, старался принять участие в трапезах лавочников, с которыми имел торговые дела, сам же никогда не тратился на приготовление пищи, а заместитель казия любил поесть не только у сельских богатеев, но и у себя дома на средства, награбленные у бедняков, и по принципу «воруй и оказывай милость» не забывал угощать, как положено, друзей, вроде Кори Ишкамбы и своих сподручных.

После того как наиб и его гость с завидным аппетитом прикончили жареных кур, они принялись за чай. Во время чаепития Кори Ишкамба рассказал о цели своего прихода в селение и поинтересовался, что это за человек Хамра Рафик.

Заместитель казия сообщил, что Хамра Рафик — дехканин среднего достатка; работник он старательный, имеет пять танабов земли, одного вола и корову.

— Это человек правдивый, простодушный и доверчивый. Именно поэтому, как говорит пословица: «От беды бежал, да в другую попал», иными словами, спасаясь от здешних ростовщиков, очутился в ваших сетях.

Кори Ишкамба самодовольно рассмеялся.

— Скажите уж прямо: «Тебе попалась молодая, молочная, удойливая буйволица!» — Потом спросил серьезно, с тревогой в голосе: — А если этого легковерного простака перехватит мой конкурент, что мне тогда делать?

— Тогда, — заговорил хозяин, — поможет хорошо составленный, оформленный в соответствии с шариатом, скрепленный печатью казикалана документ, который действует, как остро отточенный нож. А пустить этот нож в ход, снять при его помощи с туши шкуру, отде-

лить голову и ноги и вручить вам — это уж будет моей обязанностью.

— Ну, коли так,— сказал Қори Ишкамба,— поскорее посылайте за Хамра Рафиком, оформим закладную на его землю. Составим документ, и я тут же отправлюсь с ним в город и дам деньги. Боюсь опоздать, боюсь, как бы лакомый кусок не прошел мимо рта и не достался бы другому ростовщику.

— Придется ехать в тот кишлак, где он живет, и оформить сейчас же закладную в присутствии арбаба и старейшин. Недаром говорят: «Повидай сперва арбаба, а потом уж грабь селенье». Дело, совершенное без их участия, хороших результатов не дает.

— Едем, скорее едем! — воскликнул Қори Ишкамба.

— Что ж, едем! — согласился заместитель казия и приказал слугам седлать лошадей.

* * *

Заместитель казия со своими служителями, а вместе с ним и Қори Ишкамба, отправились в селение Бульмахурон. Қори Ишкамба никогда в жизни не садился на лошадь. Несмотря на это, хозяин, желая, вероятно, подшутить над гостем, выбрал для него норовистого, малообъезженного жеребца. Только они выехали, как конь под Қори Ишкамбой зашалил — лягался и вставал на дыбы, взбрыкивал задними ногами, как бы защищаясь от лошадей, идущих за ним.

Қори Ишкамба, уцепившись обеими руками за луку седла, кричал: «Ой, умираю!» — и, вне себя от страха, грязно бранил и заместителя казия, и дехкан кишлака Бульмахурон, и Хамра Рафика, и самого себя за то, что сглупил, поехал, надеясь умножить свои деньги, подверг себя опасности разбиться насмерть и лишиться того, что имел. Служители наиба насмехались над горожанином, издевались над ним.

Если бы один из них, опытный наездник, не ехал рядом с Қори Ишкамбой и не вел его коня, взявшись за узду, необъезженная лошадь, наверное, понесла бы Қори Ишкамбу и сбросила на землю.

Когда заместитель казия достиг со своим отрядом кишлака Бульмахурон, насмешки и издевки над Қори Ишкамбой перешли всякие границы. Сам наиб, несколько отстав, заехал в хвост коню Қори Ишкамбы

и слегка похлестывал его камчой. Большая чалма Кори Ишкамбы размоталась и повисла на шее, как моток пряжи, опутала все тело. Полы обоих халатов — верхнего и нижнего — развевались, как тряпки на веревке.

Жители селения Бульмахурон, заслышав, что к ним едет заместитель казия, вышли на дорогу навстречу неожиданной напасти. При виде Кори Ишкамбы крестьяне, кажется, в первый раз в жизни от души расхохотались. От крика ребятишек и улюлюканья слуг наиба конь под ростовщиком все больше расходился.

Когда приезжие въехали во двор усадьбы старосты— арбаба Хамида — и все слезли с лошадей, несколько человек окружили Кори Ишкамбу. Успокоив коня, они сняли всадника и на руках отнесли на высокую суфу перед водоемом. Кори Ишкамба испускал при этом душераздирающие вопли, потому что нижняя его одежда прилипла к натертым в кровь ляжкам и каждое движение причиняло нестерпимую боль.

XIII

Заместитель казия со своими служителями расселись на суфе, застланной ковром и мягкими курпачами. Для Кори Ишкамбы, который из-за своих ран не мог сидеть, как другие, подобрав под себя ноги, приготовили особое сиденье: положили вчетверо сложенную курпачу, а по обеим сторонам ее навалили подушки. Кори Ишкамба полулежал, опираясь на них, и со стонами переваливался с боку на бок.

Почтенные люди кишлака тоже забрались на суфу, уселись рядом с гостями. Хозяин, арбаб Хамид, приветствуя гостей обычным «добро пожаловать», уселся пониже. Слуги его притащили жирного сосунка-барашка и зарезали на глазах у наиба. Это было знаком особого уважения.

Затем перед гостями расстелили скатерть. На ней разложили большие лепешки из пресного теста, замешанного на молоке, и маленькие сдобные лепешки. Были поданы всевозможные фрукты. Перед гостями поставили чайники с чаем и пиалы.

Заместитель казия обвел внимательным взглядом дехкан в рваных халатах, собравшихся у дома и сидев-

ших на корточках, прислонившись кто к дереву, кто к глинобитному забору. Хамра Рафика среди них не было.

— А где же Хамра Рафик?— спросил наиб.— Не вижу его здесь.

— Он землепашец работящий, времени даром не теряет, наверное, в поле жнет пшеницу!

— Хорошо бы позвать его!

Арбаб послал одного из дехкан за Хамра Рафиком, недоумевая, зачем тот понадобился наибу.

— Что-нибудь узнали про Хамра Рафика? Может, выяснилось, что он убил Турамурада?— спросил он, снедаемый любопытством.

— Нет,— сказал наиб,— у господина Кори договоренность с ним о предоставлении под залог денег. Сегодня, в вашем присутствии, мы оформим окончательно это дело. Составим необходимые бумаги.

Услышав это, арбаб повернулся к Кори Ишкамбе и, сложив руки на груди, слегка поклонился, выразив ему таким образом свое почтение. Однако он не мог скрыть недовольства появлением городского ростовщика. Изменившись в лице, взглянул на наиба и сказал с видимой неприязнью:

— Что ж, очень хорошо! Только есть ведь порядок: когда кто-нибудь собирается продать землю, сад или дом, должен сначала, по шариату, предложить тому, чьи владения рядом. А уж если сосед откажется купить, тогда продающий имеет право найти другого покупателя. Что так велит шариат, вы знаете лучше меня, но раз покупателем является господин Кори, а вы, выполняя обязанности арбаба между покупателем и продающим, облегчили нашу задачу, противодействовать этому делу мы не будем.

— Я совсем не брался за дела арбаба! — примирительно сказал наиб. Он не видел нужды обижать арбаба, своего первого помощника по части ограбления бедняков-дехкан.— Сам Хамра Рафик решил так: оказывается, ему неприятно отдавать землю соседям. Не знаю уж, по чьему совету отправился он в город и договорился там с господином Кори... Вы, конечно, понимаете, что ни господин Кори, ни кто другой из города не будет обзаводиться хозяйством в вашем кишлаке, до города отсюда не так-то близко. Вряд ли Хамра Рафик окажется в состоянии выплатить свой долг вместе с

процентами на проценты господину Кори, не продавая земли. Так или иначе земля его все равно окажется вашей или того из жителей кишлака, кому вы сочтете возможным уступить ее. Во всяком случае, оттого что господин Кори направили свои стопы в кишлак, ни вам, ни какому-нибудь другому из уважаемых жителей кишлака вреда не будет: они — человек полезный, даруют людям божье благословение и выгоду! — Произнеся эту речь, заместитель казия спросил: — А кто владеет землей по соседству с участком Хамра Рафика?

— Арбаб Рузи, староста кишлака Сангсабз,— сказал арбаб Хамид и, указывая на входившего во двор человека, добавил: — Вот они и сами пожаловали!..

* * *

Как только арбаб Рузи подошел к суфе, все сидевшие встали в знак уважения к нему. Поднявшись на суфу, он поздоровался сначала с наибом, потом с Кори Ишкамбой и со служителями наиба. Наконец подал обе руки хозяину дома. Тот указал ему место выше того, на котором сидел сам. Арбаб Рузи сел, не поздоровавшись со старейшинами кишлака, ограничился легким кивком в их сторону.

Люди арбаба Хамида внесли во двор подарки арбаба Рузи для наиба — высыпали на землю у водоема мешок дынь, а перед наибом развернули скатерть — в нее были завернуты пресные сдобные лепешки, замешанные на коровьем масле, поверх лепешек лежали четыре жареные курицы.

Две из них наиб положил перед собой и Кори Ишкамбой, две другие передал приехавшим с ним служителям. «Щедрость» наиба, видимо, не понравилась ростовщику. Хотя он тут же разодрал на части лежавшую перед ним курицу, глаза его не отрывались от тех двух, которые были разделены между гостями. Он хорошо понимал, что они ему не достанутся, но не сожалеть об этом не мог.

После того, как куры были съедены, на скатерти появилось блюдо с жареным барашком: жирный курдючок и грудинка тоже достались Кори Ишкамбе и его приятелю — наибу....

Но вот скатерть убрали, обглоданные кости были брошены собакам, крошки высыпаны курам, объедки — куски лепешек и кости, на которых еще оставалось не-

много мяса,— отданы беднякам-дехканам, все еще сидевшим вокруг суфы и вдоль забора и глазевшим на пиршество. Хамра Рафик, в честь которого, вернее, в честь ограбления которого состоялось это угощение и которого позвал сам наиб, приглашен на него не был.

* * *

Покончив с горячими блюдами, все принялись за дыни. Наиб рассказал о договоренности между Кори Ишкамбой и Хамра Рафиком арбабу Рузи, который мечтал завладеть землей трудолюбивого дехканина. Наконец, когда и дыни были съедены, а дынные корки убраны, Хамра Рафику велели подняться на суфу. Дехканин сел с краю и смиренно опустил голову. Арбаб Хамид, взглянув на наиба, сказал:

— Нас не было при разговоре между господином Кори и Хамра Рафиком. Будьте любезны, расскажите в присутствии арбаба Рузи, о чем они договорились, чтобы это слышали все жители кишлака, чтобы и стар и мал знал, в чем дело.

Наиб, еще раз рассказав о согласии ростовщика ссудить деньги Хамра Рафику под залог земли, спросил дехканина:

— Сколько ты думаешь взять у господина Кори?

— Не знаю... Знаю только, что я был должен содержателю чайханы пятьсот тенег. Этот долг за два дня вырос до пятисот пятидесяти.

— Значит, ты хочешь взять пятьсот пятьдесят тенег?

— Как будто так.

— А для других расходов деньги у тебя есть?

— Ни гроша,— ответил Хамра Рафик и, в свою очередь, задал вопрос: — А какие еще нужны расходы?

— Ну и простак же ты! — укоризненно сказал наиб.— Во-первых, пока господин казий приложит печать и ты получишь у Кори деньги, пройдет еще день, и твой долг чайханщику достигнет пятисот семидесяти пяти тенег. Не так ли?

— Да, это так,— согласился Хамра Рафик.

— А не считаешь ли ты, что нужно дать хотя бы двадцать пять тенег арбабу Рузи за его хлопоты, который потрудился прийти сюда для решения твоего дела, со скатертью, полной снеди, с крупным подношением?

— Нужно дать! — ответил за Хамра Рафика арбаб Хамид.

— Необходимая тебе сумма уже достигла шестисот тенег. Ну, а разве не следует дать хотя бы сорок тенег арбабу Хамиду? Ведь это он угостил нас для успешного завершения твоего дела. А как староста он распоряжается и твоей жизнью, и твоей смертью!

На этот раз за Хамра Рафика ответил арбаб Рузи:

— Нужно дать!

— Вот видишь, нужная тебе сумма выросла до шестисот сорока тенег. А можешь ты не дать по две тенги пяти почтенным старцам вашего кишлака, которые присутствуют здесь в качестве свидетелей при решении дела?

— Даст! — ответил за него арбаб Хамид.

— Значит, тебе надо иметь уже шестьсот пятьдесят тенег,— продолжал наиб.— За печать в канцелярии господина казикалана, мне за написание бумаги, моим людям за услуги — разве за все это ты не должен дать хотя бы пятьдесят тенег?

— За приложение печати и за услуги наиба очень уж мало пятидесяти тенег!— воскликнул арбаб Хамид.— Сто, сто! Никак не меньше.

— Надо бы сто, да я не могу не принять во внимание трудолюбие и порядочность Хамра Рафика. Уж так и быть, поступлюсь пятьюдесятью тенгами. Пусть он в благодарность за мою доброту помолится за меня и за господина казия! — важно произнес наиб и, обращаясь опять к Хамра Рафику, продолжал: — С этими пятьюдесятью тенгами сумма дошла до семисот тенег. Согласно условию, на котором дает тебе деньги господин Кори, на семьсот тенег за месяц нарастает сорок две тенги,— по шесть на сотню, а за год — пятьсот четыре тенги. Если эту сумму прибавить к тем семистам тенгам, которые ты берешь в долг, то получится тысяча двести четыре тенги.

Сделав эти подсчеты, наиб перешел к разбору условий закладной. Он снова обратился к Хамра Рафику:

— Так вот, ты запродашь свою землю господину Кори и выдашь им документ на сумму тысяча двести четыре тенги, из которых семьсот тенег ты получишь на руки, а остальные составят проценты за год. Если в конце года ты уплатишь весь долг, получишь документ

обратно и земля станет снова твоей собственностью. А если же к концу года ты сможешь уплатить только проценты, то условия останутся прежними. Эти же условия сохранятся и на третий, и на четвертый год. Но как только ты откажешься платить проценты или вернуть взятый тобой долг, господин Кори получит право отобрать у тебя всю твою землю.— Пояснив условия, заместитель казия спросил Хамра Рафика: — Ну как, правильно?

— Наверное, правильно,— неуверенно произнес Хамра Рафик. Но все лицо его говорило о душевном колебании и недовольстве.

— А что скажете вы? — обратился наиб к Кори Ишкамбе.

— Скажу, что ваши расчеты неправильны! — резко ответил тот.

— Как так?

— Видите ли, когда я даю в долг горожанину, то получаю с него проценты каждый месяц. Деньги эти я также пускаю в рост. А по вашему расчету получилось, что проценты за первый месяц — сорок две тенги — пролежат без пользы для меня и не будут приносить мне доход одиннадцать месяцев; проценты за второй месяц пролежат без всякой пользы десять месяцев и так далее. Мне это принесет большой урон!

Уразумев всю тонкость этих расчетов, заместитель казия сказал:

— Теперь я понял. А сколько же составят проценты на проценты в течение года?

— Если несколько округлить и говорить так, чтобы было понятно дехканам, проценты на проценты с этой суммы — я их зову внуками своих денег — составят сто шестьдесят тенег в год.

— Значит, если Хамра Рафик получит от вас семьсот тенег, он должен будет дать вам документ на тысячу триста шестьдесят тенег,— подытожил наиб.

— Почти что так! — ответил Кори.— Однако есть еще одна тонкость в расчетах, по которой Хамра Рафику следует дать мне документ на тысячу четыреста тенег.

Хамра Рафик до сих пор сидел молча, печально раздумывая, чем же кончатся для него все эти подсчеты, которых он совсем не ожидал. Но когда Кори Ишкам-

ба назвал полную сумму его долга, Хамра Рафик вспыхнул, словно огонь, который дымил, разгораясь, и вдруг под свежим ветром загорелся ярким пламенем.

Поднявшись со своего места, он закричал, обращаясь к собравшимся:

— Если уж вы хотите сжечь мой дом, подожгите его сразу, продайте и поделите между собой мою землю, а меня самого прогоните из кишлака! Если вам и этого покажется мало, посадите меня в эмирский зиндан, а то и вздерните на виселицу! А по своей воле согласиться с такими подсчетами я никак не могу!

Неизвестно, что он хотел сказать еще, но от волнения у него перехватило дыхание, и он запнулся.

Члены почтенного собрания расхохотались, а когда смех утих, арбаб Хамид сказал мягко:

— Братец мой Хамра! Не хочешь соглашаться, не надо — дело твое! Никто тебя силой не заставит. Ты не волнуйся понапрасну, сядь-ка послушай, что я тебе скажу.

— Уф! — тяжело перевел дух Хамра Рафик, садясь на свое место. Понурив голову, он уставился в землю, а арбаб Хамид продолжал:

— Разве это несчастье на твою голову призвал я, или арбаб Рузи, или их милость наиб, или господин Кори?

Хамра Рафик ничего не ответил на эти слова. Может, ему нечего было ответить, а может, и было что сказать, да он не осмеливался теперь, когда гневный порыв его стих.

Арбаб Хамид невозмутимо продолжал:

— Мне известно только, что, когда ты во время праздника Красного Мака решил пойти на могилу святого Бахауддина Накшбенда, с тобой пошел и батрак арбаба Рузи — Турамурад. А когда ты на следующий день вернулся, Турамурада с тобой не было. Когда тебя спросили, куда он делся, ты ответил; «Я не знаю. Дорогой он расстался со мной, мы пошли в разные стороны». А среди людей прошел слух, что ты убил Турамурада и забрал у него деньги. И все же мы с арбабом Рузи не потащили тебя по одному лишь подозрению к казию, мы помнили пословицу: «Подозрение лишает веры!». Их милость наиб хотели замять это дело, чтобы не волновать народ, но слух дошел до ушей казия и

миршаба Бухары, и они приказали схватить тебя. Поневоле пришлось их милости наибу отправить тебя в город, и ты попал в тюрьму по обвинению в убийстве. А наша вина — арбаба Рузи и моя — только в том, что мы несколько дней хлопотали за тебя и освободили за пятьсот тенег. Когда б не мы, тебя казнили бы, или заставили выплатить за кровь убитого десять тысяч тенег, или ты сгнил бы в тюрьме.

— А другая наша вина,— прервал слова арбаба Хамида арбаб Рузи,— в том, что мы согласились на посредничество и заняли у содержателя чайханы при канцелярии казия пятьсот тенег и освободили тебя.

— Как видишь, ни я, ни арбаб Рузи не причинили тебе никакого зла. А разве к господину Кори мы тебя послали? — спросил арбаб Хамид у Хамра Рафика.

Хамра Рафик будто и не слыхал этого вопроса, он ничего не ответил и не поднял глаза.

— Может быть, я послал тебя к господину Кори? — присоединил свой вопрос и заместитель казия. Хамра Рафик продолжал молчать.

— Эй! Посмотри-ка на меня и отвечай! — закричал разгневанный наиб.— Я, что ли, послал тебя к господину Кори?

— Нет! — пробормотал Хамра Рафик, но лица так и не поднял.

— Кто послал тебя к господину Кори? Ну-ка отвечай, скажи внятно, чтобы все слышали!

— Сам пошел!

— Врешь! С каких это пор ты знаком с господином Кори?

— Я знаю, его послал имам кишлака. Уж он-то знаком с господином Кори. Имам сказал ему, что он сможет взять долг с меньшим процентом и тем самым освободиться от притязаний почтенных жителей кишлака,— сказал арбаб Хамид.

— Позовите имама! — приказал наиб.— Как посмел он вмешаться в дело этого кляузника!

— Мы уже побранили его за этот поступок. Не знаю — то ли он обиделся, то ли ему стыдно стало, но куда-то уехал, бросил свою мечеть! — ответил арбаб Хамид.

— Тебе, видно, не понравилось, что я к процентам присчитал проценты на проценты? — сказал Кори Иш-

камба.— Если так, можешь каждый месяц приносить мне сорок две тенги — тогда тебе не придется платить мне лишних сто шестьдесят пять тенег!

— Где же мне их взять?! Круглый год копаешься в земле, откуда же будут наличные деньги каждый месяц? — вскричал Хамра Рафик.— У меня ведь только раз в год, когда созревают пшеница и дыни, бывают в руках деньги!

— А если так, чего же ты негодуешь? Вспомни-ка, ведь ты оторвал меня от дел, просил и молил приехать сюда! А теперь жалуешься на всех и на меня тоже. Если ты отказываешься от своего намерения, скажи — и я сейчас же вернусь в город. А что будешь делать дальше — знаешь сам да тот чайханщик.

Сказав это, Кори Ишкамба приподнялся с таким видом, будто тут же собирался ехать. Нет, Хамра Рафик не мог отказаться от денег. Через неделю или через десять дней его долг чайханщику достигнет такой цифры, что ему не останется ничего, как тут же продать землю арбабу Рузи. Вот почему голос его зазвучал примирительно:.

— Я понял все ваши расчеты дядюшка Кори, мне ничего не остается, как согласиться. Да уж очень обидно стало, когда вы взяли да ни с того ни с сего прибавили к тысяче тремстам шестидесяти девяти тенгам еще какие-то тридцать одну тенгу и довели мой долг до тысячи четырехсот!

— И эту сумму я прибавил не без причины,— объяснил Кори Ишкамба.— Ведь в городе я каждый день или, по крайней мере, через день угощаюсь у моих должников. Не стану же я ходить сюда из города и требовать угощения от тебя! Вот в счет этого я и прибавил тридцать одну тенгу! Если ты будешь угощать меня каждый день или через день — как это делают мои должники-горожане,— за год это обойдется много дороже. Я пожалел тебя и избавил от тяжелых расходов, присчитав к долгу всего тридцать одну тенгу!

— Ладно уж, поступлюсь этим! — сказал, обращаясь к Кори Ишкамбе, арбаб Хамид.— Ведь чем может угостить крестьянин? Разве что дынями, арбузами да луком! Как поедет Хамра Рафик в город продавать их, так завезет вам сколько-нибудь взамен угощения!

Кори Ишкамба согласился, наиб составил документ,

обещав, что он завтра же поставит на него печать в канцелярии казия. Завтра Хамра Рафик получит у наиба документ передаст его господину Кори, возьмет деньги, уплатит то, что причитается содержателю чайханы, а остальные деньги передаст арбабу Хамиду, чтобы тот поделил их в соответствии с принятым решением между всеми причастными к делу.

* * *

Наиб, его люди и Кори Ишкамба сели на лошадей, собираясь в обратный путь. Все присутствующие выстроились двумя рядами, готовясь проводить их до ворот. Не успели они выехать со двора, как к наибу подбежал какой-то юноша и закричал:

— Турамурад вернулся!

Турамурад был тем самым крестьянином, в убийстве которого обвиняли Хамра Рафика. Наиб сделал вид, будто ничего не слышал. Но дехкане, стоявшие у ворот, подняли крик. Со всех сторон слышалось:

— Турамурад вернулся! Выходит, Хамра Рафика оклеветали! А теперь нужно правителям возвратить назад деньги Хамра Рафика, чтоб спасти его от разорения!

Вскоре подошел и сам Турамурад и стал здороваться с жителями селения. К нему подбежал Хамра Рафик.

— Здороваться будешь потом! Пойдем со мной, покажись наибу, скажи скорей, что я тебя не убивал!

Турамурад поспешно направился к наибу и низко ему поклонился. Хамра Рафик сказал наибу:

— Спросите теперь у него самого, убивал ли я его? Знал ли я, куда он ушел?

Наиб с видимой неохотой спросил Турамурада:

— Где ты пропадал?

— Я пять лет служил арбабу Рузи,— ответил Турамурад.— Ни одежды новой не видал, ни сыт не бывал. А тут дошла до меня весть, что сестра моя,— она замужем в Азизабаде,— захворала. Я попросил у хозяина пять тенег, хотел сходить повидать ее, он не дал. Обидело меня это сильно. Вот я и решил сбежать от него. Из кишлака я вышел с Хамра Рафиком, а на полпути покинул его и не сказал, куда иду. А когда я услыхал, что Хамра Рафик попал в тюрьму за то, что будто бы

убил меня, то сказал себе: «Будь что будет, вернусь, лишь бы освободить его».

— Господин, хочу слово сказать,— поднял руку арбаб Рузи и приблизился к наибу.

— Говорите!

— Я похоронил родителей этого мальчишки, затратив двести тенег. Его самого кормил, поил, одевал, растил. На это ушло тоже не меньше двухсот тенег. А когда он подрос, вместо того, чтобы помогать мне и своей ничтожной службой отплатить мне, он сбежал. Прошу вас, посадите его в тюрьму и накажите. Пусть это другим голодранцам послужит примером. А когда он раскается и станет биться головой о стенку, поручите мне его, пускай послужит в моем доме и погасит свой долг за похороны отца и матери, пускай расплатится со мной за расходы на него самого!

— Вы правы,— сказал наиб арбабу и, обратившись к своим людям, приказал: — Ну-ка свяжите этому юнцу руки да погоните за лошадьми. А после того—бросьте его в каталажку при моей канцелярии.

Служители наиба схватили Турамурада.

Дехкане, обрадовавшиеся его возвращению,— они надеялись, что это вызволит из беды Хамра Рафика,— совсем приуныли.

— Лучше бы ему не возвращаться! — огорченно говорили они. Но сам Турамурад смеялся.

— У людей сердце разрывается на части из-за твоего ареста, чего же ты смеешься,— удивился Хамра Рафик.

— Мне уже тридцать лет. В услужение к арбабу Рузи я поступил двадцатипятилетним. А смеюсь я потому, что если раньше богачи присваивали себе труд и заработок своих слуг, то мой хозяин крадет у меня мои годы — называет меня, взрослого мужчину, мальчишкой! Удивительно, что и их милость наиб тоже вслед за моим хозяином назвали меня юнцом.

— От тебя еще материнским молоком пахнет, а говоришь, что тебе тридцать лет! — возмутился тут Кори Ишкамба.

Наиб не оставил безнаказанной эту дерзость Турамурада и велел своим людям дать ему несколько ударов камчой и гнать лошадей, чтобы скорее убрать его с глаз. Распоряжение наиба было исполнено, и он со

своим отрядом выехал из кишлака. Жители Бульмахурона, весело смеявшиеся над нелепым видом Кори Ишкамбы, когда он въезжал в кишлак, теперь провожали отряд наиба гневными проклятиями и бранью.

XIV

Богатеям не понравилось, что Кори Ишкамба узнал дорогу в кишлак. Особенно это приводило в ярость арбаба Рузи — самого крупного ростовщика в кишлаках Сангсабз и Бульмахурон. Он не собирался терять прибыль, давая ссуду за шесть процентов. Не такой уж у него был капитал, чтобы тягаться с богачом вроде Кори Ишкамбы. Впрочем, больше денег его интересовала возможность прибрать к рукам землю дехкан, закабалять их. Добиться этого, давая ссуды под малый процент, было труднее и требовало более длительного времени. Он понимал, что если даже станет брать меньше, чем Кори Ишкамба, то и тогда дехкане предпочтут обращаться к ростовщику-горожанину: Кори Ишкамбе не нужна их земля, он не пойдет в кишлак заниматься земледелием.

Но арбаб Рузи не мог преградить Кори Ишкамбе путь в кишлаки ни при помощи местных властей, ни угрозами — он знал, что заместитель казикалана друг ростовщика и в любой момент защитит своего приятеля.

У арбаба Рузи была лошадь, потом он купил вторую и поставил в ту же конюшню. Поначалу обе лошади кусались и лягались, когда им давали корм, и обе оставались голодными. Постепенно они привыкли друг к другу и дружески делили ячмень и клевер. И случалось даже так, что если одна насыщалась, а другая еще продолжала есть, то первая ласково почесывала зубами шею второй.

Были у арбаба Рузи и две собаки. Хотя обе они выросли на одном дворе и привыкли друг к другу, стоило бросить кость, как они затевали драку, в ярости кусали друг друга,— шерсть летела клочьями, и в конце концов случалось, что кость не доставалась ни той, ни другой.

«Если между мной и Кори Ишкамбой установятся такие отношения, как между моими собаками, то ни

ему, ни мне не извлечь выгоды из нужды дехкан в деньгах, а если поладим, то оба сумеем насытиться— в меру своего аппетита».

С этим решением он отправился к Кори Ишкамбе и договорился, что будет брать у него деньги из расчета по три тенги с сотни за месяц, а сам станет ссужать нуждающихся дехкан, как и раньше, по десяти или по восьми тенег с сотни, получая в залог их земли. Если за каким-нибудь должником деньги пропадут, то весь убыток он возьмет на себя, а Кори Ишкамба не потерпит никакого убытка.

Условия эти были выгодны Кори Ишкамбе, и все же временами собачья жадность брала в нем верх, он вскипал и выражал арбабу Рузи свое недовольство.

— Деньги мои, а выгоду извлекаете вы! Я получаю с каждой сотни только три тенги, а вы за мои деньги — от пяти до семи тенег с сотни! Разве это справедливо?!

В ответ арбаб Рузи рассказывал ему, как живут друг с другом его лошади и собаки, и говорил:

— Господин Кори, в своих отношениях с людьми берите пример с лошадей, а не с собак!

Эти слова успокаивали ростовщика. Действительно, у Кори Ишкамбы не было оснований быть недовольным своим соглашением с арбабом Рузи. Благодаря ему та часть его капитала, которая раньше лежала в банке и давала всего пять процентов годовых, приносила теперь доход в десять раз больший и притом без всяких забот, без опасения, что деньги могут пропасть. Сбылась мечта всей его жизни.

Был доволен этим и арбаб Рузи. Получив возможность оперировать большими суммами, которые предоставлял ему Кори Ишкамба, он стал брать в залог, а потом и захватывать в полную собственность такое количество земли, о котором раньше не мог и помышлять. Получая от дехкан закладные на землю не на год или два, как это было раньше, а на «востребование», он мог теперь при помощи наиба требовать со своих должников деньги в любой момент, даже в самое трудное для них время года — когда еще не был собран урожай.

Первой жертвой этих двух собак, «превратившихся в лошадей», был Хамра Рафик. Кори Ишкамба,

по просьбе арбаба Рузи, потребовал у своего должника деньги в самый трудный сезон. Тот не смог их вернуть, и пять танабов прекрасно возделанной земли Хамра Рафика, стоивших десять тысяч тенег, перешли к арбабу Рузи за четыре тысячи.

Так как жадность все-таки не давала покоя Кори Ишкамбе, терзала ему душу и нет-нет да прорывалась наружу, арбаб Рузи решил пригласить его к себе на судебное разбирательство с дехканами и дать ему возможность увидеть своими глазами, ценой каких споров удается ему урвать ту прибыль, которую он от них получает. Поэтому в день судебного разбирательства арбаб Рузи привел Кори Ишкамбу к себе домой и устроил угощение.

Стояла осень, но урожай был собран еще не весь. Коробочки хлопка раскрылись, початки джугары тяжелыми гроздьями свешивались со своих стеблей, колосья проса отливали золотом, осенние дыни пожелтели — так и манили взгляд!

Но дехканам кишлака Сангсабз, собравшимся у дома арбаба Рузи, было не до уборки урожая. Они сидели с печальными лицами по обе стороны ворот, как сидят люди, пришедшие на похороны. Однако во дворе не слышалось ни плача, ни причитаний. Напротив, оттуда доносились веселые голоса, шутки, смех — будто там происходила свадьба.

В доме арбаба Рузи шел пир. Украшением его были Кори Ишкамба и заместитель казикалана по округе в селении Гала-Асийа Мирза-ходжа по прозвищу «Раб желудка». Остальные места в просторной комнате для гостей занимали служители наиба и всякие прихлебатели — старейшины Сангсабза и Бульмахурона.

Когда были съедены все кушанья, а чай выпит, наиб сказал арбабу Рузи:

— Ну, можно начинать, день идет к вечеру!

— Очень хорошо,— согласился арбаб и поднялся со своего места. Открыв стоявший в нише ящик, он вынул из него узелок и передал наибу. В узелке хранились документы. Просмотрев их, наиб спросил у арбаба:

— А разве сегодня надо рассмотреть все?

— Да, придется рассмотреть все. Если часть дел отложим, то могут найтись люди, которые собьют с

пути наших должников; ведь сказано, что «человека сбивает с пути человек».

Наиб взял в руки одну из закладных.

— Эта на имя Мухсина! — сказал он.— Начнем с нее?

— Нет,— ответил арбаб и пояснил: — Мухсин везде кричит, что вернул мне деньги, и, пока не приведет меня к присяге, никаких денег не даст! Сами понимаете, во время разбора дела он всякое наговорит, его пример подействует на других, у них тоже развяжутся языки. Благоразумнее разобрать его дело в самом конце.

Наиб выбрал другой документ.

— Этот на имя Шадмана, можно начинать с него?

— Можно! — ответил арбаб.— Первые деньги от господина Кори я ссудил именно ему. Это — поспевший раньше других плод с привитого нами дерева, первый результат нашей совместной деятельности.

Наиб приказал своим людям ввести Шадмана.

Один из служителей принес небольшую циновку и бросил ее у двери в ту комнату, где сидел наиб. Затем тот же служитель нашел среди дехкан, ожидавших за воротами, Шадмана и усадил его на циновку. За Шадманом вошли во двор и остальные дехкане. Они встали за его спиной.

Наиб обратился к арбабу:

— Сядьте на циновку и вы, рядом с тем, против кого возбуждаете тяжбу.

— Разве так уж необходимо и мне садиться на циновку? — недовольным голосом спросил арбаб.

— Да, уж тут ничего не поделаешь! По шариату, каждый, кто бы он ни был, при разборе иска должен сидеть рядом с ответчиком.

Арбаб Рузи, почесывая в затылке, с презрительной усмешкой нехотя вышел из комнаты и сел рядом со своим должником — Шадманом.

Наиб пробежал глазами документ.

— Кто Шадман, сын Юсуфа? — спросил он.

— Я, господин! — ответил дехканин.

— Верно ли, что ты три года назад взял у арбаба Рузи в долг тысячу тенег?

— Верно, господин!

— Верно ли, что за эту тысячу тенег ты заложил

четыре танаба своей земли арбабу Рузи, а потом взял у него эту землю в аренду, с условием уплачивать ежемесячно восемьдесят тенег?

— Верно, господин!

— В закладной написано, что ты дал обещание вернуть деньги по первому требованию, а если не сможешь вернуть долг или внести арендную плату, обязан отдать арбабу свою землю. Верно ли это?

— Верно, господин!

— Теперь арбаб Рузи предъявил иск, в котором он пишет: «Если Шадман не вернет мне своего долга и арендной платы за год, прошу передать мне его землю». Вот ты и должен вернуть ему деньги или отдать землю. Что ты скажешь на это?

— Господин,— обратился к наибу Шадман.— В течение этих трех лет проценты на долг арбабу Рузи...

— Не говори «проценты», говори «плата за аренду земли»! Казикалан и его заместитель не разбирают тяжб по взысканию процентов, проценты запрещены законом ислама. В документе написано «плата за аренду земли»!

— Слушаюсь,— проговорил ответчик.— Все годы я выплачивал за аренду вовремя. Кроме того, я помогал арбабу по хозяйству, одалживал и своего быка, и осла, и серп, и кетмень. Прошу арбаба принять во внимание мои безвозмездные услуги и дать мне отсрочку недели на две, чтобы я успел снять урожай и уплатить долг!

— Что скажет арбаб? Дадим ему отсрочку? — спросил наиб арбаба.

— Нет,— заявил тот.— Не дам ни одного дня! Или пускай вернет мне деньги в вашем присутствии, или же передаст документы на землю.

— Истец не согласен дать тебе отсрочку, ты должен сейчас уплатить ему долг или же отдать землю — иного выхода нет! — вынес заключение наиб.

— У меня нет наличных денег.

— А где ты возьмешь их через две недели?

— У меня есть танаб трехлетней марены *. Урожай с него почти покроет долг арбабу. А еще один танаб земли засеян у меня хлопком, он раскрылся, стал как цветник. Через некоторое время я соберу хлопок и продам, тогда у меня появятся деньги!

— Дайте уж ему отсрочку, если не на две недели, то хоть на десять дней! — предложил наиб арбабу.— Пусть ваш должник соберет урожай и добудет деньги.

— Нет! — сказал тот.— Как бог один, так и слово у меня одно. Не дам ни часу отсрочки!

— Делать нечего,— проговорил наиб.— Согласно документу, ты, Шадман, должен сейчас же отдать им деньги или землю!

— Чтобы отдать землю, надо ведь снять с нее урожай! — сказал Шадман.

— Господин, позвольте сказать! — обратился к наибу арбаб Рузи.

— Говорите!

— Будьте любезны, прочтите еще раз закладную. Если в ней написано, что земля передается мне после снятия урожая, тогда я соглашусь, чтобы Шадман передал мне пустую землю, если этого в запродажной не сказано, то я требую, чтобы вы сейчас же оформили передачу земли со всем, что на ней растет.

Прочитав документ еще раз; наиб посмотрел на Шадмана и сказал:

— В закладной такого условия нет. Поэтому движимое имущество вроде кетменя, топора или сохи ты можешь взять, если они там, а собрать урожай не имеешь права, обязан передать арбабу землю со всем, что на ней растет.

— Не передам! — воскликнул Шадман решительно.— Не подчиняюсь такому несправедливому решению. Это грабеж! Не соглашусь, даже если сто раз отрежут голову!

— Что ты сказал? — грозно закричал наиб. Он привстал и снова сел.— Что ты называешь несправедливым, грабительским? Мое решение, согласное с шариатом, или требование арбаба Рузи? Что ты имел в виду?

— Мне все равно, кто решил, кто требует? Это несправедливо, грабеж это! — упорствовал Шадман.

— Верно он говорит, несправедливо это, не по закону! Грабите вы его! — заговорили дехкане, стоявшие за спиной Шадмана.

— Что это за люди?—спросил наиб у своих помощников, указывая на дехкан.

— Тоже должники арбаба, дожидаются разбирательства своих дел,— ответил один из служителей.

— Сгоните их с суфы, вытолкайте за ворота! Когда придет их черед, вызовете по одному. Никто их не просил защищать тут интересы Шадмана!

Служители побоялись удалить дехкан силой, они обратились к ним вежливо, уговорили их сойти с суфы и выйти за ворота.

Когда дехкане удалились, наиб обратился к Шадману.

— Приговор шариата будет исполнен независимо от твоего желания. Четыре танаба земли со всем неснятым урожаем переходят к арбабу Рузи, а ты попадешь в тюрьму за то, что поносил шариат, заместителя казикалана и такого уважаемого человека, как арбаб Рузи! — И он тут же распорядился: — Заприте пока этого преступника в конюшню арбаба Рузи, вечером заберем его с собой, а завтра отправим с сопроводительным письмом к господину защитнику шариата — казикалану.

Шадмана заперли в конюшне и стали вызывать одного за другим остальных дехкан для разбора их дел. Напуганные тем, что произошло с Шадманом, они безропотно соглашались отдать свою землю арбабу вместе со всем неубранным урожаем.

* * *

Дошла очередь и до Мухсина. Наиб посмотрел написанную на его имя закладную и сказал:

— Два года назад ты взял у арбаба Рузи полторы тысячи тенег и запродал ему за эту сумму свою землю. Верно ли это?

— Верно, я заложил свои шесть танабов земли, оформил сделку по закону шариата, как написано в закладной, и взял их у арбаба в аренду. До этого года я вовремя выплачивал им арендную плату, а месяц назад я вручил арбабу взятые в долг полторы тысячи тенег и тем самым полностью выкупил свою землю,— ответил Мухсин.

— Почему же ты не взял у них закладной, когда вручал им и свой долг, и арендную плату?

— Я принес деньги вечером и тогда же просил их вернуть мне закладную, но они сказали: «Вечером

трудно найти твой документ среди других, найду его завтра днем, при свете и отдам»,— и уверили меня, что все в порядке. А когда на другой день я спросил свою закладную, они стали отрицать, что получили деньги, да еще стали гнать меня, будто я разгневал их. А теперь требуют немедленно вернуть долг или землю! Деньги я отдавал уже затемно, вечером. Кроме бога, другого свидетеля у меня нет! — сказал Мухсин и, вытащив из-за пазухи какую-то бумажку, протянул ее наибу.

Служитель, стоявший у циновки, где сидели истец и ответчик, взял ее из рук Мухсина и передал наибу.

Наиб, внимательно просмотрев бумажку от начала до конца, сказал арбабу Рузи:

— Это заявление ответчика. Он отрицает иск. Мухсин пишет, что дал вам деньги, а закладная осталась у вас в руках. Он просит казия, судящего по законам ислама, заставить вас вернуть ему закладную. О том, что этот ответный иск соответствует положениям шариата, на полях документа имеется заключение законоведов; несколько бухарских муфтиев подтвердили свое заключение, приложив печати.—Разъяснив это, наиб спросил у арбаба Рузи: — Действительно ли вы получили сполна свои деньги и задержали у себя закладную?

— Я понятия не имею об этом! От Мухсина я денег не получал!

Наиб обратился к Мухсину:

— Ты можешь представить свидетелей для подтверждения своего притязания или будешь приводить арбаба к присяге?

— У меня нет ни документа, ни свидетелей, я прошу привести арбаба к присяге! Пускай арбаб поклянется, что не брал у меня денег, и я в вашем присутствии отдам сам деньги вторично и отберу свою закладную,— ответил Мухсин.

Наиб решил отложить разбор тяжбы до следующей недели, пообещав, что, если до тех пор стороны не договорятся миром, он вернется к разбору их дела, приведет арбаба к присяге и взыщет с Мухсина долг...

* * *

— Никто больше не верит ни вам, ни вашему шариату,— сказал арбаб, встав с циновки, на которой он сидел во время разбирательства.

— Почему, почему? — воскликнул наиб в замешательстве.

— Вы всегда твердите, что шариат в наших руках, что мы всегда может использовать его в своих интересах. Что же случилось сегодня? Почему вы повернули дело в пользу Мухсина?

— Верно, я действительно говорил, что шариат в наших руках,— согласился наиб,— но никогда не утверждал, что шариат в моих руках. Ведь, кроме меня, у шариата есть и другие хозяева — муфтии. Они, конечно, указали Мухсину этот путь не бесплатно — им тоже надо есть хлеб при помощи шариата. Если я пренебрегу их решением, записанным на полях заявления Мухсина, они меня в живых не оставят!

— Значит, и на следующей неделе для меня не найдется способа выиграть тяжбу с Мухсином?

— Такой способ есть,— сказал наиб.— Надо принести присягу и получить таким образом деньги.

— Присяги я не дам! — воскликнул с раздражением арбаб.

— Почему же? Клянетесь же вы ежечасно без всякой к тому нужды?

— Это совсем другое! Когда клятва, как простое слово, сорвется с уст, никакого значения она не имеет! А того, кто дает ложную клятву в присутствии казия, сидя на циновке, люди избегают как проклятого, относятся к нему с презрением.

— Я знаю способ, против которого и присяга, и решение муфтиев ничего не смогут поделать,— сказал Кори Ишкамба.

— Так укажите мне его! Если мне удастся выиграть иск у Мухсина, я до Страшного суда буду обязан вам!

— Дело Мухсина вы уже проиграли, не надейтесь одолеть его,— сказал Кори,— а в будущем поступайте с дехканином по-другому, следуйте моим путем.

— Каким? Говорите, не тяните! — вскричал арбаб Рузи.

— Обещайте, что выгоду от моего способа будем делить пополам, тогда я укажу мой путь,— отвечал Кори Ишкамба.

— Тысячу раз обещаю, обещаю в присутствии господина наиба, что весь доход буду делить с вами!

— Тогда слушайте! Этот путь — вексель! Вместо за-

продажной, которую оформляют казии, надо применять русский вексель,— ответил Кори Ишкамба и стал собираться в дорогу.

XV

После того как Кори Ишкамба своими глазами увидел в доме арбаба Рузи, как ведутся тяжбы с должниками, он заключил с арбабом новое соглашение — соглашение о ростовщических операциях, оформляемых по векселю. По новому условию, прибыль, извлекаемая арбабом Рузи от опротестования векселя, делилась пополам с Кори Ишкамбой. На Кори лежала обязанность руководить арбабом в оформлении векселей, указывать ему пути взыскания по ним.

Первой жертвой они наметили того же Мухсина.

Кори Ишкамба, стремясь расположить его к себе, повидался с дехканином перед возвращением в город и выразил свое неудовольствие поведеним арбаба.

— Ну и бессовестный же у вас арбаб! — стал он возмущаться.— У меня взял деньги из расчета по три тенги в месяц с сотни, а тебе, оказывается, ссудил их из расчета девяти! Да разве может быть большая несправедливость?! Я довольствуюсь тремя, а этот мироед получает шесть! И ему еще мало этого.— Показав таким образом Мухсину, что и он обманут арбабом, ростовщик предложил свою помощь:—Как придет нужда в деньгах — приходи ко мне в город. Уж я тебя не обману!

Одержав при повторном разбирательстве полную победу над арбабом, Мухсин отправился в город к Кори Ишкамбе.

Кори принял его очень любезно и расспросил, чем кончилось дело.

— А чем оно могло кончиться? Арбаб отказался давать присягу. Понятное дело, наибу пришлось вынести решение в мою пользу, он признал иск неосновательным, тут же потребовал у него мою закладную и отдал мне!

— Молодец! — воскликнул с восхищением Кори Ишкамба.— Ты далеко пойдешь. Но тебе, верно, это дорого обошлось? Сколько ты истратил?

— Восемьсот тенег. Я дал каждому из четырех муфтиев по двести.

— Наверное, дал что-нибудь и наибу?

— Понятно, дал,— сказал Мухсин.— Не подмажешь, не поедешь. И ему смазал глотку двумястами. Да он потому и отложил тяжбу на неделю, что у него чесалась глотка!

— Выходит, ты потратил тысячу тенег, чтобы не давать арбабу тысячи пятисот?

— Если вдуматься, выходит так,—ответил Мухсин.— Да главное не в этом! Я вызволил из рук арбаба свою землю и унизил его перед всем миром, и друзья и враги узнали, каков он, люди поняли, что и на сильного есть управа. А денег я потратил больше: на тысячу тенег, что я израсходовал на это дело, уже наросло триста тенег процентов.

— Да что ты? — всплеснул руками Кори Ишкамба.— У кого же ты занял эти деньги и на каких условиях?

— У посредника между муфтиями и нами. Муфтии торгуют шариатом, да нам без посредника не получить от них заключения и решения. Приходится платить в день по десять тенег с сотни!

— Ух, ух! — произнес Кори Ишкамба с сожалением.— Как же ты выдержал такие тяжелые условия, почему сразу не пришел ко мне?

Кори Ишкамба делал вид, что жалеет Мухсина, на самом же деле он терзался от сознания, что еще один «жирный кусок» пролетел мимо его рта. Его пальцы алчно зашевелились, как бы подсчитывая, сколько тенег набежало бы на каждую сотню в месяц.

— Откуда мне было знать? Я считал вас близким другом арбаба Рузи и не думал, что одолжите мне денег, раз я их против него использую.

— Во-первых, ростовщик ростовщику другом быть не может. Ростовщики всегда враждуют, как кошка с собакой. А во-вторых, мне не по душе, что он дает мне с сотни три тенги, а сам берет с дехкан восемь или десять... Это несправедливо и по отношению ко мне, и по отношению к бедным дехканам...

— Если хотите сделать мне добро, еще не поздно!— сказал Мухсин.— Дайте мне в долг на больший срок

да под меньшие проценты, и я вырвусь из рук посредника — торговца заключениями.

— А сколько тебе надо, чтобы освободиться от него?

— Сегодня мой долг достиг тысячи трехсот десяти тенег. Завтра к ним прибавится еще десять. Вот из этого расчета и дайте мне.

— Коли так, возьми уж сразу тысячу четыреста тенег. Окажется лишнее — потратишь на свои нужды!

— А сколько вы хотите процентов?

— На четыре тенги меньше, чем ты платил арбабу Рузи, то есть с сотни пять тенег в месяц, только срок уплаты надо определить теперь же.

— Думаю, что на будущий год после сбора урожая я смогу выплатить и долг и проценты.

— Значит, полный год?

— Да, ровно год!—подтвердил Мухсин. Потом спросил: — А на сколько танабов своей земли должен я оформить закладную?

— Не нужна мне закладная. Достаточно, если дашь мне вексель на деньги, которые получишь. К ним я прибавлю сумму, которую составят проценты.

Мухсин был и обрадован, и удивлен, и испуган словами Кори Ишкамбы. Он обрадовался, что Кори Ишкамба сказал «мне твоей земли не надо». Удивлен был доверием Кори Ишкамбы.

Шутка сказать — дает деньги без закладной! Но сейчас он впервые услашал от Кори Ишкамбы о новом документе, называемом «вексель», и потому его охватил страх.

«Что еще за штука — вексель? — раздумывал Мухсин.— А вдруг тут что-то кроется, и дело обернется не в мою пользу? — Но тут же он стал себя успокаивать: — Не может этого быть. Кори — чтец Корана, аккуратно совершает все пять ежедневных молитв, не может такой человек причинить зло бедному землепашцу, да к тому же попавшему в беду! Недаром же назвал он арбаба Рузи бессовестным! Неужто сам станет поступать так же?!»

По тому, как глубоко задумался Мухсин, Кори Ишкамба почувствовал, что тот колеблется. Желая рассеять его сомнения, Кори сказал:

— Я пожалел тебя в твоем несчастье, потому и не

требую бумаги, оформленной у казия,— ведь на нее много расходов! Я тебе доверяю и хочу дать деньги безо всякого документа. Только вот беда — векселя нужны мне для моих дел в банке. Приходится брать и у тебя вексель. Не подозревай ничего худого, не сомневайся!

Мухсин еще колебался.

— А зачем вам вексель для ваших дел в банке?

— Какой же ты недоверчивый человек! — рассмеялся Кори.— Слушай, объясню: я возьму, к примеру, у тебя вексель на две тысячи тенег, понесу его в банк и заложу — мне могут дать ссуду в тысячу тенег, и я залечу ими кое-какие свои болячки! Другое дело — закладные. Будь их хоть полный мешок, банк не примет их и за копейку!

Кончилось тем, что Мухсин согласился дать вексель.

— Когда я смогу дать вам вексель и получить деньги? — спросил он.

— Приходи завтра утром! — сказал Кори Ишкамба,— Да, кстати, ты грамотный? Расписаться на векселе сумеешь?

Дехканин понуро опустил плечи.

— Откуда мне быть грамотным! Я ведь простой землепашец.

— Ну, не беда, у нотариуса кто-нибудь распишется за тебя!

* * *

На другой день Кори Ишкамба и Мухсин поехали в Каган. Сложив оплату оформления векселя, расход на нотариуса, деньги, которые придется дать тому, кто подпишется за Мухсина, проценты за весь год и прибавив эту сумму к тысяче четыремстам тенгам, которые брал в долг Мухсин, ростовщик довел ссуду до двух тысяч четырехсот тенег. В переводе на русские деньги получилось триста шестьдесят рублей. Тогда он вошел в здание банка и вынес оттуда купленный им вексель на эту сумму. Затем он разыскал грамотного человека, который мог бы поставить свою подпись за Мухсина, и все трое — Кори Ишкамба, Мухсин и грамотей — вошли в контору нотариуса. Там, в присутствии нотариуса, этот человек расписался за неграмотного Мухсина на «белом» векселе, в котором была проставлена сум-

ма в триста шестьдесят рублей, но срок уплаты не указывался. После него расписался нотариус, скрепивший свою подпись печатью.

Уплатив нотариусу и тому, кто подписывал за Мухсина, Кори Ишкамба вышел из конторы и, взяв себе вексель, передал Мухсину тысячу четыреста тенег. При этом он сказал;

— Видишь, какой хороший документ вексель! Он не требует никаких хлопот и расходов. Для того чтобы дать вексель и получить деньги, не надо платить казикалану за печать, его писцу — за писанину, его помощникам за услуги, наибу — за его помощь, не приходится и на магарыч давать старейшинам и арбабу селения. Скажем прямо — здесь не нужно нести никаких лишних расходов, не нужно закладывать землю.— Объяснив таким образом все преимущество векселя, Кори Ишкамба продолжал; — С помощью векселя я могу освободить нуждающихся дехкан вашего селения из когтей арбаба Рузи и подобных ему ростовщиков. Они только и думают, как бы оттягать у вас землю. Расскажи об этом своим друзьям и соседям!

— Хорошо, обязательно расскажу! — обещал Мухсин, расставаясь с Кори Ишкамбой.

* * *

Спустя два месяца после того, как Кори Ишкамба дал Мухсину деньги под вексель, в кишлаке Сангсабз в доме арбаба Рузи опять происходила небольшая пирушка. Из наших старых знакомых присутствовали только Кори Ишкамба, наиб Мирза-ходжа и его помощники. Почтенных жителей кишлака на этот раз не пригласили.

Зато в пиршестве принимали участие два новых человека. Один из них лет сорока, среднего роста, с бледным лицом. Борода у него, вопреки бухарскому обычаю, была подстрижена, а над губами были короткие усы. Судя по халату — на шелковой ткани с крупным узором, оттороченному широкой тесьмой, он был из служилых людей. Голову его украшала белая чалма «репкой», которую носили только весьма образованные люди и чиновники. Под халатом виднелась одежда, похожая на европейскую. Обут этот гость был в бухарские хромовые сапоги.

Второй гость — рыжеватый, безбородый, безусый — одет был по-европейски. Он был высок, сухощав, строен.

Угощение в этот день подавалось, вопреки обычаю, не на разостланной на полу скатерти. Посреди комнаты стоял стол, высотой с пол-аршина, покрытый белой скатертью. Кори Ишкамба, наиб и его люди, как и в прошлые разы, угощались жареными курами, бараниной, жирным пловом и другими местными кушаньями. А тем двум подавали различные европейские блюда вроде котлет и жаркого. Они, в отличие от остальных, не ели руками — резали мясо ножами, подхватывали его вилками.

Перед ними стояли два хрустальных бокала и две бутылки. На бумажках, наклеенных на бутылках, было выведено пять золотых звездочек, под которыми шли золотые буквы, непохожие на арабские .

Кори Ишкамба раньше всех запустил руку в блюдо с едой и изо всех сил старался съесть больше других, но взгляд его прикован был к бутылкам. Один из городских гостей взял в руки бутылку и стал читать надпись; Кори Ишкамба не выдержал и спросил:

— Что это такое?

— Это коньяк! — улыбнувшись, ответил гость.

— А что такое коньяк?

— Это лекарство! Оно дает силу старикам и увеличивает аппетит таких любителей поесть, как вы! — Гость налил в бокалы себе и своему товарищу.— Хотите,— предложил он,— я налью и вам пиалу этого лекарства?

— В возбудителях аппетита я не нуждаюсь! Но если позволите, присоединюсь к вам и попробую эти новые блюда! — сказал Кори Ишкамба и, не дожидаясь ответа, тут же сгреб руками половину котлет к себе на блюдо с пловом и, не произнося больше ни слова, принялся набивать свой огромный рот...

* * *

Ублажив желудки обильной пищей, наиб сказал гостю в европейской одежде:

— Теперь можно приступить к делу!

— Да, надо начинать, время уходит! — согласился гость.

— Позовите сюда Мухсина, Сафарали, Пулада, Тимура и других должников! — приказал наиб своим людям.

Гость, одетый полуевропейски, открыл свой портфель, битком набитый сложенными в пачки векселями. Выбрав из одной пачки несколько векселей, разложил их у себя на коленях.

Люди наиба привели дехкан-должников и посадили их на суфе перед дверью. Увидев это, тот же чиновник сказал:

— Введите их в комнату для гостей, здесь ведь не канцелярия казия или наиба!

После того, как служители наиба привели должников и усадили их напротив новых гостей, чиновник в полуевропейской одежде взял один из векселей, пробежал его глазами, затем обратился к должникам:

— Кто из вас Мухсин?

— Я! — откликнулся дехканин.

— Ты брал у господина Кори Исматуллы в долг триста шестьдесят рублей. А теперь господин Кори требует свои деньги. Ты должен сейчас же заплатить долг!

— Я получил от господина Кори наличными деньгами двести рублей. Сто пятьдесят рублей — это проценты за год и расходы по оформлению векселя,— возразил Мухсин.— Как же теперь, когда прошло всего два месяца, с меня требуют уплатить долг, в который входят проценты за целый год?

— Говори короче! — оборвал его гость.— Уплатишь немедленно триста шестьдесят рублей или нет? Отвечай: да или нет!

— Как же я могу уплатить через два месяца сумму, в которую вошли проценты за целый год? — повторил свой вопрос Мухсин.

— В векселе не написано, на какой срок ты получил деньги. По такому векселю господин Кори имеют право потребовать с тебя деньги не только через два месяца, но и на другой день! Хорошо еще, что они два месяца с тебя ничего не требовали. Это большая любезность с их стороны! А уж раз они теперь требуют, ты должен уплатить сейчас же!

— Неужто я должен платить проценты за целый год?! Я ведь продержал деньги всего два месяца! — не унимался Мухсин.

— Нас не касается — будешь ты платить годовые проценты через два месяца или через год! Наше дело получить с тебя по этому векселю сегодня же! Таков закон!

— Это закон его величества императора—царя России,— закричал арбаб Рузи.— Это тебе не приговор шариата, не закладная из канцелярии казия, чтоб ты мог подмазать муфтиев взяткой, подать встречный иск и грабить человека! — В голосе арбаба звучало злорадство.

— Вексель его величества императора — он не только улемов, он и камень пробьет! — добавил наиб.

— Что за несправедливость, что за...— чуть не плача, заговорил Мухсин.

— Закрой свой рот, а то лишишься языка! Как ты смеешь называть несправедливыми законы императора! Вот я сейчас прикажу, чтоб тебе вырвали язык! — гневно воскликнул наиб.

— Нечего тратить попусту время. Раз долг не возвращен, надо продать имущество должника с торгов! — сказал гость в европейской одежде.

Приняв решение продать с аукциона землю и все добро Мухсина и таким образом выручить триста шестьдесят рублей, чиновник вызывал одного за другим Сафарали, Пулада и других должников. Их имущество постигла та же участь.

Последним была очередь Тимура. Тимур всего за неделю до того получил у Кори Ишкамбы в долг тысячу тенег, к которым были приписаны проценты за два года. Вексель ростовщик взял у него на две тысячи теней, то есть на триста тридцать рублей.

Когда его вызвали и задали те же вопросы, что Мухсину, Тимур принялся кричать и вопить, как безумный:

— Не буду я платить проценты за два года, неделя всего прошла! Убью того, кто купит мою землю, самого себя убью!

Гость грубо прикрикнул на Тимура:

— Замолчи, деревенщина! Знаешь, кто перед тобой? Я переводчик казикалана по вексельным делам, а это—судебный исполнитель каганского суда. Дикари вроде тебя не стоят культурного обращения. С вами надо поступать также по-дикарски! — Он несколько раз огрел

нагайкой Тимура и приказал людям наиба арестовать его.

После опроса всех должников, из которых никто не смог уплатить долг, вся компания — судебный исполнитель, переводчик казикалана, наиб со своими людьми и Кори Ишкамба — отправились на поля осматривать земли должников, чтобы определить их стоимость для продажи с аукциона.

На аукцион собралось много народа, но, кроме арбаба Рузи, никто не смог принять участие в торгах. Поэтому каждый танаб земли, стоивший две — две с половиной тысячи тенег, был продан Рузи по четыреста — пятьсот тенег.

По окончании торгов переводчик обратился к наибу:

— Сейчас мы поедем в селение Харгуш, и там надо решить дела с векселями, а на обратном пути опять заедем к арбабу Рузи. Пусть покончит с расчетами и ждет нас.— С этими словами он влез в фаэтон вместе с судебным исполнителем, и они отправились в селение Харгуш.

Когда гостей проводили, Кори Ишкамба обратился к арбабу Рузи:

— Давайте теперь закончим расчеты между нами.

— А какие еще между нами расчеты! Вы благодаря векселям получили с должников деньги с процентами за год и за два, хотя ссудили их только на днях, а я завладел землей, о которой мечтал всю жизнь. Как говорится: «Письмо закончено, засим — привет». Какие же еще остались расчеты?!

— Так вы же при помощи моих вексельных комбинаций за двенадцать тысяч получили землю, которая стоит тридцать тысяч тенег!

— Это моя законная доля,— заявил арбаб.

— Ни в коем случае! — возразил Кори Ишкамба.— Разве не обещали вы в присутствии наиба делить со мной пополам доход от игры на векселях?!

— А другие расходы вы принимаете во внимание?

— Какие еще расходы? — притворно удивился Кори Ишкамба.

— Я уж не говорю о расходах на угощение,— сказал арбаб Рузи.— Но разве не следует дать что-нибудь за услуги наибу с его людьми, ведь они присутствовали при нашем деле?

При этих словах арбаба Рузи наиб кивком выразил свое согласие. Кори не счел возможным отрицать, в присутствии наиба необходимости дать что-нибудь ему и промолчал.

— И переводчику, и судебному исполнителю тоже ведь надо дать на водку! — заметил тут наиб.

— Разве мало им коньяка, который они здесь выпили? — спросил Кори Ишкамба.

— Конечно, мало! — сказал наиб.— Вы ведь слышали, что на обратном пути они собираются заехать к арбабу, «чтобы закончить все расчеты». Разве непонятно, что им нужно приготовить деньги?

— Да вы, оказывается, понимаете их язык,— проговорил Кори Ишкамба.

— Конечно, понимаю! — согласился наиб.— Разве не сказано, что «волчий язык понимают волки».

— Хорошо, пусть на все эти расходы уйдет тысяча. А что с остальными семнадцатью тысячами?

Наиб увидел, что ростовщики, как злые псы, сцепились не на шутку. Он подсчитал прибыль, полученную Кори Ишкамбой и арбабом Рузи, и разделил ее пополам, установив между ними «волчий мир».

* * *

Однажды в пору созревания дынь мой товарищ по медресе, сын дехканина из Шуркуля, пригласил меня и других своих приятелей отправиться в кишлак полакомиться дынями. Один из приглашенных нашел арбу, другой — достал лошадь. Но упряжи у нас не было. Вместо подпруги и чересседельника мы пустили в ход веревку, а из старого халата скрутили что-то вроде хомута. Владелец старого халата взял на себя обязанности возницы и сел в седло. А мы все — нас было пятеро — влезли на арбу и отправились в путь.

Скоро выяснилось, что наш возница явно не умеет ладить с лошадью. Она натыкалась на ворота, на глинобитные стены, еле пробираясь с арбой по тесным, извилистым улицам Бухары. В конце концов арбакеш * все же вывез нас к городским воротам. Немножко освоившись в седле и привыкнув к лошади, пока мы ехали по городским закоулкам, наш товарищ, как только мы очутились на ровной загородной дороге, стал пра-

вить гораздо уверенней. Когда же мы выехали на дорогу к Шуркулю, миновав площадь, он стал действовать свободно и ловко, как прирожденный арбакеш. В восторге от своих «успехов», он уселся на лошади боком и, обернувшись к нам, стал забавлять нас шутками и остротами. Время от времени он хлестал лошадь камчой, заставляя ее ускорить шаг, а сам громко распевал.

Наш путь лежал между площадью Машки Сарбаз, где обучали солдат,— от нее нас отделяла широкая канава, полная воды,—и загородным эмирским садом под названием Дилкуш.

За оградой на дереве сидела девушка, вероятно, дочь садовника, и собирала сливы. Наш возница громко распевал. Девушка тоже запела, то ли просто сама по себе, то ли ее вдохновила песня нашего приятеля.

Слива, слива, сливонька.
Слива, слива, сливонька.
Уж в саду созрела слива, приходи!
Без тебя тоскливо, приходи!

Удалой возница не оставил ее песню без ответа. Сдвинув набекрень чалму, кинув узду на шею лошади, привстав в седле, он устремил взгляд на сливовое дерево, листва которого скрывала девушку, и ответил:

Как агат, черны твои глаза
Пусть не затуманит их слеза.
Почему печалишься, скажи,
Я пришел в твой сад, моя краса.

Видимо, девушке очень понравилась ответная песня; она сорвала сливу и кокетливо кинула ее в певца, но нечаянно угодила в морду лошади. Животное испуганно шарахнулось в сторону, никем не управляемая арба накренилась, левое колесо попало в канаву, потом повалилась вся арба.

У меня давно вошло в привычку быть внимательным в минуты опасности. Ехать на арбе с неопытным арбакешем было явно опасным делом, поэтому, едва колесо арбы попало в канаву, я тут же, прежде чем арба опрокинулась, прыгнул на другую сторону канавы. Мои товарищи не проявили предусмотрительности и вместе с арбой и лошадью угодили в канаву.

Лошадь лежала на боку и дрыгала всеми четырьмя

ногами, пытаясь встать, но старания были тщетными, она не могла освободиться от упряжки. От резких движений положение животного только ухудшилось — хомут, подпруга и чересседельник давили ее больше, увеличивая ее страх.

Мои спутники вылезли из воды, стащили с себя мокрую одежду и принялись ее выжимать. О спасении лошади никто не думал, да и не знал, как это сделать. Правда, товарищ наш, выпросивший лошадь у своего знакомого, сокрушался, предвидя неприятное объяснение с ее владельцем.

По дороге из города шел молодой сарбаз. Увидев, что с нами приключилась беда, он снял с себя форму и, оставив ее на обочине дороги, обратился к нам:

— Есть у кого нож?

Наш «арбакеш», надеясь полакомиться дыней, взял с собой нож и, как заправские арбакеши, повесил его в футляре за пояс.

— У меня есть нож,— сказал он.

Сарбаз спустился в канаву, обрезал веревки, заменявшие подпруги и скреплявшие концы самодельного хомута. Оглобли арбы поднялись кверху, лошадь, почувствовав себя свободной от пут, живо вскочила на ноги и выбралась из канавы. На берегу она встряхнулась, во все стороны разбрызгивая воду.

Молодой сарбаз связал концы веревки, запряг лошадь в арбу, наш возница снова забрался в седло, и мы поехали дальше. Сарбаз натянул на себя свою форму и пошел следом за нами.

— Братец, иди садись к нам! — позвал я его.

Он взглянул на меня, саркастически улыбнулся и одним прыжком вскочил на арбу. Его улыбка показалась мне насмешливой, и я смутился. «Хотел бы я знать, почему он смеется надо мной?» — подумал я и спросил;

— Куда ты, братец, направляешься?

— В селение Шанбен,— ответил юнец, снова усмехнувшись.

Усмешка показалась мне явно неуместной, и я спросил его удивленно:

— Что ты смеешься надо мной?

Молодой сарбаз ответил, широко улыбнувшись:

— Да вот вы все называете меня братцем, а ведь

по летам я вряд ли гожусь вам в младшие братцы. Вам, верно, лет двадцать пять — двадцать шесть, а мне уже сорок!

— Откуда же мне было знать, что вам сорок! — сказал я, переходя на «вы».— По внешнему виду вам семнадцать — восемнадцать.

— Не удивительно, что вы приняли меня за юношу,— сказал сарбаз примирительно.— Судьба создала меня безбородым, ростом я невелик, кость тонка, вот вы и приняли меня за юнца. Но когда вы назвали меня братцем, я вспомнил один случай из моей жизни — это было десять лет назад. Тогда меня тоже назвали братцем.

— Какой случай? Расскажите,— попросил я.

— В тридцать лет у меня сил и энергии было побольше, понятно, чем теперь. Хозяин мой хорошо знал, сколько мне лет. Однажды я потребовал деньги за работу — пять лет проработал на него! Хозяин не захотел платить и сказал заместителю казикалана: «Ну что мог наработать этот ребенок?» Я заявил наибу, что мне тридцать лет, а тут один человек из города по имени Кори Ишкамба поддержал моего хозяина и с издевкой заметил, что я еще молокосос!

Я уже говорил, что меня интересовало все, что касалось Кори Ишкамбы, поэтому, услышав из уст сарбаза его имя, насторожился. Сарбаз рассказал мне историю, уже известную читателю. Сарбаз оказался тем самым Турамурадом, которого арбаб Рузи при помощи заместителя казия засадил в тюрьму, желая принудить служить себе. Турамурад согласился вытерпеть все тяготы, все тюремные муки, перенести пытку миршаба, лишь бы не возвращаться к арбабу Рузи.

Турамураду неоткуда было достать денег, чтобы вызволить себя из тюрьмы. В конце концов служители миршаба продали его одному человеку, у которого брат бежал из армии,— тому надо было сдать кого-нибудь взамен сбежавшего. Они поделили деньги между собой, а Турамурад попал в солдаты.

— А Кори Ишкамба продолжает бывать у вашего бывшего хозяина, арбаба Рузи? — поинтересовался я.

— Нет. Плохо кончилось тогда для них дело: арбаб Рузи погиб, а Кори Ишкамба перестал появляться в

Сангсабзе и Бульмахуроне, даже из города боится выезжать с тех пор.

Оказалось, что когда арбаб Рузи в том же году, по совету Кори Ишкамбы, пустил в ход векселя и стал отнимать у дехкан землю, доведенные до отчаяния бедняки напали на его дом, убили арбаба, разграбили все, что было ценного, а усадьбу подожгли.

Тут наша арба свернула на узкую проселочную дорогу в Шуркуль. Сарбаз Турамурад спрыгнул, распрощался с нами и отправился в сторону селения Шанбен.

XVI

За базарным перекрестком, известным у бухарцев под названием Сесу — там скрещивались три улицы,— на правой стороне узкого крытого проулка стоял небольшой караван-сарай. Как-то, проходя мимо, я увидел у ворот толпу,— все стремились войти внутрь, но здоровенный смотритель никого не пропускал. Опершись спиной о косяк ворот, он преграждал вход своей толстой дубиной.

Через открытые ворота хорошо был виден двор, там толпились люди миршаба и кушбеги, сновали служители казикалана и чиновники градоначальника Бухары. Все они оживленно переговаривались между собой. Среди них метался Кори Ишкамба. Его большая чалма спустилась на затылок, он раскачивался из стороны в сторону, как плакальщица, рвал на себе бороду, царапал ногтями лицо, крича:

— Пропал я! Беда пришла, погиб я!

По щекам Кори Ишкамбы текли струйки крови. Рыданья перехватывали ему горло, и он начинал завывать, как пес, застрявший под оградой чужого сада и избиваемый при этом садовником.

Оказалось, что прошедшей ночью воры разобрали крышу над худжрой Кори Ишкамбы, которую он снимал в этом караван-сарае, и взломали сундук с деньгами.

Люди миршаба обнаружили следы трех лиц, следы шли от склада «Кавказ», вниз по ступенькам, через перекрытие коридорчика, выходящего в проулок, к крыше этого небольшого караван-сарая, прямо к тому месту, под которым находилась худжра Кори Ишкамбы. Обратно

следы вели тем же путем к складу «Кавказ» — к лестнице на второй этаж, к всегда запертой двери, ключ от которой хранился у сторожа склада.

Следы эти дали людям миршаба основание заключить, что смотритель знает кое-что об этом деле. Предположили даже, что он сам возглавил шайку, совершившую кражу. Это предположение подтверждалось сообщением Кори Ишкамбы.

— Ни один человек, кроме сторожа склада «Кавказ», не знал, что я прячу деньги в этой худжре и в этом сундуке! Вчера, когда я клал в сундук эту сумму — а она для меня все равно что жизнь и даже дороже самой жизни,— со мной был как раз этот смотритель! Мы с ним вместе принесли сюда деньги.

На основании этих доводов Кори Ишкамба определил вора, с рыданиями пришел он к кушбеги и главному казию, доложил о случившемся, взял с собой их помощника и чиновника по особым поручениям и поспешил в склад «Кавказ», чтобы арестовать сторожа.

Тот встретил представителей власти без всякого смущения и, не проявляя никакого беспокойства, сказал, иронически улыбаясь:

— Я готов идти к правителям и доказать, что этот кровопийца-ростовщик зло клевещет на меня. Только я не могу отлучиться без разрешения управляющего, не могу оставить склад с товарами — товарищество «Кавказ и Меркурий» поручило мне охранять его, я за него отвечаю.

После такого объяснения он повел всех к управляющему конторой. Управляющий сказал людям миршаба следующее:

— Во-первых, я уверен, что мой сторож — человек честный! Ему поручен целый склад, набитый товарами. Он служит у нас уже несколько лет, и за это время ничего не пропадало. Во-вторых, мой сторож подданный Российского государства, у него царский паспорт, и вы не имеете права тащить его к бухарским судьям. Ступайте к господам главному министру и к казикалану и разъясните эту деталь.

Сторож склада «Кавказ» был коренным бухарцем, но в тот день выяснилось, что он, подобно некоторым другим жителям Бухары, перешел в русское подданство. А так как бухарское правительство не имело пра-

ва привлекать к ответственности и судить по шариату русских подданных, Кори Ишкамба так ничего и не добился.

После этого происшествия Кори Ишкамба долго ходил по улицам, как потерянный. Каждому встречному он рассказывал о своем несчастье, проклиная сторожа склада, управляющего конторой товарищества, казикалана, главного министра, находящихся на их службе людей, и под конец осыпал проклятиями себя за то, что доверил сторожу свои тайны.

С той поры Кори Ишкамба пришел к непоколебимому убеждению, что все люди только и мечтают присвоить чужое и «на всем белом свете не осталось человека, который не попытается попользоваться чужим добром и не завидует чужому богатству»...

* * *

Не успела зажить и зарубцеваться рана, нанесенная Кори Ишкамбе сторожем склада «Кавказ», как он получил второй удар в сердце,— еще более жестокий! На этот раз удар нанес ему казначей-мирза, ведавший денежными делами одного бая. Перенести удар оказалось тем труднее, что нанесен он был с помощью вексельной системы, самой верной и надежной, по убеждению Кори Ишкамбы! Ведь до сих пор она безотказно служила ему: прекрасно сдирала шкуру с неграмотных должников.

У одного из миллионеров Бухары был управляющий по имени Мирза Абдулла, имевший доверенность от своего хозяина на ведение всех дел. Однажды, в самый разгар сезона скупки каракуля, Мирза Абдулла попросил у Кори Ишкамбы от имени своего хозяина в долг сто тысяч бухарских тенег (пятнадцать тысяч русских рублей). Он обещал выдать вексель сроком на два месяца и платить проценты по две тысячи в месяц.

Услышав это предложение, Кори Ишкамба пришел в восторг. В чрезвычайном волнении он тут же поспешил в банк за деньгами. Кори бежал, не видя идущих навстречу людей, ни с кем не здороваясь и даже не замечая, что знакомые торговцы в это время завтракали (а ведь завтрак он никогда не пропускал!). От волнения у него в глазах потемнело, он никого и ничего не

замечал. Налетая на прохожих, расталкивая их плечами и локтями, он спотыкался, не слыша брани и проклятий. Да и что ему было до их проклятий — весь охваченный единственным стремлением как можно скорее добраться до банка, взять деньги и закончить выгодную сделку,— ведь прибыль, которую он извлечет за два месяца, будет равна той, которую получает в банке за целый год!

Взяв деньги, Кори Ишкамба с такой же поспешностью вернулся к Мирзе Абдулле, выложил всю сумму ему на столики, заикаясь от волнения, проговорил:

— Э, э, вот де-де-деньги, счи-тай-айте, да-да-вайте ве-век-ксель!

Мирза Абдулла сосчитал деньги и сказал:

— Денег недостает — здесь всего девяносто шесть тысяч!

— Ну и что! Девяносто шесть тысяч да четыре тысячи процентов за два месяца как раз и составят сто тысяч. Давайте на сто тысяч срочный вексель на два месяца, и все!

— Не-ет! — протянул Мирза Абдулла.— Вы делайте такие штуки с неграмотными дехканами. Меня вам обмануть не удастся!

— Где же тут обман? — спросил Кори, притворяясь простачком.

— Я предложил вам две тысячи тенег процентов в месяц не за девяносто шесть тысяч, а за сто тысяч! — сказал Мирза Абдулла и, открыв свой сундук, вынул оттуда вексель на сто четыре тысячи тенег.— Вот я приготовил и вексель соответственно моим условиям, а вы хотите за девяносто шесть тысяч взять по две тысячи в месяц! Такой номер со мной не пройдет! Хотите заключить сделку — несите еще четыре тысячи тенег и получайте вексель. А пока забирайте ваши деньги и не отрывайте меня от дела!

Услышав это, Кори Ишкамба еще быстрее помчался обратно в банк и вскоре вернулся еще с четырьмя тысячами тенег и сказал:

— Берите и эту сумму, давайте ваш вексель!

— Что за деньги? Какой вексель? Я вас не понимаю!

— Не шутите! — сказал Кори Ишкамба.— Сейчас не время для шуток. Берите деньги, давайте вексель! Я

так бежал, что у меня чуть сердце не разорвалось! Да прикажите подать чайник чая, чтобы выпить пиалку и перевести дух.

— У меня много дел, некогда мне заказывать и распивать чай! Приходите как-нибудь, когда у меня будет работы поменьше, я угощу вас чаем с сахаром. А сейчас уходите, чтобы я не спутал своих расчетов.

— Так дайте мне вексель, и я пойду!

— Какой вексель? Заберите свои четыре тысячи, они мне не нужны. Ни денег я у вас не возьму, ни векселя вам не дам!

— Так верните же мне мои девяносто шесть тысяч — я же только что дал вам!

— Не валяйте дурака, дядюшка Кори! У меня нет времени, уходите, я должен работать!

— Я понимаю — вы шутите! Но хоть это и шутка, а у меня сердце готово разорваться. Давайте скорее деньги или вексель.

— Вы что, с ума сошли, Кори! Сейчас же уходите отсюда! — закричал Мирза, встав с места и подтолкнув Кори Ишкамбу к двери.— Сумасшедшим место в доме ишана Убани *, а не в торговой конторе!

— Пропал я! — завопил Кори Ишкамба и зарыдал, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

Мирза позвал слуг и приказал им вывести «безумца». Слуги пробовали его вытолкать, но он упирался. Стали тащить — бросился на землю.

— Как я уйду, если моя душа осталась здесь! Разве может идти тело без души! — кричал он.

Это окончательно убедило слуг в том, что он действительно сумасшедший. Они схватили его за руки, за ноги и выволокли, как покойника, не только из помещения, но и за ворота и наказали привратнику не впускать его впредь во двор.

Будто пес, которого хозяин выгнал из дома, Кори Ишкамба не отходил от дверей. Со стонами и воплями пытался он ворваться во двор, но привратник «с львиной хваткой» выбрасывал его прочь, как жалкого котенка.

Убедившись наконец, что он не сможет попасть в контору, Кори Ишкамба сорвал с головы чалму и повесил ее на шею, как это делают люди, дошедшие до предела отчаяния.

— Что за бесправие! О-о! Горе нам, горе, пропала мусульманская вера, нет ее больше! — Он с воплями побежал к Арку, где находились высшие правительственные учреждения и дворец эмира.

Всякий, кто теперь его видел, уже не сомневался, что ростовщик сошел с ума.

Эмира в то время во дворце не было, он находился в России. В Арке вместо него оставались казикалан и кушбеги, сообща управлявшие государством.

Кори Ишкамба побежал прямо к ним, кинулся на землю, с плачем рассказал, что произошло, и просил их отнять деньги у бессовестного Мирзы Абдуллы.

— У меня нет детей, нет никаких наследников, кроме двух жен. Они, если переживут меня, получат только четвертую часть моего состояния, все остальное попадет в казну. Но если вы сочтете нужным, то я и женам дам развод, тогда все мое имущество наследует казна! Подумайте об этом, блюстители благородного шариата, заместители их величества эмира, считайте мои деньги деньгами его величества, только взыщите их с этого безбожника, верните их мне до моей смерти, век буду за вас бога молить!

Но правители только посмеялись над Кори Ишкамбой. Хозяин Абдуллы занимал куда более высокое положение, чем Кори Ишкамба, поэтому они не приняли никаких мер.

— Ваш иск — это не обычный иск... мы не вправе разобрать его,— объяснили они ему.— У вас, богачей, есть особый старшина, есть еще разные чины. Все ваши взаимоотношения оформляются теперь векселями. Зачем же нам причинять неприятности уважаемому человеку, возбуждать дело против его служащего, без ведома старшины купцов. Вы даже и документа никакого не можете предъявить!

Кори Ишкамба кричал и метался, как буйно помешанный, отказывался уйти из Арка, и в конце концов начальник дворцовой стражи приказал вышвырнуть его на улицу.

На обратном пути Кори Ишкамба каждому встречному — знакомому или вовсе не знакомому — рассказывал о своем горе и горестно спрашивал, что делать.

— Ладно уж, дядюшка Кори, не стоит так убиваться! Деньги вам все равно грязным путем доставались,

а грязная вода, как говорится, стекает в канаву! Попали ваши деньги, куда им следовало попасть!

Подобного рода «утешения» делали муки Кори Ишкамбы еще нестерпимее, и он с бранью обрушивался на своего «утешителя», кричал, вопил при этом так, будто ему лили соленую воду на обожженное место. Потом он искал другого слушателя, но сочувствия не встречал ни у кого. Люди только смеялись над ним.

В те дни я и встретил Кори Ишкамбу. Преградив мне дорогу, он принялся рассказывать о своем горе, стал просить у меня совета. Я, конечно, знал его историю от других, но сделал вид, что слышу впервые. Выразив ему сочувствие, я заметил:

— Ну что можем посоветовать вам в таком «трудном деле» и в такой «тяжелый час» мы, маленькие люди? Идите к правителям города, спросите совета у них.

— Эх, пусть будут прокляты правители города, пусть сгорят их дома, пусть умрут их дети — они даже выслушать меня не захотели! — ответил он и долго еще сыпал ругательства и проклятия в адрес отцов города.

Проклятия его невольно напомнили мне случай с одной сумасшедшей старухой.

В Бухаре, в квартале Гаукушан, неподалеку от мечети Ходжа, на берегу главного городского канала всегда сидели нищие и бродяги. Среди них находилась сумасшедшая по имени Биби-Десятник.

Уличные мальчишки дразнили несчастную старуху: засыпали ее пылью, стаскивали с нее дырявые кожаные калоши или рваную паранджу, срывали с головы покрывало и бросали в воду, словом, всячески задирали ее.

Биби-Десятник тоже «вступала в сражение», швыряла в мальчишек камнями, осыпала их бранью и проклятиями.

Однажды я сидел на солнышке у моста Пушайман перед мечетью Ходжа и наблюдал, как ребята носились вокруг Биби-Десятник. Она металась среди них простоволосая и босая. Стоило ей отогнать одних озорников, как сзади подбегали другие и дергали за платье, да с такой силой, что она падала на спину. Не успевала она подняться и повернуться в их сторону, как ее дергали с другой стороны, и она снова падала на землю...

Наконец обессиленная Биби-Десятник с полным по-

долом камней села на землю, привалившись спиной к стене мечети, она проклинала ребят и бросала камни в тех, которые пытались подойти к ней поближе.

В это время с запада со стороны квартала Пачакуль-хаджи появилось несколько крупных бухарских баев и почтенных мулл.

Судя по одежде, они, видимо, возвращались с пиршества. Поверх нижних халатов из цветастого сатина на них были надеты парадные, отороченные широкой тесьмой халаты из лучших каршинских и гиссарских шелков. На головах белели чалмы из тонкой кисеи, намотанной на золототканые и парчовые высокие кулахи, обуты знатные горожане были в лакированные сапожки и такие же калоши.

Вероятно, желая показать народу свою пышную одежду и с лица и с изнанки, они шли, откинув полы, давая прохожим возможность любоваться шелковой оторочкой халата.

Они выступали важно, степенно, беседуя друг с другом и ковыряя в зубах золотыми и серебряными зубочистками.

Биби-Десятник, доведенная ребятишками до отчаяния, решила принести жалобы представшим ее глазам «великим мира сего».

— Да стану я за вас жертвой, почтенные,— закричала она.— Да падут на меня несчастья ваших детей, почтенные! Дожить вам до свадьбы своих детей, почтенные! Всю жизнь носить вам такие чалмы и халаты, почтенные! Пусть в добрый час тратятся ваши деньги, почтенные! Избавьте меня от этих негодников, почтенные!

Выслушать мольбу безумного человека, к тому же женщины, даже взглянуть в ее сторону они считали несовместимым со своим достоинством, с величественной поступью и пышной одеждой. Делая вид, что не слышат криков Биби-Десятник, они продолжали свой путь с невозмутимой важностью.

А Биби-Десятник, поняв, что напрасно взывает к ним, позабыв про ребятишек, весь свой гнев обратила на них и стала осыпать проклятиями и бранью:

— ...Дай бог, чтобы халаты ваши унес обмыватель покойников. Пусть ваши деньги растащат воры и грабители, почтенные!

Богачи, притворившиеся глухими, когда Биби-Десятник благословляла их, теперь не могли делать вида, что их ушей не достигают проклятия и брань: ведь на всю улицу ругалась безумная старуха!

Но что они могли поделать? Все, что им оставалось,— это позабыв о своем степенном, важном виде, подобрать полы халатов и пуститься наутек, подобно мальчишкам. Так они и сделали; поспешили как можно быстрее убраться отсюда, чтобы поменьше людей узнало, как Биби-Десятник «втоптала в грязь и их одежду, и их достоинство».

Но сумасшедшая так разошлась, что в течение нескольких дней не переставала клясть и ругать их. Даже когда ее изводили мальчишки, она ругала не их, а «почтенных» граждан. А те до самой смерти нищей избегали показываться на тех улицах, где можно было ее встретить.

Так и Қори Ишкамба, обратившись к правителям города и не найдя у них помощи, стал везде поносить и ругать их, подобно той безумной Биби-Десятник.

После этого случая Қори Ишкамба окончательно сдал; пал духом, сильно изменился и внешне — он стал худеть день ото дня и отощал наконец так, что кожа болталась на костях, как пустой мешок.

XVII

Только через два-три месяца после случая с Мирзой Абдуллой разум постепенно стал возвращаться к Қори Ишкамбе. Теперь, рассказывая кому-нибудь о своем несчастии и по привычке посылая проклятия на голову Мирзы Абдуллы и правителей города, он говорил под конец:

— Ну, что было, то прошло! Все в мире проходит, ко всему привыкаешь!

Признаков помрачения рассудка как будто больше не замечалось, казалось, он выздоровел, но прежней полноты жизни навсегда лишился. Тело ростовщика походило теперь на опустошенный от нечистот желудок с множеством трещин. Щеки и лоб его изрезали глубокие морщины, цвет лица стал беловато-серым, как требушина зарезанного животного.

Началась первая мировая война. Дела у Қори Иш-

камбы, как и у других купцов и ростовщиков, пошли вверх. Появились спекулянты, нажившие огромные деньги на перепродаже товара при нараставших с каждым днем ценах. Спекулянтам этим требовался все больший капитал, и они стучались в двери ростовщиков, брали у них ссуды под баснословные проценты, чтобы скупать ходовые и редкие товары. Кори Ишкамбе удалось завязать отношения с преуспевающими спекулянтами, и в его карманы потекли деньги, а от угощений у своих богатых должников брюхо его так плотно набивалось жирными блюдами, что чуть не лопалось.

Ко второму году войны кожа снова натянулась на залитом жиром теле Кори Ишкамбы. У него отвис второй подбородок, а живот вырос больше прежнего. Капитал его перевалил за два миллиона — доходы от денег, отданных в рост, множились, как мухи на падали, производя ему бесчисленных «потомков».

И все же, несмотря на радующие его сердце доходы, Кори Ишкамба не забывал Мирзу Абдуллу, и каждый раз перед едой,— а еда перепадала ему теперь по нескольку раз в день,— он поминал своего обидчика проклятиями и страшной бранью.

На третьем году войны, в 1916 году, трудовой народ был совсем разорен, люди мечтали о куске черствого хлеба, который мог бы составить, по распространенному среди мусульман выражению, их куты-лайамут *. Спекулянты же нажились так, что уж и не знали, на какие еще товары могли бы они потратить свои капиталы. А для купцов, ведущих торговлю с Москвой, даже золото и бриллианты не имели цены. Они не нуждались в деньгах ростовщиков. Поэтому у Кори Ишкамбы на третий год войны дела заметно ухудшились. Ему пришлось все свои деньги вложить в банк и довольствоваться теми небольшими процентами, которые это давало.

Правда, с крупной суммы, которая превышала два миллиона рублей, он даже по банковскому расчету получал немало, но это не могло удовлетворять его страсть к наживе. Чем богаче, тем алчнее он становился.

Он жаждал, как и в предыдущие годы, получать с крупных ссуд по двадцать пять — тридцать процентов,

Но осуществить эту мечту ему не удавалось, и он с сожалением твердил: «Увы, те дни унесла вода! Тот кубок разбился, и влага пролилась!»

В довершение всего и с едой стало хуже. Богачи, не нуждаясь больше в его деньгах, не подпускали его к своей скатерти, а в банке, где он имел текущий счет, его угощали один раз — в десять утра — сладким чаем, и только. Поэтому он поневоле довольствовался пловом, которым, согласно условию, его ежедневно кормили снимавшие у него худжры, да угощениями на свадьбах, если ему удавалось на них попасть, или горячими поминальными блинами на мазарах. Начиная с 1916 года Кори Ишкамба опять начал худеть.

Как-то раз я встретился с ним и спросил, почему он похудел. Кори Ишкамба начал рассказывать:

— Раньше по нескольку раз на день я ел кази, плов, манту, персидский плов, пельмени, жареных кур, жаркое из молодого барашка, баклажаны. Теперь из тех домов, где меня угощали всем этим, ушла благодать, хотя их хозяева и стали еще богаче. Уже давно я не смачивал губ своих в этих домах. А ведь сказано: «И коровы и бараны жиреют от корма!» Как же мне не тощать, когда не находится еды, соответствующей моему аппетиту! — Немного помолчав, он добавил с признательностью: — Дай бог всего хорошего банку! Как только прихожу туда к утреннему чаю, тотчас передо мной ставят стакан и сахарницу, полную сахара. Я кладу, сколько влезет, доливаю потом стакан горячим чаем и напиваюсь всласть. Управляющий не выражает неудовольствия, если я выпью сразу три стакана! Он только радуется этому!

— Но ведь теперь денег у вас много,— сказал я дядюшке Кори,— и вы состарились! Не унесете же вы свои деньги в могилу! Почему бы вам не готовить для себя каждый вечер то кушанье, которое захочется, почему не поесть в свое удовольствие?

В ответ он прочел стихотворение, которое сочинил о ростовщиках один из поэтов того времени:

Ростовщику вовек не понять —
Как можно корку нищему подать?
Немыслимо — как сталь разбить стеклом
Или как зубы о кисель сломать.

* * *

К концу того же 1916 года еще одно обстоятельство стало подрывать силы и здоровье Кори Ишкамбы — это «неуместные», как он говорил, проказы бухарских шутников.

Если они узнавали, например, что Кори Ишкамба положил свои деньги в «Соединенный банк», один из них, подойдя к нему, шептал по секрету:

— Вы слышали, дядюшка Кори, про «Соединенный банк»? Плохи у них дела! Говорят, крупный капитал этого банка попал в руки неприятельских солдат. Не сегодня-завтра владельцы объявят себя банкротами. Будьте осторожны!

Услышав такую новость, Кори Ишкамба бежал в «Соединенный банк», сейчас же забирал оттуда свои деньги и переводил их в «Русско-Китайский (Азиатский) банк».

Конечно, это не оставалось тайной для шутников. Кто-нибудь другой снова подходил к Кори Ишкамбе и повторял о «Русско-Китайском банке» то, что его товарищ вчера говорил о «Соединенном».

Кори Ишкамба так же поспешно переводил деньги в третий банк. Благожелатели советовали ему вложить свои капиталы в Государственный банк; уж он-то будет стоять прочно, как сама Российская империя. Но в Государственном банке проценты были меньше, чем в частных, а Кори Ишкамба не мог пойти на убытки.

Но в конце концов частным банкам так надоели эти «операции» Кори Ишкамбы, что они отказались принимать от него деньги, и он вынужден был вложить весь свой капитал в Государственный банк.

Однако прошло немного времени, и до Кори Ишкамбы стали доходить слухи, что и Государственный банк накануне краха. Каждый раз, когда в газетах появлялось сообщение о поражении царских войск на фронте, шутники и озорники передавали их Кори Ишкамбе, преувеличивая опасность, грозящую банку, и советуя остерегаться и беречь деньги: ведь очень может статься, что Государственный банк лопнет, и тогда — прощай капиталы, «собранные потом и кровью».

Но как мог ростовщик уберечь свои деньги? Если даже банку грозит крах — что он в состоянии предпри-

нять? Из страха перед ворами и грабителями Кори Ишкамба не мог хранить деньги дома или в худжре какого-нибудь караван-сарая. Где было их держать, как не в банке?

Наконец Кори Ишкамба начал понимать, что над ним попросту смеются. Он начал расспрашивать, что пишут в газетах, хотя раньше, как правоверный мусульманин, избегал даже приближаться к тому месту, где их читают. Он недоверчиво слушал тех, кто передавал ему газетные сообщения, и стал просить грамотных людей читать ему вслух, чтобы слышать известия собственными ушами.

Постепенно в газетах стало появляться все больше сообщений, свидетельствовавших о близком крахе. И без шуток озорников они приводили ростовщика в ужас. Он поделился своими страхами с управляющим Государственным банком.

— Если, не дай бог, царь потерпит крах, что тогда мы с вами будем делать? — спросил Кори управляющего.

— Власть царя тверже камня, прочнее гранитной скалы! — утешил тот ростовщика.— Ведь управляют этим государством министры его превосходительства — умнейшие люди мира, поэтому, слава богу, никакой беды не случится. В тюркских и татарских газетах пишут враги государя императора, они распространяют всякие слухи и ложные сообщения. Верные вести можно найти только в русских газетах! — Немного помолчав, он добавил: — Да и не каждой русской газете можно верить. И среди русских газетчиков немало заклятых врагов священной особы государя императора. Не верьте слухам и сообщениям разных газет. Приходите прямо ко мне, я каждый день буду читать вам самые солидные русские газеты, и вы будете получать самые верные сообщения.

После этой беседы Кори Ишкамба стал являться в банк еще до утреннего чаепития. Он шел в кабинет управляющего, и тот громко читал ему вслух первую попавшуюся газету. Но вместо того чтобы переводить прочитанное, он сам сочинял что-нибудь такое, что могло бы понравиться Кори Ишкамбе. Услышав такие «новости», тот говорил:

— Даст бог, никакой беды не случится с государст-

вом великого императора, защитником и опорой этого банка, а следовательно, и моим покровителем... Пусть ослепнут враги его величества, пусть отвалятся у них языки, несущие всякие небылицы! — И он шел от управляющего в буфет банка, накладывал в стакан побольше сахару и, заливая его горячим чаем, пил медленно, смакуя. Насладившись чаем, ростовщик выходил на улицу и, заметив около какой-нибудь лавки читающих газету, подходил, узнавал, что в них сообщалось, и потом уверенно опровергал, рассказывая с сильными преувеличениями услышанное от управляющего банком. Однако ему всякий раз, чтобы пугнуть его, возражали:

— Ничего удивительного, если скоро произойдет революция. Люди перестанут тогда исполнять приказы царя и его министров. Поднимут голову бедняки и пойдут грабить богачей. Вам тогда не позавидуешь!

Хотя Кори Ишкамба очень боялся слова «революция», которая в его представлении состояла в одном — в разгроме домов богачей, все же старался сохранить спокойствие.

— Что ж, пускай хоть революция! Что мне до нее? Чего мне бояться? Кто станет грабить мой дом — у меня же там ничего нет!

* * *

Свершилась Февральская революция 1917 года. Русский царь был свергнут. Случилось то, чего так боялся Кори Ишкамба. Его молитвы за «великого императора» не принесли царю ни малейшей пользы. Что царь свергнут, этого теперь не отрицал и сам управляющий банком, однако он все еще успокаивал Кори Ишкамбу.

— Это ничего, что великий император больше не у дел. Все равно во главе государства стоят близкие к нашим банкам люди — крупные торговцы и землевладельцы. Разве они допустят, чтобы пропали деньги наших доброжелателей, таких, как вы? Возможно еще, что вместо государя императора на трон возведут его дядю, великого князя.

Но Кори Ишкамба уже не находил утешения в этих речах — он слышал об ужасных для него событиях, происходивших после свержения царя. До него дошли

слухи, что в России подняли голову мужики, что они громят поместья, захватывают землю, жгут дома. Ростовщик боялся, что беспорядки начнутся и в городах, что голодранцы захватят царские банки в Москве и Петербурге, а тогда и Государственный банк в Бухаре лопнет, и пропадут его деньги. Деньги, которые ему дороже жизни!

От этих страшных мыслей ростовщик готов был рыдать. Он плакал и причитал:

— Ох, пришла на мою голову беда! Случилось то, чего я так боялся! Настал мне конец, погиб я!

Сколько ни раздумывал Кори Ишкамба — найти средство спастись от «небесной кары» он не мог, и ничего другого не оставалось ему, как горевать, сожалеть, худеть, «питаясь за счет своего брюха».

Да и что он мог сделать! Не мог же забрать все свои деньги и спрятать их дома или где-нибудь в худжре,— он боялся воров. Вручить свои капиталы эмиру? Так он захватит их и не отдаст! Дать бы кому-нибудь в долг? Да ведь ни один бай не берет! Что же делать?! И Кори Ишкамба решился оставить их в Государственном банке, думая: «Пока не опустится топор, колода отдыхает».

В эти дни Кори Ишкамба стал реже появляться на улице. А когда выходил, старался пробраться переулками и закоулками, чтобы не встретиться с каким-нибудь разносчиком дурных вестей. Он ходил только в банк пить чай, к живущим в его худжрах есть плов да на похороны, чтоб получить кусок материи — йиртиш. Базары и торговые ряды он обходил стороной...

XVIII

Осенью 1917 года Кори Ишкамба услыхал, что к власти пришел некто по имени Большевик. И этот Большевик стал теперь правителем Русского государства. Никогда раньше Кори Ишкамба не слыхивал такого имени. Управляющий банком говорил ему, что царем может стать какой-то князь. Но имя князя, которое он запамятовал, что-то не так звучало, как это чудное Большевик. «Может, это второе имя того же князя? — спрашивал себя Кори Ишкамба.—Во всяком слу-

чае, надо выяснить, надо разузнать — кто такой Большевик».

Для разрешения своего недоумения Кори Ишкамба отправился прямо в банк к управляющему.

В тот самый момент, когда Кори Ишкамба подошел к зданию банка, служащие, погрузив на брички сундуки и мешки с деньгами, отъезжали в Каган. Из служащих банка в Бухаре остался один лишь переводчик. Он вышел из ворот последним и направился к себе домой.

Переводчик был из числа бухарских шутников, пугавших Кори Ишкамбу всякими выдумками, поэтому Кори Ишкамба сначала решил не обращаться к нему, боялся лишний раз услышать дурную весть и расстроиться. Однако, немного поразмыслив и вспомнив поговорку, гласившую, что «не услышав дурного, не увидишь хорошего», сказал себе: «Будь что будет! Спрошу-ка я его: он, конечно, не преминет сообщить мне плохое, да, может, потом дождусь хорошего!»

— Говорят, что к власти в России пришел Большевик. Верно ли это? — спросил он у переводчика.

— Верно! — ответил переводчик.

Ответ даже обрадовал Кори Ишкамбу.

— Разве Большевик не тот «вел», или «век», или «велка кназ», приход к власти которого предполагал управляющий банком?

— Вы, наверное, имеете в виду «Великого князя», о котором и нам он все твердил?

— Да, да, именно «Велкий кназ», «Велкий кназ» — не забыть бы мне это священнейшее имя. «Велкий кназ»... — Кори Ишкамба несколько раз повторил это имя.

— Не-ет,— протянул переводчик.— Большевик — это одно, а великий князь — совсем другое! Большевик всех князей за ногу да в небо!

Кори Ишкамба вздрогнул и сказал испуганно:

— Отложите-ка в сторону свои шутки, скажите правду: хуже или лучше этот Большевик революции, которая вот уже несколько месяцев бесчинствует и сбросила с трона такого прекрасного царя, как Николай? Сжалится ли этот Большевик над теми, кто не ел и не одевался как следует и всеми правдами и неправдами кое-как скопил пять — шесть тенег?

Немного подумав, переводчик ответил:

— Революция, о которой вы до сих пор слышали и перед которой дрожали, как осел перед львом, была первым шагом большевиков. Большевики не позволят ростовщикам вроде вас класть в банк миллионы, добытые из крови и пота трудового народа, не позволят спокойно сидеть и, почесывая живот, получать стотысячные доходы, когда труженик умирает голодной смертью. Поэтому не думаю, чтобы они пощадили вас.

Услышав такие слова, Қори Ишкамба побледнел, задрожал всем телом, ему пришлось опереться о стену. Все же, успокаивая самого себя, он сказал:

— Ну, хорошо, но ваш банк, в котором я храню свои деньги, еще цел, а ведь говорится: «Пока корень достает до воды, можно надеяться на плоды». Зачем же мне приходить в отчаяние, дрожать от страха, зачем умирать по сто раз на день и ежечасно испытывать смертельные муки?

— В том-то и дело, что корень уже не в воде! — возразил переводчик так уверенно, что у Қори Ишкамбы чуть не разорвалось сердце.— В Петрограде, в Москве и в других больших городах большевики захватили банки, захватили фабрики и заводы, пароходы, железные дороги с вагонами и паровозами! Они обнародовали декрет о том, что «все земли крупных землевладельцев со всеми орудиями производства принадлежат беднейшим крестьянам и трудящимся». Как же при таком положении надеяться на плоды? Корень не в воде, а в огне! Он уже сгорел и превратился в пепел... «Дом разрушается с основания!» А вы радуетесь: крыша цела!..

Қори Ишкамба подумал, что переводчик плетет очередную интригу, хочет своими «неуместными шутками» вагнать его в могилу. Как можно поверить, что один человек, какой-то Большевик, сказал: «Это мое»,— и захватил себе все богатство, собственность на которое признают и защищают и законы шариата, и законы государя императора! Не может того быть, чтобы никто ему не препятствовал, никто не возражал!

Рассудив таким образом, Қори Ишкамба закричал на переводчика:

— Убирайся! Прочь с моих глаз, бессовестный интриган! Болтун, чтоб язык у тебя отсох! Увидишь, что

я с тобой сделаю завтра,— передам твои слова управляющему, и он выгонит тебя со службы. Не человек я буду, если не сделаю этого!

Переводчик расхохотался и бросил ростовщику сквозь смех:

— Да вы никогда человеком и не были! — и тут же отошел от него.

Этот смех несколько ободрил Кори Ишкамбу, на душе у него стало легче, но тут же, вспомнив страшные слова переводчика, подумал: «Что будет со мною, если тот сказал правду?» Ужас объял его, он застыл без чувств и без движений. Несколько минут простоял он так, опершись о стенку, а потом, подумав, решил: «Что пользы торчать тут! Банк закрыт, управляющий уехал в Каган, все равно не у кого узнать правду!»

С такими мыслями он волей-неволей побрел домой.

Несмотря на то, что в этот день Кори Ишкамба пал духом, весь ослаб и по привычке, появившейся у него в последнее время, шел безлюдными улочками, шагал он быстро: боялся встретить какого-нибудь интригана и услышать от него страшную весть, от которой у него разорвется сердце. Он боялся умереть раньше времени и разлучиться со своим капиталом. Кори Ишкамба не боялся смерти, и он бы с радостью принял ее, если бы его деньги похоронили вместе с ним. Его страшила разлука с деньгами. Каждый раз, подумав о такой «страшной» смерти, Кори Ишкамба вспоминал бейт поэта Бедиля * о возлюбленной. Ростовщик, обращаясь к своим деньгам, которые для него были милее всякой милой, напевал:

Умирая, не опечалюсь, что расстаюсь с жизнью,
Жаль только, что подол твоего платья выскользнет из моих рук.

Весь смысл жизни заключался для Кори Ишкамбы в деньгах. И жизнь сама, и наслаждения, которые она дарует, в разлуке с деньгами в его глазах ничего не стоили.

* * *

Домой Кори Ишкамба вернулся в полном унынии и рано улегся в постель. Но сон не шел к нему. Он ворочался с боку на бок, извиваясь, как змея, которой размозжили голову. Старался успокоиться, но не мог,

Так и не сомкнув глаз, он поднялся еще задолго до рассвета. Совершив обычное ритуальное омовение, он взял с полочки в нише Коран, который не держал в руках с того дня, когда его жены устраивали в последний раз поминки по своим родителям. Он искал утешение в Коране и с мольбой просил у всемилостивого творца вернуть великого императора к престолу...

Как только за час до восхода солнца раздался призыв муэдзина к утренней молитве, он вышел из дому и направился к мечети Магок, совершил намаз, но не остался, против своего обыкновения, с теми, кто после молитвы слушал «Месневи» Мавляна Руми, а, торопливо выйдя из мечети, поспешил к зданию Государственного банка, находившемуся в новом пассаже Бухары.

Усевшись там на мраморной плите у входа в банк, Кори Ишкамба стал ждать прибытия управляющего из Кагана. Ему не терпелось получить от него «достоверные и радостные вести», добиться увольнения неблагодарного интригана-переводчика, так открыто высказавшего свою вражду к великому императору...

Было восемь часов, а управляющий из Кагана почему-то все не приезжал... Пробило девять, о нем попрежнему не было ни слуху, ни духу. Не появлялись и другие служащие... Сердце Кори Ишкамбы сжималось. Ему казалось, что вот-вот разорвется у него грудь и сердце выскочит наружу.

Десять часов... одиннадцать..., а из Кагана все никого.

«Интриган-переводчик пришел бы, что ли, хоть от него только дурное и слышишь! Пускай врет, обманывает меня из озорства — все равно скажет что-нибудь. Узнаю, что меня ждет! Чем медленно сгорать, как мелкая тлеющая солома, уж лучше вспыхнуть пламенем, сразу сгореть!!!» Но и тот не шел...

Сердце Кори Ишкамбы то замирало, будто совсем останавливалось, то сбивалось с ритма, то начинало стучать так сильно, что он сам слышал его удары...

И дышать стало труднее, иногда горло перехватывало, и он не мог вздохнуть, его бросало в жар, он еле стоял на ногах. Думая, что станет легче, Кори Ишкамба попробовал встать, но голова закружилась, в глазах потемнело, он пошатнулся и чуть не упал... Присло-

нившись к стене, он два раза с усилием вздохнул. Стало немного легче.

Несколько придя в себя, отдышавшись, он вытащил из-за пазухи часы и, открыв крышку, увидел, что стрелки приближаются к двенадцати. Он не поверил или не хотел верить, что уже так поздно. «Наверно, мои часы спешат»,— подумал он, успокаивая сам себя. Желая увериться в этом, спросил у прохожего:

— Сколько времени?

Тот, не останавливаясь, только замедлив шаг, вынул из внутреннего кармана часы и подтвердил:

— Двенадцать!

Кори Ишкамба понял, что его часы не только не спешат, но даже отстают немного, и впал в отчаяние, но тут же у него мелькнула слабая надежда, и он подумал: «А может, управляющий банком заболел, или его лошадь сломала ногу, или же что-нибудь случилось с его фаэтоном и сегодня он не смог приехать в город, а может, просто задерживается...».

«Хорошо,— подумал Кори Ишкамба,— уже двенадцать часов, но не видать ни управляющего банком, ни его сотрудников. Уже время полуденной молитвы и отпевания покойников в молельне Диванбеги. Что толку стоять здесь?

От этого одни убытки — не попаду на похороны и останусь без йиртиша, который смогу получить там. Глупо потерять и то и другое. Хватит и того, что я лишил себя плова у одного из моих жильцов, прождав тут все утро...» Решив так, Кори Ишкамба направился по цементированной дорожке мимо банка в сторону Лабихауза Диванбеги. Однако, пройдя два-три шага, остановился и подумал: «Лучше я спущусь через мануфактурные ряды — оттуда можно издали заметить едущих из Кагана. Вдруг я все же встречу управляющего или служащих банка и узнаю что-нибудь утешительное».

Рассуждая так, Кори Ишкамба свернул вправо, спустился через мануфактурные ряды и пошел прямо на восток, стараясь разглядеть тех, кто двигался ему навстречу со стороны Кагана. Дорога была запружена лошадьми, ослами, арбами, фаэтонами и пешеходами. Но не было среди них четырехколесной рессорной банковской линейки, запряженной в тройку лошадей, на

которой служащие банка, в сопровождении вооруженной охраны, возили мешки с деньгами. Не видно было и закрытого фаэтона, запряженного парой лошадей управляющего банком...

Қори Ишкамба дошел до здания аптеки, расположенного напротив входной двери в мечеть Диванбеги. Там на мгновение остановился и снова (наверное, в сотый раз) окинул внимательным взглядом дорогу из Кагана. Нет, тех, кого он искал, по-прежнему не было...

Крытые ряды кончились. Дальше начиналась размытая после недавнего дождя немощеная улица. Все же Қори Ишкамба не вступил под своды мечети. Он еще надеялся дождаться появления желанного фаэтона и потому пошел дальше. При каждом шаге нога чуть не по колено увязала в грязи, а когда он вытаскивал ее, спадала кожаная калоша, и всякий раз приходилось вытаскивать ее из густой грязи и снова надевать.

Вот так, тяжело дыша и отдуваясь, падая и поднимаясь под брызгами слякоти из-под копыт лошадей и колес арб, Қори Ишкамба добрался до рядов по продаже мыла у Хауза Диванбеги. Здесь он остановился, окинул взглядом клеверный базар и снова внимательно оглядел всю хорошо просматриваемую отсюда улицу, откуда должны были проезжать каганский транспорт и люди. Тех, кого он ждал, все не было.

Уже входя в мечеть Диванбеги, потеряв всякую надежду, Қори Ишкамба бросил последний взгляд в сторону базара и не поверил своим глазам; вдали показалась длинная четырехколесная повозка, застрявшая между арбами, скопившимися на дороге. Қори Ишкамба протер глаза рукавом халата и еще раз внимательно посмотрел туда: зрение его не обманывало, сомнений не было — у базара действительно стояла длинная повозка, ничем не отличавшаяся от той самой, на которой банковские служащие возили из Қагана деньги. И лошади были такие же — черные, крупные. Правда, в банковскую повозку запрягали тройку, а в эту была запряжена пара, но Қори Ишкамба тут же нашел объяснение:

«Наверно, с третьей лошадью что-нибудь случилось, потому сегодня и запрягли двух...»

Но повозка не могла быстро подъехать, а Қори Ишкамба отсюда не мог разглядеть, сидят ли в ней слу-

жащие банка, везут ли они деньги. Путь повозке преградили высокие двухколесные и довольно широкие встречные арбы, которые в Бухаре называли «колодкой улиц». Задиристые арбакеши ругались, поносили друг друга — ни один из них не желал уступать другому дорогу. За каждым выстроилась вереница других арб.

Кори Ишкамба устремился было навстречу — ему не терпелось скорее услышать хорошие вести,— но в этом месте грязь была так глубока, что перейти улицу было совершенно невозможно. Поневоле пришлось набраться терпения и, стиснув зубы, ждать, когда дорога освободится и повозка подъедет...

Одна за другой начали проезжать мимо Кори застрявшие арбы, подъехала и та четырехколесная повозка. Но, к его удивлению, в ней не оказалось ни банковских служащих, ни мешков с деньгами. Она везла покойника и санитаров. Повозка была больничная и везла на вскрытие труп какого-то внезапно умершего европейца.

Увидев это, Кори Ишкамба невольно вспомнил двустишие Абдуррахмана Джами *, которое он заучил когда-то в детстве. Оно, как нельзя лучше, подходило к его теперешнему положению:

Повсюду пред очами и в моей душе больной
Всегда лишь ты одна.
Где б ни был я, на что бы ни глядел, передо мной
Всегда лишь ты одна.

В полном отчаянии, полуживой от горя, Кори Ишкамба добрался до Хауза Диванбеги и прошел на площадку молельни. И во дворе, и в самой мечети было полно народа. Все сидели на своих ковриках, ожидая, когда муэдзин призовет к молитве. В самом переднем углу Кори Ишкамба увидел трое носилок с покойниками. Одни были обтянуты простой белой материей, другие — старой, выцветшей золотистой тканью, зато третьи — прекрасной новой парчой с красными цветами.

При виде трех носилок Кори Ишкамба обрадовался и подумал: «Дай бог, чтобы всех покойников понесли на одно кладбище,— тогда я получу сразу три йиртиша и возмещу урон, который потерпел утром, лишившись плова. Ну хотя бы двух! Хоть бы два лоскута получить мне...»

«А вдруг всех покойников понесут на разные клад-

бища, что мне тогда делать? — со страхом подумал Кори Ишкамба. И тут же твердо решил: — Пойду за носилками, что обтянуты парчой с красными цветами. Видно, умерший из богатой семьи. Все скорбят о его смерти, особенно мать с отцом, да и родственники тоже. В горе они не поскупятся и раздадут материю получше. Богачи всегда любят выделять себя, отличаться от простого люда, потому и лоскуты дают побольше... На похоронах этого человека,— видно, он был молодой и богатый,— будут раздавать дорогую материю...»

Придя к этому решению и обдумав, как получить лучший йиртиш, Кори Ишкамба стал искать место для молитвы. У него не было с собой коврика, чтобы подстелить под ноги для совершения молитвы, и, пройдя между молящимися, он опустился на свободный уголок коврика одного из них.

Вскоре муэдзин призвал к полуденной молитве, люди встали, и обряд начался. Встал вместе со всеми и Кори Ишкамба. Согласно обряду, прикоснулся большими пальцами к мочкам ушей и намеревался уже произнести первые слова молитвы, как вдруг из задних рядов к нему пробрался какой-то человек небольшого роста и шепотом позвал:

— Дядюшка Кори!

Кори Ишкамба слегка повернулся вправо и наклонился в сторону окликнувшего его человека.

— Вы разве не слыхали? — прошептал тот.

— Что, что не слыхал? — спросил Кори Ишкамба.

— В Кагане большевики захватили власть, забрали все банки, и Государственный тоже, со всеми деньгами — бумажными, золотыми, серебряными, со всеми ценными бумагами!

Услышав это, Кори Ишкамба только и успел воскликнуть:

— Ох, мои денежки!..— и, все еще молитвенно прижимая руки к ушам, повалился на бок.

Никто не обратил на это внимания и не нарушил молитву. Но когда намаз окончился, все увидели Кори Ишкамбу на каменном полу мечети. Изо рта у него стекала маленькая струйка крови, кожа на щеке и подбородке была содрана при падении, лицо посерело, как пепел, а пальцы рук застыли у мочек ушей...

Он был мертв!

ВОССТАНИЕ МУКАННЫ

Исторический очерк

I ВВЕДЕНИЕ

Чтобы лучше определить значение и цели восстания Муканны, необходимо предварительно остановиться на некоторых исторических обстоятельствах. В частности, мы должны будем охарактеризовать обстановку, сложившуюся в Хорасане и Мавераннахре перед арабским завоеванием*, и хотя бы в общих чертах показать, в чем была суть завоевания арабским халифатом* этих областей и каковы были установленные там методы правления. Кроме того, следует вкратце обрисовать некоторые восстания и народные волнения, происходившие в Хорасане, Мавераннахре и других областях после арабского завоевания, и определить цели и результаты этих народных волнений, предшествовавших восстанию Муканны.

1. Социально-политическое положение в Мавераннахре и Хорасане до арабского завоевания

К началу вторжения арабских войск в Мавераннахр здесь не было единого, централизованного государства. Каждый город, каждое крупное поселение были политически независимыми, и ими управлял ме-

стный властитель, называвшийся на таджикском языке того времени «худат».

Такими независимыми государствами, управлявшимися своими худатами, были Бухара, Самарканд, Нахшаб (Насаф, ныне — Карши), Кеш (Шахрисябз), Шуман (или Шаман) и другие. В Бухаре и примыкавшей к ней округе были даже два худата, совершенно не подчинявшиеся друг другу. Один из них находился в самой Бухаре и был правителем города и его ближайших окрестностей, а другой правил в Варданзехе, или, как его тогда называли, Вардана (ныне — Шафирком). Владелец Бухары назывался «бухархудатом», а владетель Варданзеха — «варданхудатом».

Прочного мира между этими худатами не было, они постоянно враждовали и вели междоусобные войны. Столкновения бухархудата с варданхудатом не прекращались вплоть до арабского завоевания, и лишь после этого, как завоевателям удалось утвердиться в Бухаре, арабский полководец Кутейба ибн Муслим покончил с варданхудатом и подчинил Варданзех бухархудату. Однако подлинным правителем области в это время стал уже не местный владетель, а арабский наместник.

Главным источником доходов в стране было сельское хозяйство, причем каждая деревня или группа деревень имела своего владетеля, называвшегося «дихканом». Тех же, кто непосредственно работал на земле или имел незначительные земельные наделы, называли «рустаи» — «деревенский житель» или «кашаварз», что соответствует современному таджикскому «киштукоркуннада» — «землепашец», «киштварз» — «сеятель».

Худаты, получившие свои области по наследству и расширявшие их за счет покупки или захвата новых земель, взимали подати с крупных землевладельцев — дихканов. В свою очередь, дихканы облагали податями мелких землевладельцев — крестьян, которые еще не попали к ним в полную зависимость, но обрабатывали их землю.

Каждый дихкан создавал из своих крестьян вооруженный отряд, который в нужный момент под командой дихкана или его сына отправлялся на службу к худату. Из этих отрядов и состояли вооруженные силы страны.

Так, последний бухархудат — женщина, в царствование которой Бухара была захвачена арабскими войсками, по свидетельству Наршахи*, каждый день выходила на площадь перед дворцом и выслушивала просьбы и жалобы подданных. При этом царицу охранял и выполнял ее приказы отряд из двухсот вооруженных всадников — дихканов и крестьян. На следующий день на церемонию правосудия прибывал другой такой же отряд. Каждая из таких групп в двести всадников несла службу четыре раза в год. Таким образом, ко времени арабского завоевания властительница Бухары располагала армией из восемнадцати — девятнадцати тысяч вооруженных всадников.

Фактически власть находилась в руках дихканов. Худаты были их ставленниками. Исключение представлял только Пайкент — город, расположенный в сорока километрах к западу от Бухары. Население этого города-крепости состояло в основном из купечества, самостоятельно управлявшего своей округой и мало в чем подчинявшегося власти бухархудатов.

Жители городов, за исключением Пайкента, а также сельских крепостей, не связанных с земледелием, были преимущественно ремесленниками. В Мавераннахре того времени, в особенности в Бухаре и ее округе, большое развитие получили такие ремесла, как ткачество, сапожное дело, производство ювелирных изделий, искусство ваяния и резьбы по камню и дереву. В Бухаре находилась крупнейшая мастерская, в которой работали ткачи и мастера узорного шитья. Арабы назвали ее «Байт-ут-тираз» — «Дом красоты».

Как сообщает Наршахи в своей «Та'рих», эта мастерская занимала огромную площадь, раскинувшись от стены городской крепости до наружной стены города. В ней выделывались ковры и паласы, палатки и шатры, занавеси и просторные тенты, растягивавшиеся над дворами для защиты от солнца, одеяла, халаты и сюзане. Один только роскошный шатер, вышивавшийся в этой мастерской, был равен по цене годовому налогу, собиравшемуся с жителей Бухары, и чиновники арабского халифата стали брать дань с Бухары именно этими товарами, которые они пересылали халифу.

Изготовлявшиеся в мастерской ткани и одежды вывозились в Египет, Сирию, Малую Азию и другие от-

даленные страны, причем, как сообщают источники, во всех этих странах не было такого царя, правителя или высокопоставленного сановника, который не имел бы халата, сшитого из бухарских тканей. Расцветка этих тканей была красно-белая и зеленая. Одной из самых ценных бухарских тканей был «занданийский карбас» («карбоси занданиджи» или «зандаииги»), первоначально выделывавшийся в селении Зандани (в произношении того времени — Зандана). Название селения, в котором впервые была создана эта ткань, сохранилось за ней даже тогда, когда ее стали выделывать и в других местах. По свидетельству Наршахи, этот карбас* вывозили в такие далекие от Бухары области, как Ирак, Фарс, Керман и другие, из него шили одежды для царей и вельмож, и по цене он был равен тончайшему шелку.

Был в Бухаре базар «Мах», на котором дважды в год, в специальные базарные дни, происходили ярмарки (сейчас на этом месте находятся базар, квартал и мечеть, носящие то же название). До утверждения ислама на этом базаре продавались игрушки и идолы, изготовлявшиеся бухарскими художниками, ювелирами и столярами и украшавшиеся яркой росписью, резьбой и драгоценными камнями. Как сообщает Наршахи, за один только день на ярмарке продавалось этих товаров на пятьдесят тысяч тенег.

Насколько развито было в Бухаре ювелирное дело, искусство художественной инкрустации и шитья золотом, убедительно свидетельствует тот факт, что попавшие в руки арабских завоевателей сапожки последней бухарской царицы были оценены в двести тысяч дирхемов.

В прилегавших к Бухаре селениях обычно раз в неделю бывал базарный день, а в некоторых селениях раз в год устраивались ярмарки, продолжавшиеся по десять, пятнадцать или двадцать дней. На эти базары приезжали и купцы из отдаленных местностей. В селении Тавдис, расположенном на берегу Зеравшана около плодового сада (оно и сейчас называется так же), осенние базары продолжались по десять дней. Сюда съезжалось до десяти тысяч купцов из соседних областей. Они покупали занданийский карбас и другие изделия ремесленников Бухары и окрестных селений.

Все эти факты свидетельствуют о чрезвычайно широком развитии в домусульманской Бухаре и ее округе разнообразных художественных ремесел, являвшихся главным источником существования значительной части трудового населения. Однако для широких масс сельского населения основным занятием оставалось земледелие.

Хорасан по своему социально-политическому положению почти ничем не отличался от Мавераннахра. Власть здесь также фактически принадлежала местным правителям, которые лишь формально подчинялись шахиншахам Ирана, причем даже такое формальное подчинение признавалось ими далеко не всегда. Так, в момент, когда арабские войска вторглись в Ирак и Фарс, правитель Хорасана Махуви не поддержал иранского шахиншаха Ездигерда ни материально, ни военной силой. Когда же Ездигерд, спасаясь от арабских отрядов, приехал в Мерв, Махуви попытался убить его, чтобы завладеть шахским престолом. Узнав о готовящемся покушении, Ездигерд бежал из города. Позднее он был убит сельским мельником.

Владельцами деревень в Хорасане, как и в Мавераннахре, были дихканы, а земли обрабатывали простые крестьяне-кашаварзы. Властители крупных селений и городов здесь также назывались «худатами», и распри между ними были столь же постоянным явлением, как и в соседнем Мавераннахре. По сообщению Наршахи, основатель династии Саманидов именовался «саманхудатом», по названию выстроенного им близ Балха селения Саман; подлинное имя «саманхудата» неизвестно.

В Хорасане были широко развиты ручные ремесла, в том числе и ткачество, однако хорасанские материи не были такими тонкими и не ценились так высоко, как ткани из Мавераннахра. По словам Наршахи, после того, как знаменитая бухарская мастерская «Байт-ут-тираз» была разрушена, ее мастера переселились в Хорасан и открыли там новую мастерскую, но они уже не смогли изготовлять ткани, равные по красоте бухарским.

В Мавераннахре и Хорасане производились лучшие по тому времени музыкальные инструменты и многочисленные предметы роскоши. Как сообщает автор

«Равзат ус-сафа»*, омейядский халиф Валид ибн Язид ибн Абдулмалик (правил в 743—744 гг.) написал наместнику Хорасана и Мавераннахра Наср ибн Сайяру, чтобы тот выслал ему барбаты, тамбуры, золотые и серебряные винные кувшины и вообще всевозможную утварь, необходимую для устройства пиров и развлечений. То, что халиф затребовал все эти вещи не из Египта, Сирии, Ирака или Фарса, а именно из Хорасана и Мавераннахра, лишний раз подтверждает, что ремесло, музыка и вообще искусство и культура в этих областях находились в то время на более высоком уровне, чем в других завоеванных арабским халифатом странах.

2. Вторжение арабских войск в Хорасан и Мавераннахр

В годы правления халифа Омара ибн Хаттаба (634—644 гг.) арабские войска вторглись в Хорасан и дошли до берегов Джейхуна (Аму-Дарьи). Однако во время правления следующего халифа, Османа ибн Аффана (644—656 гг.), население Хорасана несколько раз поднимало восстания и изгоняло арабские отряды. Окончательно подчинить эту область арабскому халифату удалось лишь при халифе Муавии (662—680 гг.).

Завоевание Мавераннахра началось в 673 году, и первым арабским полководцем, переправившимся через Аму-Дарью и атаковавшим Бухару, был Убайдуллах ибн Зияд — убийца Хусейна, сына Али*. Войска Убайдуллаха захватили и разграбили Пайкент, а оставшихся в живых горожан угнали в рабство. О числе пленников, захваченных в Пайкенте, можно судить хотя бы по тому, что сам Убайдуллах отобрал из них четыре тысячи человек в качестве своих личных рабов.

Захватив Пайкент, Убайдуллах напал на Бухару. Бухарское войско, поддержанное согдийцами из Самарканда и тюрками, оказало захватчикам упорное сопротивление, однако в конечном счете оно было разбито, а властительница Бухары укрылась за стенами Арка — городской цитадели. Захватчики разграбили город и взяли огромную добычу и множество пленников. О ценности награбленного имущества наглядно свиде-

тельствует пример с попавшими в руки арабских воинов сапожками бухарской царицы, которые, как упоминалось выше, были оценены в двести тысяч дирхемов. По приказу Убайдуллаха были разрушены селения, уничтожены посевы, вырублены сады и деревья, всему городу угрожали пожары и полное уничтожение. Однако властительница Бухары, уплатив один миллион дирхемов, заключила мир и спасла свой город от гибели. Убайдуллах, получив контрибуцию, вернулся в Хорасан.

В 676 году в Мавераннахр вторгся Саид ибн Осман. Заключив мир с бухархудатом и взяв восемьдесят заложников, он направился к Самарканду. В то время в Самарканде не было правителя, и сам народ выступил на защиту своего города, оказав врагу упорное сопротивление. Победителями в конце концов оказались арабские войска, заставившие горожан согласиться на предложенные им условия мира и уплатить большую контрибуцию, но самый город самаркандцы сумели отстоять, так и не пропустив врага за городские ворота. Помимо денег и имущества, уплаченных в счет контрибуции, Саид захватил в Самарканде множество пленников. С Бухары он также получил дань в размере одного миллиона дирхемов и, не вернув взятых ранее восемьдесят заложников, ушел за Аму-Дарью.

После этого в период правления халифа Язида ибн Муавии (680—683 гг.), Муслим ибн Зияд, Асад ибн Абдаллах и многие другие совершали непрерывные набеги на Мавераннахр. Каждый новый наместник Хорасана переправлялся через Аму-Дарью и нападал на города Мавераннахра, в особенности на Бухару и Самарканд. Разграбив города и селения, собрав дань и захватив пленников, он возвращался в Хорасан.

При халифе Валиде ибн Абдулмалике (705—715 гг.) Кутейба ибн Муслим, которого известный своими жестокостями Хадджадж* назначил правителем Хорасана, окончательно завоевал Мавераннахр и, пройдя через Фергану, достиг даже Восточного Туркестана. Захватив Тохаристан, центром которого был город Балх, Кутейба ибн Муслим переправился в 707 году через Аму-Дарью и завоевал Чаганиан с его столицей Шуманом. Затем он покорил Нахшаб, Кеш, Пайкент, Бухару, Варданзех и Самарканд.

Четыре раза Кутейба вторгался в пределы Мавераннахра и во время своего последнего, четвертого похода в 713 году построил в Бухаре, Самарканде и других городах и больших селениях мечети, закрепив тем самым включение этого края в число мусульманских стран. Разумеется, каждый новый поход арабских завоевателей наталкивался на упорное сопротивление местного населения, вступавшего в жестокие, кровопролитные бои с захватчиком. Уже будучи побежденными, жители Бухары вновь и вновь поднимали бунты и восстания каждый раз, когда их пытались обратить в ислам или загнать в мечети. Так, однажды, когда Кутейба собрал в мечети вновь обращенных мусульман, народ, вооруженный палками и камнями, напал на мечеть и перебил многих из новообращенных.

Богатство Мавераннахра было столь велико, что, несмотря на многочисленные грабежи, которым подвергали этот край арабские войска еще до Кутейбы, и взимавшиеся ими неоднократно огромные контрибуции, Кутейба сумел награбить здесь еще больше денег и имущества, чем его предшественники. В качестве примера достаточно привести описание добычи, захваченной Кутейбой в Пайкенте. Автор «Та'рихи Табари»* сообщает, что, когда Кутейба захватил Пайкент, «он нашел столько женских золотых и серебряных украшений, что их невозможно было сосчитать... Их переплавили, и получилось сто пятьдесят мискалей золота. В Пайкенте они нашли бесчисленное имущество. Его было так много, что (равного количества) они не получали и со всего Хорасана».

В большей части области и городов Мавераннахра Кутейба ибн Муслим сохранял бывших там местных правителей (худатов) независимо от того, принимали они ислам или нет. Но при этом назначал к ним своих арабских наместников. Вся полнота власти и право взимания налогов были сосредоточены в руках наместников, а худаты полностью им подчинялись и лишь помогали управлять страной. Плату же за свою службу завоевателям худаты получали с простого народа. Если «порядки», установленные Кутейбой, определить народным таджикским выражением, то можно сказать, что все было направлено на то, чтобы «сожрать мясо местного населения, изжаренное в собственном соку».

Местные властители на оставшихся у них полях и садах по-прежнему широко использовали труд крестьян.

Тем, кто примет ислам, Кутейба обещал предоставить льготы. Так, он освободил мусульман от подушной подати, джизьи, которой облагались все немусульмане. Однако во всем остальном обещание льгот имело чисто демагогический характер и было сделано с единственной целью облегчить распространение ислама. На деле все местное население, принимало ли оно новую религию или нет, подвергалось жестокому гнету чужеземцев и постоянным безжалостным грабежам. Так, по свидетельству автора «Та'рихи Наршахи», Кутейба, захватив в четвертый раз Бухару, приказал горожанам освободить для арабских воинов половину каждого дома с тем, чтобы воины, живя вместе с горожанами, могли следить за ними. Тот же автор сообщает, что завоеватели действительно использовали этот метод надзора над местным населением и жестоко наказывали каждого, кто так или иначе выказывал непочтение к мусульманской религии.

В Бухаре существовала община, называвшаяся «Оли Кахкаша». Люди из этой общины не пожелали жить в одних домах со своими врагами и, оставив им свои дома и имущество, ушли из города. Для каждой из семисот семей, входивших в общину, они построили за городом новый дом и попытались жить свободной независимой жизнью (селение, выстроенное общиной «Оли Кахкаша», расположено в четырех километрах к северу от Бухары и сейчас называется Кахкашон). Однако «Оли Кахкаша» не удалось избавиться от гнета завоевателей. Как сообщает Наршахи в главе, посвященной описанию налогов и разделению Бухары между арабами и местным населением, Кутейба распорядился, чтобы жители Бухары выплачивали ежегодную дань халифу в двести тысяч дирхемов и такую же сумму — наместнику Хорасана. Сельским жителям полагалось отдавать завоевателям половину своих земель, сельскохозяйственных орудий и другого имущества, а сверх того снабжать живущих в городе арабских воинов сеном, соломой, топливом и другими продуктами, которые могли им понадобиться (не считая, конечно, обязательного для всех подушного и поземельного налогов).

Никто, естественно, не хотел мириться с таким жестоким материальным и духовным угнетением. Местное население, независимо от того, принимало оно ислам или нет, смотрело на захватчиков как на своих заклятых врагов. Оно не верило ни одному обещанию арабских правителей и при всяком удобном случае мстило им, восставая против их владычества, даже если это влекло за собой неминуемую гибель.

Приведем два эпизода, весьма характерных для обстановки, сложившейся в то время в Мавераннахре.

Выше уже упоминалось, что Саид ибн Осман, готовясь к походу на Самарканд, заключил мир с властительницей Бухары и потребовал от нее восемьдесят заложников из числа близких к ней людей с тем, чтобы она не восстала против него во время его похода. По возвращении он обещал освободить всех заложников. Однако, вернувшись из Самарканда в Бухару, Саид заложников не освободил, сказав, что сделает это, когда подойдет к берегам Аму-Дарьи. Когда Саид вышел к указанному месту, властительница Бухары потребовала, чтобы он вернул заложников, но тот ответил, что отправит их из Мерва. В Мерве он обещал вернуть их из Нишапура, в Нишапуре — из Куфы и так и увез их всех в Медину. Там он приказал отобрать у заложников деньги, коней, одежду, оружие и все личные вещи, одеть их в грубую одежду рабов и отправить работать на его полях.

Заложники, поняв, что их ожидает смерть от непосильного труда в позорном рабстве, посоветовались друг с другом и решили отомстить тирану, и уж если погибнуть, то с честью. Придя во дворец к Саиду, они заперли двери изнутри и убили вероломного врага. Затем, не желая доставаться врагу живыми и подвергаться унизительной казни, они там же, во дворце Саида, покончили с собой.

Второй эпизод — история Язака (иначе — Низака), сына одного из правителей Тохаристана. Он перешел в мусульманство и стал правителем Балха, подчиненным арабскому наместнику в Тохаристане. Участвуя в военных походах Кутейбы на Мавераннахр, он хорошо изучил нравы завоевателей, а также положение, создавшееся в завоеванных им провинциях. Поэтому, несмотря на то, что он стал мусульманином и находил-

ся на службе у Кутейбы, Язак, зная о коварстве наместника Хорасана, не мог считать себя в безопасности. Как сообщает автор «Та'рихи Табари», однажды он сказал о Кутейбе одному из своих приближенных: «Я не верю ему, этому арабу, ведь он подобен собаке: прибьешь его — он завоет, а дашь ему что-нибудь — завиляет хвостом...» Жизнь подтвердила эти слова Язака о Кутейбе. Когда после завершения похода в Мавераннахр Язак отправился в Балх с разрешения Кутейбы, последний, пожалев о данном разрешении, вновь потребовал его к себе, чтобы покончить с ним. Язак понял, что Кутейба хочет его убить и ушел со своими людьми в горные области Талкана и Баглана. Кутейба послал за ним в погоню отряд, но арабские воины не нашли дорогу в горах и не сумели захватить непокорного правителя. Тогда Кутейба пошел на обман: он послал к Язаку некоего Салима Насеха, которому Язак доверял, с сообщением о помиловании и с предложением прибыть к Кутейбе. Приняв это предложение, Язак приехал к Кутейбе. Кутейба тут же заключил его в тюрьму вместе с его племянниками Саидом и Османом и ближайшими слугами и телохранителями. Всего было захвачено семьсот человек. На следующий день все они, по приказу Кутейбы, были казнены.

3. Волнения, происходившие в Хорасане и Мавераннахре до восстания Муканны

В этих провинциях произошло несколько народных восстаний, бунтов и волнений; о некоторых из них мы не можем не упомянуть.

Одним из антиарабских выступлений был описанный нами выше бунт Язака в Тохаристане, окончившийся коварным пленением и казнью руководителя бунта.

После подавления бунта Язака, во время правления того же хорасанского наместника Кутейбы ибн Муслима, восстало население Чаганиана, Нахшаба и Кеша, возглавленное правителем Шумана. В ходе этого восстания завоеватели долгое время испытывали серьезные трудности, было убито много арабских воинов и обращено в бегство несколько военачальников.

Усмирив наконец порознь Нахшаб и Кеш, Кутей-

ба все свои силы бросил против Шумана и осадил его. Договорившись о мирной сдаче города и войдя в него, он уничтожил не только участников восстания, но и всех остальных жителей. Город был разграблен и сожжен дотла.

Согдийский властитель Самарканда Тархунхудат заключил мир с Кутейбой, выплатил ему контрибуцию и согласился на уплату джизьи. Но как только арабские войска оставили город, население, возмущенное позорным миром, свергло Тархуна, возвело на престол Гурака и под его предводительством подняло восстание против арабских захватчиков. Это восстание также было подавлено с беспощадной жестокостью. Еще до прихода карательного арабского отряда Тархун знал, что, если враги победят, первым убьют его. Он был стар и не имел достаточно сил для того, чтобы выйти в поле и погибнуть в бою. Поэтому, не желая быть постыдно казненным врагами, он зарыл рукоять своего меча в землю и, бросившись на острие, вспорол себе живот.

Как мы уже отмечали, завоеватели установили, что с тех, кто принял ислам, не будет взиматься джизья. Об этом же гласил и шариат. Но когда вновь обращенных мусульман стало много и из-за этого начали уменьшаться поступавшие от джизьи доходы, захватчики нарушили и установление шариата, и свои обещания, они обложили джизьей принявших ислам наравне со всем местным населением. Это произошло в 729 году, когда Хорасаном правил Асраш ибн Абдаллах, а его наместником в Бухаре и Самарканде был Хани.

Хани не только обложил джизьей самаркандцев и бухарцев, принявших ислам, он вообще жестоко притеснял местное население. Все это привело к народному возмущению. Новообращенные мусульмане отреклись от ислама, жители Бухары, Самарканда и Ферганы восстали и выступили против своих поработителей с оружием в руках. Когда на борьбу с восставшими начали прибывать все новые и новые арабские отряды, упорно сопротивлявшиеся повстанцы обратились за помощью к тюркам. Им удалось одержать победу и оттеснить врагов от Пайкента. Здесь арабские завоеватели получили новое подкрепление, а тюрки ушли с

поля боя, и в результате повстанческие отряды были разбиты. Восстание закончилось многочисленными казнями местного населения и грабежами в городах и селениях. Однако иноземные властители прекратили после этого взимание джизьи с жителей, принявших ислам.

В 737 году против завоевателей поднялось население Хатлана (современные Куляб, Бальджуан и Вахш). Восставшие перебили сборщиков налогов, и арабский наместник был вынужден бежать. Асад ибн Абдаллах, бывший в то время наместником в Хорасане, выступил в Хатлан во главе большого войска для расправы с местным населением. Но после упорных боев он также был разбит и вернулся с позором.

Когда бежавший с поля Асад ибн Абдаллах прибыл в Балх, жители города издеваясь над ним, пели по-таджикски.

Из Хатлана (шах) пришел!
С изуродованным лицом пришел!
Изнуренный, тощий пришел!
Изможденный, худой пришел!

Постепенно все местные властители, выступавшие против чужеземных завоевателей и возглавлявшие восстание, были уничтожены, а те, которые душой и телом предались врагу, были оставлены «правителями» своих владений.

Одним из сохранившихся местных властителей был бухархудат Тахшада, который верой и правдой служил иноземцам, несмотря на то что сам оставался немусульманином. Его заискивание перед захватчиками дошло до того, что своего сына, родившегося в годы наместничества Кутейбы, он также назвал Кутейбой. Со своей стороны, и арабы закрывали глаза на «неверие» Ташхады и относились к нему с уважением. Он считался властителем Бухары, хотя право взимания налогов принадлежало особому чиновнику, назначенному завоевателями. Бухархудат помогал этому чиновнику, пополняя таким образом за счет местного населения и свой кошелек.

Во время наместничества в Хорасане Асада ибн Абдаллаха, о походе которого в Хатлан мы уже рассказывали, группа жителей Бухары, надеясь освободить-

ся от уплаты джизьи, приняла мусульманство. Надежды этих людей основывались на том, что после восстания 729 года, как было уже упомянуто выше, взимание джизьи с мусульман было прекращено.

Бухархудат Тахшада написал Асаду, что некоторые люди формально приняли ислам, чтобы избавиться от джизьи, и по-прежнему остаются немусульманами, цель их — уменьшить доходы государства и вызвать волнения. Асад ибн Абдаллах направил своему чиновнику приказ передать этих вновь обращенных мусульман в руки Тахшады. Чиновник не смог тут же выполнить приказ, поскольку люди, о которых в нем говорилось, укрылись в городской соборной мечети. Тогда Тахшада со своими телохранителями напал на мечеть, перебил четыреста человек из числа скрывавшихся там беглецов, а остальных отправил в Хорасан к Асаду в качестве рабов.

В конце концов местные жители, возмущенные подобными злодеяниями Тахшады, убили его. Это произошло так: после смерти Асада ибн Абдаллаха наместником Хорасана стал Наср ибн Сайяр. В то время в Фергане вспыхнуло восстание против завоевателей. Наср направился с войском в Мавераннахр, дошел до Ферганы и, уничтожив повстанцев, направился в Самарканд. Бухархудат Тахшада и арабский наместник в Бухаре Васил ибн Омар вышли навстречу Насру. Когда они беседовали с Насром, сидя перед его шатром, к ним приблизились два бухарца. Обращаясь к Насру ибн Сайяру, эти люди стали жаловаться на бухархудата, обвиняя его в насильной конфискации их земель. Васил же, по их словам, во всем поддерживает бухархудата: «Оба они объединились и притесняют народ, отнимая у него имущество».

За поясами у пришедших с жалобой были заткнуты кинжалы, и бухархудат, желая восстановить против них Насра, шепнул ему на ухо: «Ведь они при тебе стали мусульманами. Если их вера искренняя, почему же они пришли к тебе вооруженными?» Наср спросил бухарцев, зачем они вооружились. Те ответили: «При бухархудате мы не чувствуем себя в безопасности и поэтому всегда ходим вооруженными». Наср приказал, чтобы у них отобрали кинжалы, а сам вместе с Василом поднялся для совершения вечернего намаза,

время которого уже наступило. Бухархудат, который не был мусульманином, остался сидеть на прежнем месте.

Бухарцы, отдав свои кинжалы, отошли в сторону. Под халатами у них были припрятаны ножи, так как они условились здесь же убить бухархудата и Васила. Им было известно, что и их убьют, но смерть после отмщения врагу они считали почетной. Стоя неподалеку от шатра наместника, они дожидались удобного момента.

Закончив намаз, Наср вошел в шатер и позвал к себе бухархудата. Васил еще продолжал молиться. Бухархудат поднялся и направился к шатру, но один из бухарцев ударом ножа в спину свалил его на самом пороге. Другой бухарец подбежал к Василу и вспорол ему живот, однако Васил успел нанести своему убийце удар мечом. Оба они упали рядом и одновременно испустили дух. Для бухархудата полученная им рана также оказалась смертельной*.

В результате насилий и грабежей, совершавшихся как арабскими наместниками, так и местными правителями, страна была разорена, народ обнищал и лишился работы, ремесленное производство пришло в упадок.

О бухарской мастерской «Байт-ут-тираз», которую мы уже описывали выше, Наршахи пишет: «...случилось так, что работы в этой мастерской приостановились, а те люди, которые занимались ремеслом, рассеялись». Причиной тому, разумеется, были страшное угнетение народа и бесчисленные, непосильные налоги.

Хотя народные восстания, поднимавшиеся местным населением, жестоко подавлялись завоевателями, безжалостно убивавшими тысячи людей, пламя гневного протеста все ярче разгоралось в сердцах народа. Произошло новое, огромное по своим масштабам восстание, которое повлекло за собой исторические изменения в мусульманском мире и еще больше укрепило мятежный дух населения Хорасана и Мавераннахра. Это было восстание хорасанца Абумуслима. Активное участие принимал в нем и Муканна. Учитывая историческое значение этого восстания, мы расскажем о нем в отдельной главе.

4. Восстание хорасанца Абумуслима

Годы правления халифов из династии Омейядов (исключая Омара ибн Абдулазиза) отмечены безудержным угнетением народа и вопиющими несправедливостями. От гнета беззакония страдало уже не только неарабское население, были разорены и уничтожены многие исконно арабские семьи. На протяжении двадцати лет мусульманским миром правил тиран Хадджадж, злодеяния которого превзошли все, что совершалось тиранами в течение веков до и после него. Передают, что он своими руками убил сто двадцать тысяч человек, а казненных по его приказу и умерших в темницах невозможно счесть. Когда он умер, в его тюрьмах было обнаружено пятьдесят тысяч заключенных — тридцать тысяч мужчин и двадцать тысяч женщин. Тюрьмы Хадджаджа не имели камер или каких-либо помещений, защищенных крышей, и заключенные находились там и умирали под открытым небом — летом, изнывая под палящим солнцем, а зимой, страдая от холода, снега и дождей.

Конечно, такое положение не могло продолжаться вечно. Не только население неарабских провинций, но и трудящиеся массы арабов были настроены против господства Омейядов. Однако жестокость омейядских халифов была столь огромна, что никто из жителей не осмеливался открыто высказываться против них.

К концу омейядского владычества — в годы правления халифа Мервана — среди представителей самой династии начались жестокие распри и кровопролитные столкновения. Но и в этих условиях соперники Омейядов не смогли организовать против них достаточные силы ни в Арабистане, ни в Иране.

Свое выступление Аббасиды начали в Хорасане и Мавераннахре, поскольку эти провинции представляли собой настоящий пороховой погреб, готовый взорваться от любой искры и направить всю силу своего пламени против омейядских халифов.

Ибрагим-имам, бывший аббасидским претендентом на халифский престол, направил в Хорасан своих эмиссаров «даи»[1], а также подготовил там себе активных помощников из среды местного населения. Одним из та-

[1] Даи — звание верховного проповедника религиозной системы.

ких местных эмиссаров Ибрагим-имама был Абумуслим. Впоследствии он принял на себя руководство всем восстанием.

О происхождении и внешнем облике Абумуслима подробно пишет автор «Равзат ус-сафа». Приведем выдержки из его сообщения: «Род Абумуслима восходит к Гударзу (одному из легендарных богатырей Ирана. — *С. А.*)... Гударз в знак траура по Сиявушу облачился в черные одежды и улыбался только во время боя. Абумуслим тоже оделся в черное во время восстания и улыбался только на поле брани... Имя его было Ибрагим, а кунья[1] — Абуисхак, отца же его звали Муслимом. Ибрагим-имам предложил ему изменить имя и кунью (это было сделано для того, чтобы он не оставался тезкой самого Ибрагим-имама. — *С. А.*). Поэтому он избрал для себя имя Абдуррахман, а кунью — Абумуслим... Абумуслим был человеком среднего роста, смуглым, приятным на вид, красноречивым, с открытым взглядом и высоким челом. Он говорил на фарси и по-арабски, и речи его были красивы и приятны. Он ни с кем не шутил, чело его постоянно бороздили морщины, а лицо было хмурым...».

Автор «Та'рихи Табари» сообщает о нем: «Абумуслим был рабом, занимавшимся шорным ремеслом. Имя его было Абдуррахман ибн Муслим. Он находился в услужении у группы людей из племени аджул в Хорасане, и был он рабом проворным, толковым и образованным...».

В другом месте автор «Та'рихи Табари» пишет: «Абумуслим был одним из вольноотпущенников племени Бани аджул. Когда Наср ибн Сайяр был наместником в Хорасане и вел войну с властителем Кермана, который выступил против него, Абумуслим тоже поднял восстание. Наср так написал об этом Мервану, который был последним халифом из династии Омейядов, и наместнику Ирака, которого звали Язидом ибн Омаром: «...еще выступил другой человек из сыновей шорников, у которого нет ни роду, ни веры, и собралась вокруг него горстка из хорасанских подонков...».

По этим свидетельствам, взятым из первоисточников и полученным со слов непосредственных свидетелей

---

[1] **Кунья** — метонимическое название, например, абу—отец, ибн — сын; либо качество, например — абу-ль-фатх—отец победы.

выступления Абумуслима (таких, как Наср ибн Сайяр), можно заключить, что Абумуслим происходил из персидско-таджикской среды, был рабом в одном из арабских племен и занимался шорным делом. Основной силой, на которую он опирался в своем восстании, были народные массы Хорасана и Мавераннахра, ожесточенные гнетом арабских завоевателей, воинственные и отважные люди, «хорасанские подонки», так называл их Наср ибн Сайяр.

Будучи выходцем из рабов — самого низшего общественного сословия Хорасана, Абумуслим испытал на себе тяжесть гнета завоевателей. Несмотря на то, что он стал вольноотпущенником, ему по-прежнему приходилось работать на племя Бани аджул, отдавая этому племени все свои заработки, полученные от занятий шорным ремеслом. Он в полной мере испытал притеснения и беззакония, чинимые чужеземными захватчиками в Хорасане и Мавераннахре, поскольку ему случалось не раз иметь дело с чиновниками и вельможами. Все это еще в молодости навело его на мысль о восстании. Когда аббасидские «даи» начали свою деятельность в Хорасане, Абумуслим установил с ними связь и, отправившись вместе с некоторыми из них в Мекку, познакомился там с отцом Ибрагим-имама — Мухаммадом ибн Али. Этот человек, обнаружив в Абумуслиме выдающиеся способности, сказал о нем его спутникам: «...я считаю его хорошим рабом и верю, что он станет одним из наших людей, ведь власть Омейядов слишком затянулась».

После смерти Мухаммада ибн Али его сын Ибрагим-имам, узнав о способностях Абумуслима, поручил ему руководить подготовкой к свержению Омейядов в Хорасане. Однако другие эмиссары Ибрагим-имама в Хорасане не согласились с этим и отправились к нему в Мекку. Абумуслим тоже поехал с ними. По словам автора «Равзат ус-сафа», Ибрагим-имам, вторично поручив все дела Хорасана Абумуслиму, сказал ему: «Ты не должен оставлять в живых никого, кто в Хорасане признает арабский язык, но ты должен считать для себя обязательным воздерживаться от сопротивления Сулейману ибн Касиру...» Тот же автор пишет, что в то время Абумуслиму было девятнадцать лет.

Характер действий Абумуслима и смысл сообще-

ний хронистов о его восстании свидетельствуют о том, что подлинные цели, преследовавшиеся Абумуслимом, не ограничивались уничтожением династии Омейядов-Мерванитов* и возведением на престол Аббасидов. Главной его целью было уничтожение и изгнание арабских завоевателей из Хорасана, Мавераннахра и всех других таджикско-персидских областей. Но, по убеждению Абумуслима, он не смог ставить перед собой эту цель с самого начала, поскольку арабские завоеватели уже повсюду укрепили свои позиции. Поэтому ему казалось более верным, выступив в поддержку одной арабской династии, свергнуть другую, успевшую занять в стране господствующее положение и заслужившую своими притеснениями и беззакониями ненависть и гнев народа. В этой борьбе силы арабских завоевателей делились на две ослаблявшие и уничтожавшие друг друга группы, что давало возможность Абумуслиму сравнительно легко достигнуть главной цели. Следовательно, истинной и конечной целью Абумуслима было создание в Хорасане, Мавераннахре и остальных таджикско-персидских областях независимого государства, возведение же на престол Аббасидов было лишь этапом на пути к достижению этой цели.

Ибрагим-имам разгадал замыслы Абумуслима, но у него не было другого человека, способного привлечь к восстанию воинственное и непокорное население Хорасана и Мавераннахра, тем более что остальные его эмиссары, действовавшие в этих провинциях, в большинстве своем были арабами, и местное население относилось к ним с ненавистью или, во всяком случае, с недоверием. Учитывая все это, Ибрагим-имам вынужден был поручить руководство восстанием в Хорасане девятнадцатилетнему Абумуслиму, а для того, чтобы завоевать его расположение, а также любовь всего местного населения Хорасана и Мавераннахра, он отдал ему упоминавшийся выше приказ: «Ты не должен оставлять в живых никого, кто в Хорасане признает арабский язык!»

Это распоряжение Ибрагим-имама было, разумеется, лицемерным. Он вовсе не хотел полного уничтожения арабов в Хорасане и Мавераннахре, потому что власть тогда перешла бы в руки местных жителей, а не Аббасидов. Но для пользы дела он стремился сы-

грать на антиарабских настроениях Абумуслима и всего местного населения. Не случайно поэтому вслед за своим лицемерным приказом об уничтожении арабов он отдал Абумуслиму и другое распоряжение: «Смотри, не оказывай неповиновения Сулейману ибн Касиру».

Сулейман ибн Касир был арабом и являлся одним из крупнейших аббасидских эмиссаров в Хорасане. Конечно, он не пошел бы на поголовное уничтожение арабов. В случае если бы Абумуслим в соответствии с первым приказом Ибрагим-имама стал бы убивать арабов, Сулейман ибн Касир запретил бы ему это, а если бы Абумуслим не подчинился ему, то тем самым нарушил бы второй приказ Ибрагим-имама. Таким образом, второй приказ практически сводил на нет первый; этого-то и добивался Ибрагим-имам. Говоря об уничтожении арабов, Ибрагим-имам в действительности имел в виду убийство тех из них, кто поддерживал Омейядов. С этим был согласен и Сулейман ибн Касир.

Абумуслим не оставлял также мысли о поисках иных путей для достижения своей истинной цели — создания независимого государства — без возведения на престол Аббасидов. Он знал, что у Аббасидов есть умелые организаторы и что широкие массы арабов, настроенные против Омейядов, примкнут к ним и будут поддерживать, в особенности после того, как они возглавят халифат. Тогда уже будет трудно сбросить Аббасидов и достичь заветной цели. Поэтому, нанося мечом удары во имя Аббасидов, он в то же время продумывал шаги, которые в нужный момент облегчили бы ему свержение их господства. По мнению Абумуслима, орудием свержения Аббасидов могли послужить Алиды (потомки Али). Представители этого рода были людьми наивными и неопытными в делах управления государством. Им не свойственны были коварство и хитрость, без которых невозможно было руководить феодальным государством, и поэтому Абумуслим считал, что в нужный момент их легко будет отстранить от власти.

Когда Абумуслиму не удалось осуществить этот план, он согласился на захват халифата Аббасидами, однако от своей конечной цели не отказался и готовил-

ся поднять восстание против новых халифов. Но Аббасиды сумели перехитрить его и предательски убили.

Чтобы все сказанное нами не показалось читателю чисто субъективными соображениями, мы приведем несколько эпизодов и фактов, которые помогут, кроме всего прочего, полнее обрисовать эпопею Абумуслима.

Эпизод первый. В месяце рамазан 748 года* после тщательной подготовки Абумуслим открыто выступил против Омейядов и за короткое время освободил от них и их сторонников Хорасан и Мавераннахр. Вслед за тем он выслал отряд под командованием Кахтабы ибн Шабиба в Тус (Мешхед) и Ирак. К этому отряду он приказал присоединиться Хасану ибн Кахтабе, Халиду ибн Бармаку (предку знаменитых Бармакидов) и нескольким другим военачальникам, а сам остался в Хорасане, являвшемся главным оплотом восстания.

В жестоких боях Кахтаба завоевал весь Иран и дошел до Арабского Ирака, но там в одном из сражений на берегу Евфрата погиб, утонув в реке. Вместо него воины избрали своим предводителем его сына Хасана. Одержав ряд побед, Хасан захватил Куфу, которая в то время была центром Арабского Ирака. В Куфе жил влиятельный человек по имени Абусалама ибн Сулейман, разделявший планы Абумуслима: если представится возможность, поставить во главе государства Алидов (Абусалама, разумеется, не подозревал истинных намерений Абумуслима). Хасан разыскал Абусаламу, вручил ему письмо от Абумуслима и сказал: «Эмир Абумуслим приказал мне, чтобы я во всех делах подчинялся тебе».

В письме Абумуслим, называя Абусаламу «визиром рода Мухаммада», писал ему: «Право избрания халифа принадлежит тебе».

В то время Мерван убил Ибрагим-имама, но его братьям — Абулаббасу Саффаху и Абуджа'фару ал-Мансуру — удалось бежать из халифской тюрьмы и пробраться в Куфу, где они скрывались у Абусаламы. Согласно официальному плану, принятому восставшими, после смерти Ибрагим-имама место халифа должно было перейти к Абулаббасу Саффаху. Несмотря на это, Абусалама не предложил Абулаббасу занять место главы государства, и Хасан, который был представителем Абумуслима, не стал возражать против это-

го. Дело в том, что Абумуслим потому и приказал Хасану подчиняться во всем Абусаламе, что знал о желании последнего предложить халифат прежде всего потомкам Али и только в случае их отказа возвести на трон Абулаббаса. В Медине в это время находились три Алида, которые, по мнению Абусалама, достойны были занять халифский престол. Абусалама отправил к ним в Медину послание, в котором предлагал им возглавить халифат, но ни один из них не принял этого предложения.

Тем временем, еще до возвращения посланца Абусаламы из Медины, некоторые военачальники из отряда Хасана, ничего не знавшие об этих тайных переговорах и о действительных целях Хасана и Абумуслима, выяснили, что в Куфе находятся Аббасиды, разыскали их и принесли присягу. За этим последовала и общая присяга всего войска; тогда Хасану и Абусаламе поневоле пришлось присягнуть Абулаббасу, которого в месяц раби уль-авваль * (749 г.) они официально провозгласили халифом.

Эпизод второй. От мысли о передаче власти одному из Алидов Абумуслим не отказался и после того, как Аббасиды добились крупного успеха и на халифский престол был возведен Абулаббас Саффах. Аббасиды знали об этих замыслах Абумуслима и решили прежде всего убрать его главного помощника — Абусаламу. Однако в то время они еще боялись затронуть Абумуслима, поскольку их положение не было достаточно прочным, а главный источник вооруженной силы восстания — Хорасан и Мавераннахр — находился целиком в руках Абумуслима. Учитывая это, Абулаббас Саффах под предлогом принятия присяги от населения Хорасана и Мавераннахра послал своего брата Абуджа'фара аль-Мансура к Абумуслиму, поручив ему проверить преданность Абумуслима Аббасидам и узнать, как он отнесется к убийству Абусаламы.

Абуджа'фар побывал в Хорасане и, возвращаясь обратно, в беседе с Абумуслимом сказал ему: «Абусалама недостойно ведет себя по отношению к халифу, но халиф из уважения к тебе терпит любые его поступки и делает вид, что ничего не замечает, потому что ты назначил его халифским вазиром». Услышав это,

Абумуслим побледнел, но сдержался и ответил: «Я и Абусалама — рабы из рабов повелителя. Если он вышел за пределы допустимого, к нему следует применить любое наказание, которое окажется необходимым». Абумуслим, конечно, не мог в то время открыто выступить как сторонник Абусаламы и защитить его, поскольку это было бы равносильно признанию своих симпатий к Алидам и подготовки антиаббасидского восстания.

Абуджа'фар и Абулаббас истолковали слова Абумуслима как согласие на убийство Абусаламы, и в ту же ночь, когда Абуджа'фар, возвратившись из Хорасана, явился к Абулаббасу, Абусалама был тайно убит в своем доме. Впоследствии это убийство было приписано хариджитским террористам.

Отчитываясь о своей поездке в Хорасан и говоря об отношении Абумуслима к Аббасидам, Абуджа'фар сказал своему брату: «Если ты хочешь, чтобы мир стал чист для тебя, убери Абумуслима, потому что он стремится возвести на халифский престол кого-нибудь из рода Абуталиба (из Алидов)». Абулаббас, однако, не последовал совету брата своего и сказал ему: «Сейчас с ним не следует поступать так, потому что, если мы посягнем на него, люди Ирака и Хорасана выступят против нас».

Эти слова Абулаббаса указывают на то, что не только население Хорасана и Мавераннахра было предано Абумуслиму, но и жители Ирака и Ирана поддерживали его.

Третий эпизод. Когда Абуджа'фар ал-Мансур был у Абумуслима в Хорасане, Абумуслим убил Сулеймана ибн Қасира. Между тем Ибрагим-имам, как об этом уже говорилось, приказал Абумуслиму относиться к Сулейману ибн Қасиру с уважением и не спорить с ним.

Почему же Абумуслим убил Сулеймана ибн Қасира? Потому что Сулейман мешал ему начать общее избиение арабов, а он хотел уничтожить как можно больше иноземцев и быстрее подготовить почву для создания независимого государства в Хорасане и Мавераннахре. По сути дела, этим актом он предупредил Аббасидов и как бы заявил им: если вы, убивая Абусаламу, лишаете меня посредника для возведения на престол Алидов, то я, убив Сулеймана ибн Қаси-

ра и перебив рабов, создам независимое государство. По сообщению «Равзат ус-сафа», Абумуслим за время своего руководства восстанием убил более шестисот тысяч арабских захватчиков и их сторонников.

Четвертый эпизод. Однажды первый аббасидский халиф Абулаббас спросил у Абумуслима, в чем причины его успехов. Абумуслим ответил ему: «Я сделал терпенье своей профессией и никому не раскрыл свою тайну».

Разумеется, Абумуслим хранил свою тайну в известных пределах, прежде всего от тех, кто мог ее разгласить или явиться помехой его делу. Те же, кто играл важную роль в осуществлении его планов и в чьей сдержанности и умении хранить тайны он был уверен, знали о его замыслах в той степени, в какой это было необходимо: так, он поделился своими сокровенными мыслями с одним зороастрийцем.

История эта такова: в Нишапуре жил зороастрийский маг Сумбад. Возвращаясь от Ибрагим-имама, назначившего его руководителем восстания в Хорасане, Абумуслим провел ночь в доме этого человека. За это короткое время он настолько подружился с гостеприимным хозяином, что раскрыл ему свои политические планы и сделал его сообщником. Это подтверждается следующим фактом. В то время как в Хорасане Абумуслим добился крупных успехов и, очистив провинцию от сторонников Омейядов и отстранив от управления всех арабов, взял руководство делами в свои руки, между людьми Сумбада и арабами, жившими в Нишапуре, обострилась межплеменная вражда. Сумбад написал об этом Абумуслиму, попросил у него помощь, и Абумуслим направил в его распоряжение тысячу всадников из своего войска. С помощью этой вооруженной силы Сумбад полностью уничтожил нишапурских арабов, а сам вместе со своим братом облачился в черные одежды и выступил на поддержку Абумуслима и Аббасидов. Когда Абумуслим был убит Аббасидами, первым, кто, мстя за него, поднял восстание против арабов и ислама, был тот же Сумбад.

Таким образом, первые два из приведенных нами эпизодов указывают на то, что, если бы Абумуслиму удалось, он возвел бы на престол Алидов, которых впоследствии легче было бы свергнуть. Эти эпизоды сви-

детельствуют также о стремлении Абумуслима возвести на престол Алидов до того, как Аббасиды укрепятся в руководстве халифатом и усилят свои позиции. Он был сторонником Абусаламы именно потому, что мог получить от него помощь в этом деле. Третий эпизод свидетельствует, что Абумуслим, узнав о том, что в ближайшее время Абусалама будет убит Аббасидами и он лишится важного посредника для возведения на престол Алидов, немедля убил Сулеймана ибн Касира, чтобы без помехи начать массовое истребление арабских завоевателей и быстрее подготовить почву для достижения своей подлинной и конечной цели— создания независимого государства.

Четвертый эпизод ясно указывает на то, что конечной целью Абумуслима было объединение всего местного населения Ирана, Хорасана и Мавераннахра — и создание независимого государства. При этом он не делал различия между мусульманами и немусульманами. Именно поэтому Абумуслим, официально выступавший против Мерванитов — сторонников Омейядской династии — под знаменем ислама и от имени пророка Мухаммада и его потомков, раскрыл свою тайну зороастрийскому магу, который еще не принял ислама, оказал ему вооруженную поддержку и помог уничтожить в Нишапуре всех арабов, вражда которых с местным населением носила национальный характер.

Однако ни массовые убийства захватчиков, ни другие энергичные меры не привели Абумуслима к окончательной победе; он сам был предательски убит Аббасидами.

Подробности этого убийства таковы: после того как Аббасиды укрепились на халифском престоле, а управление Хорасаном и Мавераннахром полностью перешло в руки Абумуслима, он решил побывать на Арабском полуострове, чтобы выяснить сложившуюся там обстановку. Под предлогом посещения халифа и паломничества в Мекку он отправился в путь, получив предварительно согласие Абулаббаса.

Абумуслима сопровождало войско, достаточное для защиты его от любых случайностей. Однако Абулаббас, опасавшийся его силы, сказал своим приближенным: «Абумуслим идет в свой дом, ему незачем бы-

ло приводить стольких воинов». Узнав об этих словах халифа, Абумуслим оставил основную часть своей армии в Рее и с тысячей телохранителей прибыл к Абулаббасу, а затем, под предлогом хаджа, в Мекку. Предпринимая этот поход, Абумуслим стремился, если ему удастся, привлечь на свою сторону широкие массы арабов и подготовить почву для возведения на престол Алидов, осуществив таким образом план, выполнение которого было им когда-то поручено Абусаламе. Этим и объясняется то, что на протяжении всего пути он раздавал арабам многочисленные щедрые дары.

Абулаббас разгадал этот замысел Абумуслима и отправил вместе с ним своего брата Абуджа'фара, поручив ему возглавить паломников.

Когда Абумуслим и Абуджа'фар находились в пути, Абулаббас умер, и Абуджа'фар поспешил вернуться в Арабский Ирак, чтобы занять место своего брата. Вступив на халифский престол, он решил задержать Абумуслима в Арабистане и в подходящий момент уничтожить его. С этой целью он отправил Абумуслима в Сирию для подавления мятежа своего племянника, сына Абулаббаса, требовавшего передачи ему отцовского престола. Когда мятеж был подавлен, Абуджа'фар решил назначить Абумуслима наместником Сирии и Египта, чтобы держать его таким образом вдали от Хорасана и Мавераннахра. Но Абумуслим разгадал намерения халифа, понял, какую западню готовит ему последний, и без разрешения Абуджа'фара вступил в Хорасан.

Абуджа'фар послал вслед за Абумуслимом нескольких верных гонцов с письмом, в котором писал: «Этот твой поступок люди поймут как бунт против меня. Для меня это будет позором, поэтому ты сперва явись ко мне, а потом уезжай». Гонцы изощрялись в хитростях и уловках, чтобы уговорить Абумуслима явиться к халифу. Абумуслиму оставалось либо поднять открытый мятеж, либо ехать к халифу. Однако к открытому мятежу он еще не был подготовлен. Его силы были рассеяны частично в Хорасане, частично в Иране, а население Хорасана и Мавераннахра ничего не знало о положении, в котором он оказался. Поэтому он свернул с пути и прибыл к халифу.

Абуджа'фар встретил его с большими почестями.

Но однажды, ожидая Абумуслима, он спрятал в одном из помещений рядом со своей комнатой нескольких вооруженных людей и распорядился, чтобы стража разоружила Абумуслима, когда тот явится на прием.

Стража отобрала у Абумуслима его меч и кинжал, и он, разгневанный, вошел к халифу. Абуджа'фар начал успокаивать Абумуслима, а затем неожиданно обвинил его в подготовке мятежа и, перечислив разоблачающие Абумуслима улики, позвал сидевших в засаде вооруженных людей. Ворвавшиеся в комнату воины тут же, в присутствии халифа, убили Абумуслима и, завернув его тело в ковер, на котором было совершено убийство, оставили лежать в углу той же комнаты. Затем Абуджа'фар приказал приготовить тысячу мешков с деньгами, положив в каждый из них по тысяче тенег. Произошло это в 755 году.

Телохранители Абумуслима, увидев, что он задерживается у Абуджа'фара дольше обычного, заподозрили предательство и, окружив халифский дворец, потребовали выдачи своего господина. Абуджа'фар приказал приближенным бросить приготовленные мешки с деньгами и голову Абумуслима его телохранителям и объявить им с крыши дворца, что Абумуслим был одним из рабов повелителя, получившим заслуженное наказание за недостойные поступки. «...Вы же успокойтесь и верьте, что повелитель возвеличит вас своими дарами и щедростью». Приближенные Абуджа'фара исполнили приказ, и телохранители Абумуслима набросились на мешки с деньгами. Абуджа'фар же, выполняя данное им обещание, действительно непрерывно осыпал их наградами, и они забыли Абумуслима.

Да, те из военачальников и телохранителей Абумуслима, которые стремились к деньгам и чинам, забыли его. Но люди, воодушевленные идеей Абумуслима, те, в ком он воспитал мятежный, бунтарский дух, не могли забыть и не забыли своего вождя.

Среди них был и нишапурец Сумбад-маг, который после убийства Абумуслима поднял восстание против Аббасидов. Ниже мы приведем краткое изложение событий, связанных с этим восстанием.

5. Восстание Сумбада-мага

О том, кем был Сумбад, и о его связях с Абумуслимом мы уже говорили. После уничтожения арабов в Нишапуре Сумбад облачился в черные одежды и вместе с братом присоединился к Абумуслиму, которого он сопровождал во всех его походах.

После убийства Абумуслима Сумбад вернулся в Иран и поднял восстание. Призвав на помощь население Рея и Табаристана, он решил захватить Казвин и атаковал этот город. Однако правитель Казвина не дал Сумбаду осуществить его замысел. Предприняв смелую ночную вылазку, он захватил Сумбада вместе с несколькими другими гебрами (иранскими зороастрийцами), надел на них оковы и отправил к наместнику Рея Абуубайде. Последний в память о дружбе, существовавшей когда-то между ним и Сумбадом (сам он прежде тоже был одним из преданных сторонников Абумуслима), сослал пленников в местечко Харрей и снял с них оковы.

В Харрее Сумбад постепенно привлек на свою сторону многих людей и, когда в его распоряжении оказалось достаточно сил, поднял новое восстание и выступил на Рей, чтобы отбить его у Абуубайды.

Абуубайда, собрав своих воинов, выступил навстречу повстанцам. Когда оба войска столкнулись, Сумбад закричал: «О, Абумуслим!». Этот клич был сразу же дружно подхвачен обеими сторонами, потому что воины Абуубайды тоже были воспитанниками Абумуслима и в душе по-прежнему любили его. Испуганный происшедшим, Абуубайда в панике бежал с поля боя и укрылся в городе, надеясь выдержать осаду. Но Сумбад, преследуя его, взял Рей решительным приступом и, захватив Абуубайду, убил его.

В свое время, когда Абумуслим отправлялся к Абуджа'фару, приняв его предательское приглашение, он оставил в Рее все свое имущество и боевое снаряжение, поручив его охрану Абуубайде. Теперь все это досталось Сумбаду. По выражению автора «Равзат ус-сафа», «из оставленного Абумуслимом оружия и иного имущества в руки Сумбада попало столько, что считавший его сбился со счету, а войско его (Сумбада),

достигнув 100 тысяч, овладело областью от Рея до Нишапура».

Сторонников Сумбад вербовал себе двумя различными путями: один подход был для мусульман, другой — для гебров.

Мусульманам он говорил: «Когда Абуджа'фар напал на Абумуслима, чтобы убить его, Абумуслим превратился в птицу и улетел. Сейчас он в такой-то крепости беседует с имамом Махди*, а меня он послал сюда, чтобы я очистил мир для имама Махди от его врагов» (это свидетельствует о том, что Сумбад поставил ту же цель, что и Абумуслим: он стремился возвести на халифский престол Алидов, чтобы превратить их в орудие для создания независимого государства, и действительно, в результате такой пропаганды, все мусульмане, особенно сторонники Алидов, стали собираться вокруг него).

Гебрам же Сумбад говорил: «В книге древних мудрецов я прочитал, что время правления мусульман будет непродолжительным, а потом появится один из Сасанидов*. Сейчас и наступило время выступления Сасанидов. Я поведу войско в Мекку и разрушу Каабу» (по существу, это было пропагандой все той же основной и конечной цели, которую ставил Абумуслим: создания независимого государства).

Сведения о вооруженном мятеже Сумбада и об усилении повстанцев дошли до халифа Абуджа'фара ал-Мансура, убийцы Абумуслима. Собрав большое, хорошо вооруженное войско, он направил его против Сумбада. Войско халифа разбило лагерь в Саве и начало готовиться к сражению. Сумбад же, не дождавшись нападения противника, сам пришел со своей армией к Саве и атаковал вражеский лагерь. Произошла жестокая и кровопролитная битва. Источники сообщают, что она продолжалась несколько дней, а автор «Рав-зат ус-сафа» говорит о семидесяти тысячах убитых в этом бою.

В конце концов Сумбад потерпел поражение и бежал в Табаристан. В пору своих побед он передал на хранение правителю Табаристана шесть миллионов теней и, подарив ему треть этой суммы, условился, что в случае неудачи найдет у него убежище. Однако правитель Табаристана предал Сумбада. По его приказу

Сумбад вместе со своими сподвижниками и сторонниками был схвачен и убит. Таким образом, правитель Табаристана оправдал себя перед халифом, освободившись от обвинения в сообщничестве с Сумбадом, и завладел доставшимися ему шестью миллионами тенег.

* * *

После убийства Сумбада и его сподвижников в Ираке вспыхнули два других крупных восстания. Одно из них было восстанием равандитов, другое — восстанием ибн Мукаффы*.

По версии турецкого энциклопедического словаря «Камус ул-алам»* ибн Мукаффа был выходцем из персидских зороастрийцев и считался одним из лучших стилистов и широко образованных людей («адибов»). Под воздействием Исы ибн Али — дяди Абулаббаса Саффаха — он принял ислам и остался при своем покровителе в качестве его личного секретаря. Перу ибн Мукаффы принадлежит известный перевод «Калилы и Димны» со среднеперсидского языка на арабский.

Автор «Равзат ус-сафа» расценивает оба эти восстания — и движение равандитов, и восстание ибн Мукаффы — как выступление зиндиков («неверующих») против ислама.

Не останавливаясь подробно на этих восстаниях, мы обратимся к событиям, происходившим в Мавераннахре, и вкратце опишем еще одно крупное восстание, вспыхнувшее в Бухаре до выступления Муканны (еще при жизни Абумуслима).

6. Восстание в Бухаре Шарика ибн Шейха

Переход халифата от Омейядов к Аббасидам не принес населению Мавераннахра никакого облегчения. Особенно это ощущалось в Бухаре, население которой попрежнему подвергалось двойному грабежу со стороны бухархудата и арабского наместника. По призыву Шарика ибн Шейха доведенный до отчаяния народ поднялся против грабителей.

Хотя Шарик и был коренным бухарцем, он долго жил среди арабов, изучил их обычаи, нравы, знал араб-

ский язык и литературу и хорошо был осведомлен о тех распрях и раздорах, которые происходили между арабскими властителями из-за дележа халифского престола. Кроме того, он был отважным воином, человеком сильным и мужественным. Вначале он тайно призывал народ к возведению на престол Алидов и говорил: «Мы избавились от гнета Мерванитов (Омейядов), не нужен нам и аббасидский гнет. Мы должны поставить над собой халифом одного из потомков пророка (то есть из рода Али)».

Измученные притеснениями и гнетом, люди устремляются туда, где им сулят помощь и облегчение. Так произошло и на этот раз. Жители Бухары, Хорезма и Самарканда приняли призыв Шарика и стали объединяться вокруг него.

Когда в распоряжении Шарика оказались значительные силы, он выступил открыто. Для подавления этого восстания из Хорасана прибыло войско под командованием Зияда ибн Салиха. Построив укрепленный лагерь на подступах к Бухаре, Шарик встретил своего врага. Под знамя восстания стало все население города. Кровопролитные бои продолжались тридцать семь дней, и каждый день приносил новую победу Шарику и новые потери убитыми и пленными воинам Зияда ибн Салиха.

Наконец на помощь арабскому полководцу пришел бухархудат Кутейба ибн Тахшада*. Вокруг Бухары было расположено семьсот кушков — укрепленных поместий дихканов, и каждому из владельцев этих кушков Кутейба приказал не давать городу продовольствия и фуража, а отвозить все это в лагерь Зияда ибн Салиха. Сам же он с десятитысячным отрядом присоединился к арабскому войску. Но и после этого сражения большей частью оканчивались победой Шарика, а ежедневные вылазки горожан наносили вражеским войскам большой урон и отбрасывали их от Бухары.

Однако отсутствие продовольствия и фуража привело к голоду в городе и к падежу лошадей в армии Шарика. Тогда повстанцы решили прорвать вражеское окружение и, пробившись в сельские районы, захватить запасы провианта.

Во главе своих сподвижников в атаку бросился сам Шарик. Зияд ибн Салих не смог устоять в этом от-

крытом бою. Войско его было разбито и рассеяно, а сам он вместе с бухархудатом спасся в селении Навканда, в восьми километрах от города. Настала ночь. Зияд ибн Салих, собрав своих воинов, снова вступил в бой и вновь был разбит. Бухархудат советовал ему отступить с поля боя и, собрав разбежавшихся воинов, ждать, когда изголодавшиеся горожане разбредутся по огородам и садам и набросятся на виноград и дыни, а тогда напасть на них с флангов. Так Зияд и поступил. Многочисленные горожане, в беспорядке рассеявшиеся по огородам и садам, были перебиты или захвачены в плен, в бою погиб и предводитель восстания Шарик ибн Шейх, а те, кому удалось спастись от резни, бежали обратно в город и попрятались по укромным углам и закоулкам.

Зияд ибн Салих вошел в Бухару и остановился в мечети Мах. Город он поджег, и пожар продолжался трое суток. После этого Зияд объявил, что обещает безопасность каждому, кто уйдет из города. Сам он со своим войском отошел от Бухары на некоторое расстояние, чтобы дать возможность жителям спокойно выйти из города.

В ту же ночь из Бухары попытались бежать сын Шарика ибн Шейха и один из его военачальников, но оба они были схвачены и приведены к Зияду. Зияд приказал их казнить, а трупы вздернуть на виселицу. После этого случая жители города перестали верить обещанной Зиядом безопасности, и никто уже не покидал Бухару.

Прождав безрезультатно три дня, Зияд вновь вступил с войском в бухарские ворота. На этот раз он остановился в замке бухархудата, а воины его рассыпались по городу в поисках мятежников. Снова разгорелись жестокие, кровопролитные схватки, и многие горожане были убиты.

Пощадив лишь нескольких именитых бухарцев, Зияд приказал своим воинам вешать каждого, кто попадет к ним в руки живым. В конечном счете захватчики овладели сожженным дотла и полностью обезлюдевшим городом.

Покончив с Бухарой, Зияд ибн Салих отправился в Самарканд и там подверг такому же беспощадному

уничтожению всех сторонников Шарика и участников мятежа, а затем переправился через Аму-Дарью и вернулся в Хорасан*.

7. Осмысление Муканной исторической обстановки и опыта предшествовавших восстаний

Муканна учитывал сложившуюся обстановку и извлекал опыт из каждого восстания, происходившего в его время. Он принимал непосредственное участие в восстании Абумуслима, причем, по словам Наршахи, был не простым воином, а предводителем одного из вооруженных отрядов.

В мятеже бухарца Шарика ибн Шейха он не участвовал, поскольку мятеж этот происходил еще при жизни Абумуслима, который не одобрял его и считал преждевременным. Но, так или иначе, Муканна осмыслил причины успехов и поражения Шарика и использовал этот опыт в своем восстании.

Он был свидетелем восстаний равандитов и ибн Мукаффы, которые авторы исторических хроник относят к числу выступлений против ислама. Кроме того, Муканна лично испытал гнет и притеснения, которые несли населению Хорасана и Мавераннахра иноземные захватчики и местные феодалы и богатеи, и он видел, как в результате этих притеснений местные жители снова и снова восставали против угнетателей, а иногда целыми группами отрекались от ислама.

О том, принимал ли Муканна непосредственное участие в восстании Сумбада-мага, вспыхнувшем сразу же после убийства Абумуслима и под его знаменем, исторические хроники ничего не сообщают. Однако не может быть сомнения в том, что, будучи живым свидетелем этого восстания, Муканна, если и не участвовал в нем лично, то, по крайней мере, был согласен с некоторыми его призывами. Так, уничтожение ислама, пропагандировавшегося Сумбадом среди гебров, Муканна принял как одну из основных практических задач своего восстания.

Общность взглядов Сумбада и Муканны проявлялась также и в их отношении к Абумуслиму. Если Сумбад провозгласил себя уполномоченным Абумуслима,

будто бы «улетевшего, приняв образ птицы», то Муканна, по словам автора «Равзат ус-сафа», почитал Абумуслима больше, чем пророка Мухаммада, себя же самого, как пишет Наршахи, он объявил воплощением некоей духовной силы, которая раньше выступала в облике Абумуслима.

Истинный смысл всех этих символических высказываний Муканны заключался, на наш взгляд, в том, что он считал себя продолжателем дела Абумуслима в борьбе с исламом и иноземными завоевателями.

II МОЛОДОСТЬ МУКАННЫ И НАЧАЛО ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Рождение и юность Муканны, его профессия, образование и внешний облик

Год рождения Муканны нигде не упоминается, однако известно, что он принимал участие в восстании Абумуслима, который, согласно наиболее достоверным источникам, в 742 году по распоряжению Ибрагим-имама возглавлял антиомейядское движение в Хорасане и Мавераннахре, а в 748 году поднял открытое восстание. Как отмечалось в предыдущей главе, в этом восстании Муканна участвовал в качестве предводителя одного из отрядов. Если в 742 году Абумуслим принял его в число своих военачальников, то ему должно было быть тогда не меньше двадцати лет. Можно предположить, следовательно, что Муканна родился около 720 года или несколько позже.

По общему свидетельству авторов исторических хроник, Муканна родился в селении Каза, расположенном между Балхом и Мервом, причем, поскольку Муканну называют марвази—«мервцем», селение это должно было находиться в сельской округе этого города.

Имя Муканны было Хашим ибн Хаким. Отец его Хаким принадлежал к числу хорасанских военачальников. В некоторых словарях приводятся мало распространенные версии, согласно которым имя Муканны было Ата, однако мы считаем эти версии недостоверными.

В детстве и юности Муканна был отбельщиком тканей. В то время в Хорасане и Мавераннахре ткацкое

дело было широко распространено, и отбелка тканей, как одно из необходимых вспомогательных ремесел ткачества, служила для многих основным источником пропитания. Поскольку некоторые молодые исследователи, ошибочно понимая значение слова «козар», считают Муканну простым стиральщиком белья, прачкой, мы остановимся здесь на значении двух терминов и покажем различия, существовавшие между отбельным и прачечным ремеслом.

«Козар» — «отбельщик» и «джомашуй» — «простой стиральщик белья, берущий в стирку грязную одежду» весьма существенно отличаются один от другого. Отбелка тканей — особое ремесло, которое на современном таджикском языке называется «шустагари» и ничего общего не имеет с «джомашуи» — стиркой белья. Во время отбелки только что изготовленные ткани моются в специальных растворах и отбеливаются, в результате чего грубое, грязно-серое полотно становится белым, мягким и лощеным, как фабричная ткань. Это ремесло было распространено во многих городах Средней Азии до тех пор, пока существовало кустарное ткачество. Мастера-отбельщики за определенную плату обрабатывали ткани, только что изготовленные ткачами.

Отметим, что в старину словом «джома» называли не только сшитую одежду, халат, но также и все материи, предназначавшиеся для изготовления одежды. Авторы словарей, используя это значение слова «джома», объясняли термин «козар» как «стиральщик материй» (джомашукунанда), а «козари» — как «стирка материй» (джомашуи). В связи с этим некоторые исследователи, знающие только современное значение слова джома, понимают термин «козар» соответственно как «прачка», «стиральщик белья». Отсюда и ошибочное толкование профессии Муканны.

Автор или переводчик «Та'рихи Наршахи» так описывает Муканну со слов Мухаммада ибн Джарира Табари: «Был Муканна муж из сельских жителей Мерва, из селения, которое называют Каза, а имя его было Хашим ибн Хаким. И вначале занимался он отбелкой тканей, а после этого занялся изучением наук. И овладел он всевозможными науками, изучил магию и колдовство. Был он чрезвычайно сметлив, прочитал

множество книг по науке древних и стал великим искусником в делах волшебства...».

Хотя мы и не можем безоговорочно принять утверждения этого источника, основанные на сообщении другого исторического труда, приведенные выше строки со всей очевидностью свидетельствуют о том, что после работы отбельщиком тканей Муканна много занимался науками и стал одним из выдающихся ученых своего времени.

Мы не можем достаточно точно установить, когда именно закончил Муканна свое образование: до восстания Абумуслима или после него, перед тем, как выступить. Однако весь жизненный путь Муканны и историческая обстановка того времени, да и здравый смысл позволяют предположить, что еще в юности, в пору своей работы отбельщиком тканей, он получил какое-то начальное образование. Именно эти общие знания, накопленные им в детские и юношеские годы, расширили кругозор Муканны и пробудили в нем интерес к политическим событиям. Когда же он примкнул к восстанию Абумуслима, он еще отчетливее должен был почувствовать необходимость знаний и приложил еще больше усилия к получению широкого образования. Если повседневные дела в годы восстания Абумуслима, а затем и заключение в тюрьму в какой-то мере мешали его занятиям, то он мог продолжать свое образование после освобождения из тюрьмы вплоть до открытого выступления.

Хотя все данные свидетельствуют о разносторонних научных познаниях Муканны, многие авторы изображают его как простого фокусника или сказочного чародея. Изучая многочисленные науки, Муканна, очевидно, занимался также химией и физикой — дисциплинами, получившими широкое развитие в Хорасане и Мавераннахре задолго до распространения ислама. Но поскольку науки эти не стали еще в то время всеобщим достоянием, вполне возможно, что его физические и химические опыты представлялись невежественным наблюдателям «колдовством» и «чародейством», тем более что в колдовство верили почти все.

Это распространенное народное представление о Муканне как нельзя лучше подходило мусульманским авторам, враждебно относившимся к нему из-за анти-

мусульманского характера его восстания и стремившимся всячески очернить его. Именно поэтому они называют науки, которыми занимался Муканна, магией, колдовством и волшебством, а самого его изображают колдуном и чародеем.

В приведенном тексте особо отмечаются способности Муканны и изучение им многочисленных книг по наукам древних. Действительно, на древних языках (среднеперсидском и согдийском) было написано много книг, посвященных вопросам философии, литературы, истории, математики, физики, алхимии, медицины и других наук — как естественных, так и «магических».

«Чрезвычайно сметливый» Муканна, знавший древние языки и прочитавший много книг, несомненно, стал не фокусником, а именно большим ученым. Поэтому вполне понятно, что не только простой народ, но даже арабские полководцы и наместники, пораженные ученостью и познаниями Муканны, могли усматривать в результатах его научных опытов чудеса, колдовство и чародейство. Ведь в то время сочинения, посвященные естественным наукам, не были еще переведены на арабский язык, и единственными источниками науки считались тогда Коран и хадисы — предания о жизни пророка. Крупнейшими арабскими учеными признавались знатоки Корана и хадисов. Секретари и чиновники, которые вели счет доходам и расходам, а также везиры аббасидских халифов неизменно назначались из персидско-таджикской среды. Личным секретарем дяди Абулаббаса был ибн Мукаффа, который, как уже упоминалось, принял под его покровительством ислам и был выходцем из персидских зороастрийцев. Начиная с правления Абулаббаса Саффаха и вплоть до середины правления Харуна ар-Рашида везирами при халифах были дихканы из Балха, Бармакиды, управлявшие имуществом халифов и делами всех канцелярий. Выходец из иранских огнепоклонников, Фазл ибн Сахл был сначала личным секретарем сына Харуна ар-Рашида халифа Мамуна, под покровительством которого он принял ислам, а затем стал его везиром.

Автор «Та'рихи Наршахи» и другие мусульманские авторы изображали Муканну уродливым. Наршахи пишет: «Был он уродлив, плешив и крив на один глаз», а автор «Равзат ус-сафа» говорит о Муканне, что он

«был человечишко некрасивый, с отталкивающей наружностью». О причинах, по которым он стал известен под прозвищем «Муканна», составители хроник пишут, что он постоянно скрывал свое лицо под покрывалом*-маской, чтобы люди не видели его уродства, а автор «Равзат ус-сафа» утверждает, что эта маска была сделана из золота.

В человеческом обществе всегда бывали и есть некрасивые, уродливые люди. Встречались и существуют поныне не только одноглазые, но и совершенно слепые. Однако некрасивая внешность и слепота — не такое уж удивительное или отталкивающее явление, чтобы некрасивые или слепые люди вынуждены были скрываться под маской. Плешивость же скрывается от посторонних взоров под простой шапкой или тюбетейкой, а не под маской. Поэтому более близким к истине нам кажется следующее объяснение причин, заставивших Муканну носить маску.

По всей вероятности, в юности Муканна не прикрывал лицо маской. Однако, освободившись из тюрьмы Абуджа'фара ал-Мансура — второго аббасидского халифа и убийцы Абумуслима, куда он был заключен по обвинению в участии в мятеже, и приступив к тайной подготовке нового восстания против арабских захватчиков и ислама, он вынужден был надеть маску, чтобы изменить свою внешность, и таким образом избавиться от преследования халифских шпионов. Те же авторы, которые стремились изобразить Муканну отвратительным уродом, даже наличие маски тенденциозно использовали в этих целях.

2. Политическая деятельность Муканны и его последователи — «люди в белых одеждах»

В чем состояла политическая деятельность Муканны до начала подготовки Абумуслимом своего восстания, мы не знаем. Нам известно лишь, что Муканна установил связь с Абумуслимом. Об отношениях между Муканной и Абумуслимом Наршахи сообщает следующее: «...во времена главы проповеди Абумуслима Муканна был одним из его сархангов, и Абдуд-

жаббар стал везиром благодаря ему». Сарханг — предводитель небольшого военного отряда. Каждое войско имело своего главного военачальника, в подчинении которого находилось несколько сархангов, в зависимости от численности войска. Из приведенного текста явствует кроме того, что некий Абдуджаббар был назначен везиром Абумуслима благодаря поддержке и помощи Муканны. Это свидетельствует о большом авторитете и доверии, которым пользовался Муканна у Абумуслима.

В другом месте тот же автор относит Муканну к накибам Абумуслима. Это также говорит о его высоком авторитете. Согласно военной и гражданской терминологии феодального Востока, звание накиба носили наиболее влиятельные и мудрейшие люди племени. У Абумуслима было семьдесят накибов, с которыми он советовался по всем делам. По версии Наршахи, одним из них и был Муканна.

К сожалению, историки не приводят никаких подробностей относительно политической и военной деятельности Муканны в годы восстания Абумуслима. Вместе с тем упомянутый выше текст свидетельствует о том, что он, очевидно, совершил выдающиеся подвиги и играл в этом восстании значительную роль.

Говоря о деятельности Муканны после убийства Абумуслима, Наршахи пишет: «Он объявил себя пророком и некоторое время упорствовал в этом. Абуджа'фар послал людей, перевез его из Мерва в Багдад и заключил в тюрьму. Несколько лет он пробыл в тюрьме, а когда освободился, снова вернулся в Мерв». Авторы хроник, в том числе и Наршахи, не указывают, когда и на какой срок был заключен Муканна, однако, сопоставляя данные истории, мы можем, хотя и приблизительно, определить и время и срок заключения Муканны в тюрьму.

Из истории нам известно, что строительство Багдада было начато в 736 году и завершено в 767 году. Поскольку в приведенном тексте говорится, что Муканна был заключен в багдадскую тюрьму, это событие не могло произойти раньше 762 года, то есть до завершения строительства Багдада. Годы заключения Муканны не указаны, однако тот же автор, описывая конец его восстания, говорит, что оно продолжалось четырнадцать

лет и закончилось в 780 году В таком случае он должен был выйти из тюрьмы уже в 767 году.

Здесь возникает другое недоумение: если строительство Багдада было закончено в 767 году, то как мог Муканна оказаться в багдадской тюрьме еще до завершения постройки города? Недоумение это устраняется чрезвычайно просто: во время строительства Багдада, разумеется, в первую очередь должен был быть сооружен халифский дворец, а вместе с ним — как необходимая его часть — и тюрьма. Можно полагать, что в течение первых двух лет были построены и здания государственных канцелярий, и военные казармы. В таком случае халиф мог переехать в Багдад уже в 764 году, не дожидаясь завершения строительства всего города, а вместе с ним должны были быть перевезены в багдадскую тюрьму и заключенные.

На основании этих соображений мы можем предположить, что Муканна был заключен в багдадскую тюрьму приблизительно в 764 году и вышел из нее спустя три года, в 767 году. По возвращении в Мерв он уже с 767 года начал готовиться к решительному наступлению.

Не освещен историками также и вопрос о том, каким образом вышел Муканна из тюрьмы: бежал или получил помилование?

Трудно поверить, что Аббасиды могли отпустить хорасанского мятежника, к тому же соратника Абумуслима, по доброй воле, тем более после истории с Сумбадом-магом, восстание которого до основания потрясло арабское владычество. Поэтому более логичным и близким к действительности представляется предположение, что Муканна бежал из багдадской тюрьмы и, вернувшись в Мерв, стал тайно, скрываясь под маской, готовиться к осуществлению своих политических замыслов.

Именно жестокостью Абуджа'фара ал-Мансура по отношению к населению Хорасана, его непримиримой враждой к последователям Абумуслима и постоянным преследованием непокорных ему людей объясняется и то, что Муканна в течение девяти лет вел пропаганду тайно, не имея возможности выступить в открытом восстании. Только в конце 775 года, когда

умер Абуджа'фар и вместо него халифом стал его сын Махди, Муканна представился удобный случай для открытого выступления. По сравнению с отцом Махди был менее опытным правителем. Кроме того, после смерти одного халифа и вступления на престол другого в управлении государством возникли естественные осложнения. Поэтому через несколько месяцев после смерти Абуджа'фара ал-Мансура, в начале 776 года, Муканна призвал своих последователей начать восстание и сам выступил открыто.

О том, как Муканна пропагандировал свои идеи, авторы хроник приводят самые неправдоподобные сведения: по словам Наршахи, до заключения в тюрьму Муканна объявил себя, как уже отмечалось, пророком. Тот же автор описывает его деятельность по возвращении из тюрьмы: «...когда он освободился из тюрьмы, он вернулся в Мерв, собрал вокруг себя людей и сказал: «Знаете, кто я?» Они сказали: «Ты — Хашим ибн Хаким!» Он сказал: «Вы ошиблись, я — ваш бог и бог всего мира... Я тот, кто явился людям в облике Адама, и еще в облике Авраама, и еще в облике Моисея, и еще в облике Иисуса, и еще в том облике, в каком видите...»

Аналогичные истории рассказывает о Муканне и автор «Равзат ус-сафа», также приписывающий ему притязания на божественную сущность.

Из всего этого можно заключить, что Муканна, отрицая мусульманскую религию, выступал против ислама и иноземных завоевателей и призывал народ к вооруженному восстанию. Народные же массы, доведенные до отчаяния иноземным гнетом и теми несправедливостями, которые совершались под прикрытием ислама, быстро откликнулись на его призыв.

Вполне возможно, что, отрицая бога и всех пророков, Муканна обращался к народу с такими речами: «Мусульмане, вы считаете бога своим спасителем от страданий и мучений, а пророков — руководителями на пути к этому спасению, но ведь от этих же самых представителей мусульманской веры вы терпите мучения. Если же вы послушаетесь меня, я освобожу вас от этих страданий и мучений. И если есть бог-спаситель, то бог этот — я, и если есть пророк-руководитель, то пророк этот — я. Абумуслим хотел привести

вас к спасению, но его убили, и вместо него к спасению приведу вас я».

Народные массы Хорасана и Мавераннахра любили Абумуслима и считали его своим освободителем от иноземного ига. Будучи одним из воспитанников Абумуслима, Муканна тоже любил его. По словам автора «Равзат ус-сафа», он почитал Абумуслима выше пророка Мухаммада. Муканна считал себя продолжателем дела Абумуслима и ставил ту же цель, что и он: создание в Хорасане, Мавераннахре и других областях независимого иранского государства.

Однако Муканна не считал нужным прибегать к намеченному Абумуслимом промежуточному этапу (смене правящей арабской династии) и к избранным его предшественником окольным путям. Он сразу же открыто выступил против иноземных захватчиков и религии ислама.

По той же причине не стал Муканна и на путь Шарика ибн Шейха, который, принимая ислам, стремился лишь передать халифский престол от Аббасидов Алидам, а себя объявлял мессией. Если Шарику ибн Шейху и удалось привлечь при помощи этого призыва какую-то часть народа, то широкие массы за ним не пошли, и поэтому он не сумел развить свой мятеж.

Путь Сумбада-мага, говорившего мусульманам одно, а гербам — другое, или, иными словами, прибегавшего к хитростям и обману, Муканна также не счел для себя пригодным. Он открыто выступил против ислама и призвал людей, обращенных в мусульманство, отречься от этой религии, чтобы таким образом поднять на борьбу с захватчиками, все население Хорасана.

В введении мы показали, как местные властители, сохранившие за собой свои владения (подобно бухархудату Тахшаде), помогали завоевателям грабить местное население и сами участвовали в этом ограблении. Приводились также примеры, показывающие, как местные богачи и крупные землевладельцы во время восстаний выступали против своего народа, поддерживая захватчиков. Вспомним хотя бы отказ семисот бухарских дихканов предоставить повстанцам продовольствие и фураж, которыми они в то же время снабжали арабское войско.

Поднимая восстание, Муканна учел и этот момент.

Он разрешил своим последователям грабить имущество подобных людей и безжалостно уничтожать всех сопротивляющихся.

Возвратясь из тюрьмы в Мерв, Муканна успешно развил там пропаганду своих идей, и многие жители этого города тайно перешли на его сторону. Отобрав верных людей, он разослал их во все концы страны в качестве своих «даи» и с их помощью повсюду привлекал народ на свою сторону.

В мерве жил некий человек по имени Абдаллах ибн Омар. Он примкнул к Муканне и отдал ему в жены свою дочь. Муканна направил его своим эмиссаром в Мавераннахр. В Мавераннахре Абдаллах ибн Омар с большим успехом распространял идеи Муканны. После того, как ему удалось привлечь на свою сторону многих жителей Кеша (ныне Шахрисябза), он захватил расположенное поблизости селение Шевандж. Жители этого селения единодушно отреклись от ислама, убили назначенного арабами управителя и избрали своим правителем Абдаллаха ибн Омара.

За короткое время Абдаллах заручился поддержкой всего населения Кеша и Нахшаба, отобрал наиболее влиятельных людей и, назначив их своими эмиссарами, отправил в сельские округи Бухары и Самаркандского Согда*. В результате деятельности этих эмиссаров жители многих селений Бухары и Самарканда, отойдя от ислама, приняли программу восстания.

Таким образом, еще до открытого вступления на политическую арену самого Муканны его многочисленные последователи захватили власть в селениях и некоторых городах, расположенных вдали от арабских военных центров, наводя страх на захватчиков и серьезно угрожая устоям ислама.

Мы уже упоминали, что в начале восстания Абумуслим облачился в черные одежды и приказал надеть такие же одежды всем своим последователям. В результате черный цвет стал официальным цветом одежды Аббасидов, их чиновников, воинов и всех сторонников этой династии. Свое официальное значение этот цвет сохранил и после убийства Абумуслима. Муканна, который окончательно отрекся от Аббасидов, после того, как они предательски убили Абумуслима, противопоставил этому символу их власти белый цвет. Он

приказал своим сторонникам облачаться в белые одежды, ставшие с тех пор признаком принадлежности к движению Муканны. Поэтому в историю сторонники Муканны вошли под прозвищем «люди в белых одеждах» (сафедджамагон»).

III ОТКРЫТОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ МУКАННЫ

Как ни скрывался Муканна в Хорасане, дело его приобрело известность. Наместник Хорасана Хамид ибн Кахтаба приказал разыскать его, схватить и бросить в тюрьму. Муканна в это время находился в Мерве. Когда усилились преследования со стороны хорасанского наместника и его шпионов, он покинул Мерв и укрылся в своем родном селении Каза. Поскольку ему было ясно, что в конце концов его разыщут соглядатаи наместника, он решил переправиться через Аму-Дарью и уйти в Мавераннахр. Он знал, что там много его сторонников и что оттуда он сможет начать открытое выступление.

Наместник Хорасана Хамид ибн Кахтаба предполагал, что Муканна может попытаться бежать в Мавераннахр. Учитывая эту возможность он на всех переправах расставил караульных, кроме того, приказал сотне всадников патрулировать берега Аму-Дарьи, чтобы не дать Муканне переправиться в каком-нибудь неизвестном месте.

Муканна с близкими ему людьми подошел к берегу реки и укрылся там, дожидаясь удобного момента для переправы. Его спутники нашли подходящее место, незаметное для преследователей, построили плот, на котором Муканна и переправился через реку вместе с друзьями. Произошло это в начале 776 года.

Затем Муканна направился в Нахшаб, находившийся неподалеку от берега реки и, отдав необходимые распоряжения сторонникам восстания, отбыл в Кеш. В этом городе он также убедился, что обстановка благоприятствует его намерениям. И в Нахшабе, и в Кеше власть была в руках «людей в белых одеждах», руководил ими Абдаллах ибн Омар. Здесь Муканна уже не прятался. Он разъезжал открыто как могучий полководец или признанный повелитель. В этих местах Муканна задумал построить для себя главную

базу — неприступную крепость, к которой врагам было бы нелегко подступить. Объездив с этой целью Гиссарский хребет, он нашел наиболее подходящей для строительства крепости гору Сиям, на которой стоял старинный замок.

У вершины горы была расположена ровная и просторная терраса с плодородной почвой, источниками ключевой воды, покрытая плодовыми деревьями. Самая вершина, поднимавшаяся над террасой, также имела ровную площадку с ключевой водой и была пригодна для постройки. На ней находились развалины старой крепости.

По приказу Муканны его люди возвели вокруг нижней террасы прочную высокую каменную стену. Поднявшаяся над естественной стеной горного склона крепостная стена образовала грозное, труднодоступное укрепление. Кроме того, стеной была опоясана и вершина горы, на которой находилась цитадель (Арк), предназначенная для самого Муканны. Простые люди, беззаветно преданные Муканне, быстро доставив строительные орудия и материалы, возвели внутри этих стен необходимые постройки и обеспечили крепость продовольствием и всем, что могло бы понадобиться ее обитателям в течение нескольких лет.

Внешняя крепость предназначалась для военачальников и воинов Муканны, а Арк, как уже отмечалось, должен был служить его личной резиденцией. Сидя в крепости, Муканна руководил своими приверженцами в Мавераннахре и рассылал во все концы гонцов с приказами, распоряжениями и посланиями.

Тем временем многочисленные группы «людей в белых одеждах» появились в сельской округе Бухары. Вначале они захватили селение Умуджкант, сейчас называемое Кумушкантом, и сделали его центром своего движения. Затем, захватив расположенное западнее Вабкента селение Наршах, поныне носящее это название, они построили там прочную крепость и перевели туда свой центр.

Бухарскими «людьми в белых одеждах» от Муканны руководил бухарец Хаким, в подчинении которого были три сарханга, двое из них — Хашари и Боки — были родом из селения Кушки Хазл, а третий — Гурдак — из селения Гиждуван. По словам Наршахи, все трое

были «люди боевые, беспутные гуляки и разбойники». Хотя Наршахи, желая очернить этих сархангов, и назвал их «разбойниками», он все же не мог отрицать, что они были мужественными, бесстрашными людьми, в одиночку способными на смелые боевые дела. Эта двусмысленная характеристика, данная сархангам Муканны мусульманским автором, который с непримиримой враждебностью относился к Муканне и его сторонникам, свидетельствует о том, что они были незаурядными храбрецами.

1. Борьба наместника Бухары и войск халифа с бухарскими «людьми в белых одеждах»

«Люди в белых одеждах» захватили в свои руки власть во всех селениях Бухары. Выполняя указания Муканны, они насильно отбирали имущество у богачей и дихканов, оказывавших поддержку иноземным захватчикам или подозревавшихся в этом, а всех сопротивлявшихся уничтожали. Хусейн ибн Мааз, бывший в то время наместником Бухары, не решался вступить в борьбу с ними. Настал, однако, момент, когда напуганные действиями «людей в белых одеждах» представители местной аристократии собрались в Бухаре и потребовали от наместника решительных действий против повстанцев, пообещав ему принять участие в этой борьбе.

Тогда Хусейн ибн Мааз в сопровождении бухарского казия Амра ибн Омара и людей, требовавших войны с повстанцами, выступил во главе своего войска против Наршаха. Это произошло в 776 году, в месяце раджаб*.

У крепости Наршах между войском наместника и «людьми в белых одеждах» завязался бой. Однако в этом бою ни наместник, ни повстанцы, которые не успели еще достаточно подготовиться к войне, не сумели добиться решительного превосходства. Обе стороны согласились на мир. В договоре было записано, что «люди в белых одеждах» отныне не будут грабить имущество людей (то есть богачей), не станут причинять вреда мусульманам (то есть арабам) и, сложив оружие, разойдутся по своим селам.

Удовлетворенный этим Хусейн ибн Мааз возвра-

тился с войском в Бухару, но, по словам Наршахи, «когда мусульмане ушли, они (то есть «люди в белых одеждах») нарушили тот договор» и по-прежнему продолжали свое дело.

Положение Муканны в крепости на горе Сиям значительно упрочилось. Крепость его была полна воинами, обеспечена оружием и продовольствием. Несколько раз к ней подходило войско из Мерва, но каждый раз, потерпев поражение, вынуждено было отступить. Как говорит Наршахи, «возникла опасность, что ислам будет уничтожен, а вера Муканны распространится по всему миру».

Узнав об этих событиях, Махди — третий аббасидский халиф — серьезно встревожился. Во главе многочисленной армии он прибыл в Нишапур и оттуда направил против Муканны войско под командованием Джабраила ибн Яхьи. Джабраил пришел в Вухару, разбил лагерь у Самаркандских ворот и решил здесь как следует подготовиться к выступлению в поход на крепость Муканны. Однако бухарский наместник Хусейн ибн Мааз не одобрил этот план Джабраила ибн Яхьи и предложил ему вместе с ним идти в Наршах, чтобы уничтожить повстанцев Бухары. «После уничтожения здешних «людей в белых одеждах»,— говорил он Джабраилу,— я пойду вместе с тобой и против Муканны, тогда нам будет легче уничтожить его».

Джабраил ибн Яхья принял предложение Хусейна ибн Мааза, и, объединив свои войска, они подступили к Наршаху. Неподалеку от крепости повстанцев Джабраил распорядился разбить лагерь, окопав его для безопасности глубоким рвом. Он приказал своим солдатам быть особенно бдительными по ночам, чтобы не допустить ночных вылазок «людей в белых одеждах». Однако, несмотря на эти меры предосторожности, повстанцы ворвались ночью в лагерь арабов, многих воинов перебили, а лагерь разграбили и разрушили.

Джабраил, разгневанный происшедшим, собрался после первой же ночи осады покинуть Хусейна ибн Мааза и выступить к крепости Муканны на горе Сиям, но Хусейн снабдил его войско имуществом и деньгами, успокоив таким образом Джабраила, и уговорил остаться и продолжать войну с повстанцами.

Джабраил и на этот раз поддался на уговоры Ху-

сейна. Осада Наршаха продолжалась четыре месяца. Каждый день с утра до вечера шли упорные бои, из которых повстанцы неизменно выходили победителями. «Люди в белых одеждах» прятались в окопах и за стенами крепости и осыпали противника стрелами, сами при этом оставаясь под надежной защитой от вражеских стрел. Кроме того, время от времени они совершали внезапные вылазки, наносившие противнику большой урон и расстраивавшие его ряды. Когда арабские воины, оправившись от неожиданности, снова выстраивались для продолжения боя, повстанцы отступали в крепость и, засев со своими луками на стенах, начинали новую смертоносную стрельбу. Наршахи, родившийся в селении Наршах спустя непродолжительное время после описываемых событий, так рассказывал об этой четырехмесячной войне: «Не было дня, чтобы «людям в белых одеждах» не сопутствовала победа».

Воины Джабраила и Хусейна ибн Мааза устали от этой затянувшейся войны, приносившей им одни поражения. Для того чтобы победить, они должны были захватить крепость, а это им никак не удавалось. Если их воины, атакуя врага, подступали к стенам крепости, часть из них погибала от метких стрел еще на пути к крепости, а остальных сокрушали камни и стрелы, пока они карабкались на стены; если же воинам, установив катапульты, удавалось издали разрушить стену в каком-нибудь месте, повстанцы немедленно восстанавливали ее, и она становилась такой же прочной, как и прежде.

Предводители арабского войска стали изыскивать новые пути для взятия крепости. По приказу одного из сархангов Джабраила Малика ибн Хазима от лагеря до крепостной стены был прорыт подкоп, затем он был продолжен под стеной до одной из башен на протяжении пятидесяти газов. Чтобы стена не обрушилась на головы работавшим и тайна преждевременно не раскрылась, под стену подвели деревянные подпорки. Когда подкоп был закончен, подпорки, удерживавшие стену, обложили хворостом и дровами, облили нефтью и подожгли. По замыслу Малика, подпорки должны были сгореть, а стена обрушиться и образовать брешь шириной в пятьдесят газов. Однако огонь не разгорелся, потому что в подкопе не хватило воздуха

для поддержания пламени. Тогда осаждающие пустили в ход катапульты. Тяжелыми камнями они стали обстреливать тот участок у подножия стены, где был прорыт подкоп. Под ударами камней одно из мест подкопа обвалилось, и в образовавшуюся щель стал проходить воздух. Вновь подожженные подпорки загорелись, и стена рухнула, открыв широкий пролом.

Воины Джабраила и Хусейна, обнажив мечи, ворвались в крепость. Разгорелся жестокий, кровопролитный бой. Обе стороны понесли огромные потери, но, поскольку «людей в белых одеждах» было меньше, чем арабских воинов, в результате боя их осталось совсем мало и они согласились на условия противника.

Основные условия мира были таковы: «Люди в белых одеждах» не должны беспокоить мусульман (то есть арабов), посягать на их жизнь и имущество; отныне им не разрешается носить оружие; своих предводителей они должны передать арабскому военачальнику, чтобы тот отправил их к халифу, а сами — разойтись по селам.

В соответствии с этим договором повстанцы вышли из крепости, пересекли ров и вступили в арабский лагерь. Однако они захватили с собой спрятанное под одеждой оружие. Предводителя повстанцев Хакима Джабраил передал своему сыну Аббасу, чтобы тот отвел его в шатер, и тайно приказал сыну убить его. Аббас увел Хакима, а Джабраил удалился в богатый и просторный шатер.

Опасаясь за жизнь Хакима, повстанцы направили к Джабраилу Хашари, чтобы тот сообщил ему, что они не оставят Хакима одного. Когда Хашари прискакал к Джабраилу, Аббас уже убил Хакима, и Джабраил тут же приказал стащить Хашари с коня и убить на месте. Увидев это, повстанцы с громкими криками обнажили спрятанное оружие и бросились на воинов Джабраила. Этот бой был еще более жестоким, чем предыдущий. Он закончился почти полным истреблением «людей в белых одеждах». Убит был и второй их сарханг — Боки. Немногие оставшиеся в живых скрылись в укромных местах, а спасшийся Гурдак бежал в крепость Сиям к Муканне.

В Наршахе жила женщина, муж которой, Сарв, был одним из сархангов Абумуслима. Арабские воины зах-

ватили эту женщину вместе со слепым двоюродным братом и привели к Джабраилу. Джабраил предложил им покаяться в поддержке Муканны и вернуться к мусульманству. Они отказались, и по приказу Джабраила женщину разрубили пополам, а слепого обезглавили. На этом война в Наршахе закончилась. Однако большинство сельских жителей Бухары по-прежнему оставалось сторонниками и последователями Муканны. Они смирились лишь внешне.

2. Борьба арабских военачальников с «людьми в белых одеждах» Самаркандского Согда

Покончив с повстанцами Наршаха, Джабраил двинулся на Самаркандский Согд, чтобы и там подавить движение «людей в белых одеждах». К тому времени повстанцы укрепились в Самаркандском Согде, в их руках был и сам Самарканд, а их ряды пополнились бежавшими к ним уцелевшими бухарскими «людьми в белых одеждах».

В этот поход Джабраил захватил отрубленные головы предводителей повстанцев, убитых в Наршахе, чтобы их вид устрашил самаркандских «людей в белых одеждах» и ускорил победу арабского войска.

Предводителем самаркандских повстанцев был согдиец Саад — один из накибов Муканны. Командуя «людьми в белых одеждах», он дал Джабраилу несколько жестоких сражений, в которых победителями чаще всего оставались повстанцы. После долгих и упорных боев в одной из схваток Саад был убит. «Люди в белых одеждах» рассеялись. Часть их ушла в Самарканд и там стала готовиться к продолжению войны с захватчиками.

Джабраил подступил к Самарканду, но как он ни старался, ему ничего не удалось сделать с этим городом. Между тем разбежавшиеся повстанцы снова соединились в Самаркандском Согде и завладели многими селениями. Связь Джабраила с Бухарой и Хорасаном была прервана, и он оказался чуть ли не в окружении. Ему приходилось с боями переходить от селения к селению, от крепости к крепости. В одной из сельских крепостей Самарканда был захвачен «людьми в белых одеждах» и убит его брат Язид ибн Яхья.

Халиф Махди отправлял из Нишапура все новые

и новые силы для борьбы с Муканной и его последователями. Часть этих сил задерживалась в селениях, вступая в бой с отдельными отрядами повстанцев, но часть все же добиралась до Джабраила.

Когда силы завоевателей в Мавераннахре стали возрастать, Муканна обратился за помощью к тюркам. Тюрки выделили большой отряд всадников, часть которого осталась, чтобы поддержать «людей в белых одеждах», а часть отправилась к Муканне в крепость на горе Сиям.

Махди в это время назначил своим наместником в Хорасане Мааза ибн Муслима и приказал ему выступить против Муканны и «людей в белых одеждах». Приехав в 778 году в Мерв и уладив там свои дела, Мааз выступил с большим войском в Бухару.

В Бухаре к нему присоединились пятьсот семьдесят дихканов. По приказу Мааза было изготовлено разнообразное оружие: мечи, палицы, секиры, катапульты. Все это погрузили на специальные арбы. Кроме того, Мааз распорядился, чтобы в войско включили три тысячи мастеров самых различных специальностей, которые могли понадобиться во время похода.

Закончив все приготовления, Мааз ибн Муслим выступил против Самаркандского Согда, где собралось много «людей в белых одеждах», получивших к тому же и помощь от тюрок. С собой в поход Мааз вызвал правителя Герата Саида, которому надлежало поддержать его во время боев. Саид прибыл со своим войском, пригнав при этом десять тысяч овец, которых он собирался выгодно продать в Самарканде. Мааз посоветовал ему оставить этих овец в Бухаре или продать их ему самому, чтобы овцы не стали добычей тюрок, но Саид не согласился и погнал стадо с собой в поход. В походе Саид ехал впереди, а за ним сто человек гнали овец. В пути на него напали тюрки. Они перебили многих его людей и угнали стадо. Мааз выслал в погоню отряд воинов, но отбить овец так и не удалось: потеряв часть воинов, отряд поспешно отступил к своей армии.

Придя в Самаркандский Согд, Мааз ибн Муслим вступил в жестокие, кровопролитные бои с повстанцами и тюрками, нанес им большие потери, но добиться окончательной победы не смог. Тогда он оставил часть сво-

ей армии в помощь Джабраилу ибн Яхье, а с оставшимся войском двинулся к крепости Муканны. Не доходя до крепости, он направил к Муканне посланца, чтобы уговорить его сдаться и принять ислам.

Возвратившись от Муканны, посланец рассказал: «Я добрался до крепости. Путь туда тяжелый. В крепости меня держали один день, потом пришел какой-то человек и повел меня с собой. Увидел я комнату, украшенную шелками и задрапированную, а в дверях ее стоял раб. Он спросил: «Господин говорит: зачем ты пришел?» Я ответил: «Буду призывать его к мусульманству». И сколько я ни поучал, он упорствовал все больше. Тогда я приготовился к смерти, решив, что он меня убьет. Потом, не дослушав до конца, он отвел меня к начальнику крепости и сказал: «Отправь его под конвоем, чтобы никто не причинил ему вреда».

Мааз ибн Муслим и Саид безуспешно атаковали крепость с двух сторон. Осада продолжалась до зимы, а когда наступила зима, арабские воины не вынесли холодов. Мааз приказал Саиду идти в Балх и там готовиться к боям, а весной снова выступить для продолжения войны. Сам же он возвратился в Самаркандский Согд.

В Самарканде упорные бои также не принесли успеха Маазу ибн Муслиму, и, устав от безрезультатной двухлетней войны, он попросил халифа освободить его от обязанностей наместника Хорасана и главнокомандующего. Вместо Мааза в Хорасан был назначен Мусайяб ибн Зухайр. Новый наместник, обеспечив в Мерве свое войско оружием и боевым снаряжением, выступил в Бухару и прибыл в этот город в 780 году (в месяце раджабе).

Тем временем «люди в белых одеждах» появились в Хорезме. На борьбу с ними Мусайяб отправил наместника Бухары Джунайда ибн Халида. В эти дни в Бухаре находился один из сархангов Муканны Гардункин — (иначе — Кулартегин), тайно собиравший рассеявшихся «людей в белых одеждах». Когда наместник Бухары ушел в Хорезм, он выступил открыто и захватил несколько селений. Тогда Мусайяб начал в Бухаре военные действия против Гардункина. После тяжелых боев ему удалось разгромить повстанцев, и он выступил на Самарканд, чтобы продолжить борьбу против

местных «людей в белых одеждах» и пришедших им на подмогу тюрок.

В Самарканде Джабраил все еще продолжал вести бои, по-прежнему приносившие ему то поражение, то успех. После прихода Мусайяба объединившиеся под его командованием арабские отряды значительно окрепли и смогли рассеять повстанцев.

Предводителя тюркского войска, прибывшего на помощь Муканне и самаркандским повстанцам, по свидетельству Табари, звали Фаллух-хаканом *. Поскольку он был убит в одном из боев, тюрки рассеялись и вернулись к себе на родину, после чего Самарканд и Самаркандский Согд, казалось, полностью перешли в руки чужеземных завоевателей.

IV ЖИЗНЬ МУКАННЫ В КРЕПОСТИ СИЯМ И КОНЕЦ ЕГО ВОССТАНИЯ

1. Легенды о жизни Муканны

Авторы исторических хроник приводят сказочное описание жизни Муканны в крепости Сиям. Согласно версии, которую автор «Равзат ус-сафа» пересказывает по хронике Хафиза Абру*, Муканна якобы «в крепости Кеша при помощи какой-то премудрости сделал так, что на протяжении шестидесяти суток с начала мая в небе каждую ночь появлялась луна, заметная на расстоянии трех дней пути». Уже не ссылаясь на источник, тот же автор сообщает: «Муканна в совершенстве овладел искусством магии и волшебства. Так, он при помощи талисмана каждую ночь поднимал из колодца в Нахшабе какое-то сияющее круглое тело, свет которого распространялся на площади в два фарсаха на два фарсаха».

По сути дела, обе эти версии сообщают об одном и том же явлении. Разница лишь в том, что, согласно первой, Муканна якобы поднимал из своей крепости в Кеше луну, светившую в течение двух летних месяцев и заметную на расстоянии трехдневного пути (то есть ста сорока километров), а согласно второй версии, он поднимал нечто похожее на луну из колодца в Нахшабе*, причем свет этого тела распространялся в радиусе шестнадцати километров.

Насколько безосновательны и легендарны эти версии, можно судить хотя бы по тому, что обе они с их

противоречивыми деталями и расхождениями в определении силы света «лунообразного тела» приводятся одним и тем же автором, на одной и той же странице его книги.

Наиболее достоверным источником для выяснения истории Муканны является арабский подлинник «Та-рихи Наршахи» — труда, составленного Мухаммадом ибн Джа'фаром Наршахи в 944 году. Книга эта была написана на несколько веков раньше «Равзат ус-сафа» и «Та'рихи Хафиза Абру», а автор ее происходил из селения, с которым связана часть важнейших событий движения «людей в белых одеждах».

Мухаммад ибн Джа'фар рассказывает одну легенду, которая, вполне возможно, легла в основу легенды о луне из Нахшаба. Содержание легенды таково: «Пятьдесят тысяч воинов Муканны — жители Мавераннахра и тюрки — собрались у ворот его крепости, пали ниц и изъявили желание увидеть своего вождя. Он отверг их просьбы и приказал стражнику: «Скажи моим рабам, что они не в состоянии лицезреть меня. Каждый, кто увидит меня, сразу же умрет».

Они стали молить и плакать: «Мы хотим видеть его, даже если нам угрожает смерть». Муканна сказал: «Пусть приходят в такой-то день, я покажусь им».

Когда наступил назначенный день, Муканна приказал ста женщинам, жившим у него в крепости: «Пусть каждая из вас возьмет зеркало, и когда взойдет солнце, да будут все зеркала направлены друг на друга». Солнце взошло, и сто зеркал одновременно бросили блики на землю. Когда люди, жаждавшие увидеть Муканну и терпеливо смотревшие на крепость, увидели этот блеск зеркал, они испугались, пали ниц и сказали: «С нас достаточно того могущества и величия, которое мы увидели».

По всей вероятности, вначале, в более близкие к Муканне времена, появилась легенда о ста женщинах с зеркалами. Разумеется, в том, что зеркала бросают на землю солнечные блики, нет ничего противоестественного. Однако годы шли, все дальше уходило в прошлое время Муканны, больше возможностей становилось для различных вымыслов, и тогда была придумана сказка о луне из нахшабского колодца или о появлении на небе лунообразного тела.

На основании всех этих легенд и сказок можно высказать следующее предположение: занимаясь многими науками по книгам древних авторов, Муканна мог построить в своей крепости на горе Сиям давно известный в странах Востока прожектор, для действия которого применялись сера и другие вещества. Не исключено, что для усиления этого прожектора Муканна окружил его с трех сторон зеркалами, в результате чего получившийся свет, как в люстре, стал в несколько раз сильнее и отбрасывался в разные стороны. Поскольку внутренняя крепость Муканны находилась на вершине горы, вполне вероятно, что свет этого прожектора был виден на большом расстоянии.

Если в действительности все было так, как мы предполагаем, враги Муканны, конечно, не преминули использовать этот факт и изобразить его как проявления черной магии и волшебства, а мусульманские авторы без каких-либо оговорок включили эти россказни в свои сочинения. Что же касается рядовых последователей Муканны, считавших его своим освободителем и предводителем на пути в рай свободы и мира, то они, приписывая ему сверхъестественные средства и не видя его лица, приняли этот прожектор за одно из сотворенных им чудес, за признак присущего ему могущества и сияние его «божественного лика».

2. Решительные бои арабских войск против Муканны на горе Сиям

Пока «люди в белых одеждах» обладали большой силой в Бухаре и Самарканде, арабские военачальники не считали целесообразным, да и не могли атаковать главную крепость Муканны на горе Сиям. Несколько раз они нападали на крепость после того, как самаркандские повстанцы были уже ослаблены, но, не добившись никаких результатов, всякий раз уходили прочь. Одним из таких неудачных походов была описанная нами выше кампания Мааза ибн Муслима и Саида, закончившаяся с наступлением зимних холодов.

Когда в Самарканде и Бухаре «люди в белых одеждах» были окончательно побеждены, а поддерживавшие их тюркские отряды, потерпев поражение, ушли, халиф Махди направил все силы на захват крепос-

ти и самого Муканны, назначив в этой войне главным наместника Герата Саида ал-Хараши. Он приказал Саиду построить у горы Сиям жилые дома, дворцы, бани и другие здания, необходимые для постоянной жизни в этих местах, и оставаться там летом и зимой, заключив крепость в кольцо, как камень в перстне.

Саид получил этот приказ халифа после того, как, расставшись с Маазом ибн Муслимом, вернулся в Балх. Здесь он за зиму подготовил все материалы и снаряжение, которые могли понадобиться для выполнения халифского приказа, а весной, придя к горе Сиям, начал строительство и воздвиг там новый город, готовясь к длительному пребыванию в нем со своим войском.

К этому времени в крепости Муканны остались незначительные боевые силы: часть войска повстанцев была уничтожена в боях за Нахшаб, Кеш и Самарканд, а другую часть составляли тюрки, вернувшиеся к себе на родину после гибели Фаллух-хакана. Положение защитников крепости в связи с этим стало ухудшаться: ежедневные схватки уносили все новых и новых воинов, таяли изо дня в день запасы оружия и продовольствия. Хотя Саид также терял в боях своих воинов, он имел возможность взамен убитых получить новые силы и пользовался этой возможностью. Для Муканны же дороги со всех сторон были отрезаны.

Кроме того, заметно изменилось отношение народа к Муканне за пределами его крепости, причем далеко не в его пользу. Причиной тому послужило данное им в свое время разрешение «людям в белых одеждах» грабить имущество каждого, кто не подчинится ему и будет помогать или сочувствовать арабским войскам, а также право убивать сопротивляющихся. Тюркские воины, пришедшие на помощь Муканне по его призыву, воспользовались разрешением грабить непокорных для повальных грабежей. Народ воспринял эти грабежи как прямое осуществление приказа Муканны. Так, Наршахи пишет: «Муканна призвал тюрок и сделал для них позволенными имущество и кровь мусульман. И пришло из Туркестана многочисленное войско в жажде наживы, и грабили они целые области, и убивали, и уводили с собой жен и детей мусульман».

Конечно, не все ограбленные и убитые были арабами; большей частью это были местные жители, для

которых религия ислама еще не стала традиционной верой дедов. Большинство из них вначале сочувствовало Муканне и «людям в белых одеждах» и считало Муканну своим освободителем от гнета чужеземцев. Разница между ними и «людьми в белых одеждах» заключалась в том, что повстанцы, будучи отважными людьми, открыто отреклись от ислама и выступили против его представителей, против завоевателей. Они же внешне еще признавали себя мусульманами.

Рассказывая о боях за Самарканд, Табари пишет: «Тюрки применили хитрость, вошли в Самарканд и учинили грабеж и убийства». Между тем в начале выступления Муканны самаркандцы присоединились к «людям в белых одеждах». На протяжении нескольких лет они удерживали город от сдачи Джабраилу ибн Яхье, который сумел захватить Самарканд только после того, как получил новое подкрепление. Тюркские воины, принявшие по призыву Муканны участие в боях с Джабраилом в сельской округе Самарканда, после одного из сражений, в котором было разбито войско Джабраила, вступили в город и подвергли его грабежу.

Подобные факты не могли не повлиять на настроения жителей Мавераннахра, все с меньшим сочувствием относившихся к Муканне.

Эти настроения, распространившиеся за пределами крепости, оказывали свое влияние и на воинов Муканны, защищавших его твердыню. Они сражались уже без энтузиазма. И вот произошло событие, послужившее причиной полного разгрома главных боевых сил Муканны: завоевателям удалось организовать убийство сипахсалара * повстанческой армии.

Сипахсалар этот был отважным и опытным человеком. Он лично участвовал в боях против халифских войск в Карши, Шахрисябзе и Самарканде. За четыре года он разгромил несколько арабских армий и довел до отчаяния их военачальников. Многие арабские полководцы, не сумев справиться с ним, добровольно отказывались от командования и наместничества или снимались с этих должностей халифом. Разумеется, убийство такого человека, особенно в момент, когда войско Муканны было уже ослаблено, не могло пройти и не прошло бесследно.

Произошло это так. Саид решил убить сипахсалара,

чтобы окончательно разгромить Муканну. Для этого он стал искать человека, готового пожертвовать своей жизнью. В войске Саида был человек по имени Джабир ибн Ахаб, вызвавшийся осуществить задуманный план. Это был бесстрашный воин, умевший взбираться на высокие и отвесные стены. В помощь себе он взял двух других воинов, также искусных в преодолении стен. Ночью, когда стража крепости спала (что уже само по себе свидетельствовало о беспечности), трое воинов поднялись на стену, проникли в крепость, отсекли голову спавшему сипахсалару и возвратились с ней к Саиду.

Узнав о случившемся, Муканна был глубоко потрясен. Взамен убитого он назначил сипахсаларом человека по имени Сарджам, но тот не проявил большого мужества. На условиях сохранения свободы ему самому и его воинам, которых к тому времени оставалось всего три тысячи, он сдался врагу. Таким образом, внешняя крепость оказалась в руках Саида, и бои за крепость Сиям окончились.

3. Конец Муканны

Узнав, что воины его сдались и внешняя крепость захвачена врагами, Муканна окончательно убедился в крушении своего дела.

Авторы исторических хроник так описывают заключительные события этой эпопеи.

По словам автора «Равзат ус-сафа», Муканна, не сомневаясь в неизбежности своей гибели, собрал близких ему людей, напоил их отравленным вином, а затем сжег их тела. Сам же опустился в хум (большой глиняный кувшин) с кислотой и растворился в ней, однако волосы его остались на поверхности, потому что кислота их не растворила. В том же помещении находилась невольница, которая, поняв, что вино отравлено, не выпила его и спряталась в темном углу. Она открыла Саиду ворота внутренней крепости и рассказала о случившемся.

Автор «Та'рихи Табари» говорит, что во внутренней крепости с Муканной были сто его жен и слуга по имени Тадран. Когда Муканна увидел, что дела его плохи, он заставил своих жен выпить отравленное вино, и они все одновременно умерли. Среди них была женщина по

имени Якута. Поняв, что вино отравлено, она не стала его пить, а вылила за ворот платья, но притворилась мертвой и, свалившись, осталась лежать среди трупов. Оставив жен, Муканна ударом меча убил и своего слугу Тадрана, а сам вошел в пылающую печь и сгорел дотла. Якута открыла ворота воинам Саида и рассказала им о происшедшем.

Мухаммад ибн Джа'фар Наршахи, сведения которого в событиях, связанных с Муканной, мы признали наиболее достоверными, так описывает конец Муканны со слов некоего Али ибн Харуна: «Али ибн Харун, один из дихканов Кеше, говорил: «Бабушка моя была в числе жен Муканны... Она рассказывала, что однажды Муканна, как всегда, усадил жен за трапезу с вином, а в вино насыпал яду. И каждый жене он дал отдельную чашу и сказал: когда я выпью свою чашу, вы все одновременно выпейте свои. Потом они выпили, а я не выпила, я вылила себе за ворот, он (Муканна.— *С. А.*) не заметил. И все жены упали и умерли. А он подошел к своему личному рабу, ударил его мечом и поднял его голову. По его приказу три дня топилась одна из печей. Прошло много времени, я подошла к печи и увидела, что от него ничего не осталось. И в крепости никого не осталось в живых».

Самоубийство Муканны Мухаммад ибн Джа'фар Наршахи объясняет так: «Причина, по которой он сам себя сжег, заключалась в том, что он всегда говорил: если мои рабы взбунтуются, я отправлюсь на небо, приведу оттуда ангелов и предам их каре». А далее Наршахи пишет: «Он сжег себя, и ничего от него не осталось, а они (последователи его.— *С. А.*) сказали: «Муканна отправился на небо и пришлет нам с неба помощь...».

Разумеется, мы не можем принять все эти версии в том виде, в каком они изложены упомянутыми авторами. Табари утверждает, что у Муканны было сто жен. Наршахи также пишет в одном из своих рассказов: «Муканна имел сто жен из числа женщин и девушек Согда, Кеша и Нахшаба. Обычай его был таков. где бы ему ни показали красивую женщину, он забирал ее и держал у себя».

История знает немало феодальных восточных государей, у которых было по сто и даже более жен. Одна-

ко мы не можем припомнить ни одного вождя народного восстания или мятежа, который отличался бы таким сластолюбием. Не мог быть сластолюбцем и Муканна, поставивший перед собой великие цели и поднявший во имя этих целей крупнейшее восстание в Хорасане и Мавераннахре. Если бы он действительно отдавался любовным утехам, ему не удалось бы увлечь за собой широкие народные массы. По-видимому, из этого и исходил автор «Равзат ус-сафа» Мирхонд, когда он не пересказал буквально версию о конце Муканны и его ста жен. Мирхонд пишет: «Муканна убил своих ближайших соратников, напоив их отравленным вином»; он говорит именно «соратников», а не «сто жен» или даже просто «жен». Между тем этот автор не проявлял особого недоверия ко всякого рода малоправдоподобным версиям.

Конечно, как уже говорилось, Муканна имел жену и семью и, согласно обычаям того времени, мог иметь несколько наложниц. В крепости вместе с ним должны были находиться и члены его семьи и наложницы. Кроме них, здесь могли быть и другие женщины — сто или даже больше. Но у нас нет никаких оснований считать всех этих женщин его женами.

Если допустить, что во внутренней крепости Муканны, кроме членов его семьи, жило много других женщин, то что это были за женщины и кто были их мужья? На этот вопрос отвечают исторические события. Внешнюю крепость Муканны защищало многочисленное войско «людей в белых одеждах». Разумеется, не все эти воины были холостяками. В боях за отдельные области и в столкновениях у самой крепости погибли многие военачальники и сарханги Муканны, и вдовы их после смерти мужей, разумеется, не выходили из крепости и не сдавались врагу. Когда внешняя крепость подверглась нападению, Муканна и его воины не могли оставить этих женщин и девушек под обстрелом вражеских катапульт, в постоянном страхе перед внезапным нападением врага. Поэтому их тоже могли поселить вместе с семьей Муканны в более безопасном месте — во внутренней крепости, в цитадели.

Вполне возможно, что предводители арабского войска и мусульманское духовенство, стремившееся изобразить Муканну безнравственным человеков, воспользо-

зовались этим и распространили слухи о том, что он посягает на честь простых людей и силой уводит красивых девушек и женщин. Затем эти россказни в том виде, в каком они передавались врагами Муканны, дошли уже и до составителей исторических хроник. Мусульманские же историки, будучи достаточно беспристрастными, пересказали эти вымышленные истории как реальные факты, включив их в свои сочинения.

Со времени гибели Муканны до написания «Та'рихи Наршахи» прошло сто шестьдесят восемь лет. Слушая рассказ Али ибн Харуна о событиях более чем полуторастолетней давности, автор этой книги мог либо воспринять его в искаженном виде, либо рассказчик, старый человек, не сумел передать ему все достаточно точно. Несомненно, что Али ибн Харун был к тому времени уже стариком, иначе он не мог бы говорить о случившемся сто шестьдесят восемь лет назад непосредственно со слов своей бабушки. При составлении книги этот уже измененный рассказ мог быть подвергнут дальнейшей редакции и приведен в соответствие с известными легендами.

Что же касается сообщений о том, что Муканна убил женщин, дав им выпить отравленное вино, а себя уничтожил в кислоте или сжег в раскаленной печи, то они, по-видимому, правдоподобны. Однако убийство женщин должно было совершиться не при помощи коварного обмана, а открыто и, вполне возможно, с их собственного согласия. Подобных случаев в истории мы встречали немало. Так, во время похода в Индию Тимур напал там на одну из крепостей, заселенную зороастрийцами. Когда войско Тимура, одержав победу, ворвалось в крепость, жители ее решили не сдаваться врагу. Мужчины собственными руками убили своих жен и детей, а затем до последнего вздоха сражались с воинами Тимура, и ни один из них не попал в руки врага живым. Автор «Равзат ус-сафаи Насири» *, Мирза Ризакулихан Хидаят, описывает более страшную трагедию, которая вместе с тем служит примером героизма женщин. Как сообщает автор, жители Фарса в годы царствования Мухаммад-шаха Каджара подняли восстание. После учиненных шахскими солдатами казней и убийств оставшиеся в живых повстанцы укрылись в крепости Гуляб в Лурисане. К крепости подошли солдаты шаха,

и здесь произошли жестокие бои. Как говорят, все мужчины были убиты. Предводитель восстания Лур Мухаммад Валихан сумел бежать вместе с сыновьями и двумя телохранителями. Оставшиеся в крепости лурские женщины не захотели сдаваться врагу. Они связали друг друга косами и все вместе бросились с крепостной стены вниз. Так, самоубийством, они спасли свою честь от надругательства врагов. Мирза Ризакулихан Хидаят так описывает эту ужасную трагедию: «Женщины луров, которые были в крепости, крепко привязали свои косы одну к другой и все вместе бросились с вершины крепости Гуляб. И умерли они одновременно, наложив клеймо на сердца солдат, полные тщетного вожделенья».

Арабские военачальники относились к своим пленным, особенно к женщинам и девушкам в Хорасане и Мавераннахре, еще более бесчеловечно и бессовестно. Любой воин из армии завоевателей мог позволить себе все, что угодно, по отношению к захваченной им женщине. Он мог сделать ее своей прислужницей, мог попирать ее честь, а если пленница надоедала ему, продать ее другому хозяину, тоже лишенному стыда и совести. И такую жизнь, исполненную бесчестья и позора, пленница должна была влачить до конца своих дней.

К женщинам из лагеря «людей в белых одеждах», особенно к находившимся под защитой Муканны, независимо от того, были ли они его женами или женами его сподвижников, чужеземные воины, одержав победу, отнеслись бы еще хуже. Поэтому сами эти женщины не согласились бы живыми попасть к ним в руки. Неужели жены таджикских мятежников — «людей в белых одеждах» — уступали женам мятежников луров в стойкости, отваге и стремлении сохранить свою честь?

Все эти соображения и исторические параллели еще раз подтверждают высказанное нами выше предположение, что Муканна должен был дать этим женщинам отравленное вино не тайно, а открыто, с их согласия. О том же свидетельствует и то, что бабушка Али ибн Харуна (или Якута) не выпила отравленное вино и осталась в живых, потому что, если бы Муканна тайно всыпал яд в вино и женщины не знали об этом, Якута тоже ничего бы не узнала и, выпив этот напиток как обычное вино, погибла бы вместе с другими женщинами.

Во всем этом остается еще один неясный пункт, требующий разъяснений: почему сам Муканна не покончил с собой, выпив вместе с женщинами отравленное вино? Зачем он бросился в сосуд с кислотой или в горящую печь?

Ответить на эти вопросы нетрудно: одержав победу, арабские захватчики мстили не только врагам, попавшим к ним в руки живыми; утоляя жажду мести, они издевались и над их трупами. Так, те самые сторонники Аббасидов, которые воевали с Муканной, после победы над Омейядами и свержения их с престола не только перебили вместе с женами и детьми всех Мерванитов, уцелевших в боях, но и извлекли из могил для надругательств останки давно умерших Омейядов и подвергли сожжению их истлевшие трупы.

Муканна знал об этих диких обычаях мести умершим и не хотел, чтобы его труп попал в руки врагов, подвергся надругательствам и послужил бы поводом для еще одного злобного торжества. Именно поэтому он полностью уничтожил себя, чтобы даже прах не достался врагам. Иными соображениями трудно объяснить причины, заставившие Муканну пойти на такой шаг. Невероятным представляется и утверждение автора «Та'рихи Наршахи», что Муканна сделал это для того, чтобы обмануть своих последователей. Вместе с тем широкие массы последователей Муканны, приписывавшие ему сверхъестественную, чудодейственную силу, после бесследного исчезновения его тела действительно решили, что он отправился за помощью на небо, и веря в это, укрепляли в своих сердцах надежду на отмщение захватчикам.

Как свидетельствует автор «Та'рихи Наршахи», «до сих пор эти люди (последователи Муканны.— *С. А.*) сохранились в области Кеша, в Нахшабе и в некоторых селениях Бухары, таких, как Кушки Омар, и в Кушки Кохештуван, и в Зазмане (современный кишлак Розмоз Вабкентского района.— *С. А.*)». Из этого свидетельства Мухаммада ибн Джа'фара Наршахи явствует, что вплоть до времени написания «Та'рихи Наршахи», то есть спустя сто шестьдесят восемь лет после смерти Муканны, еще сохранились его последователи и что любовь к Муканне прочно жила в сердцах простого люда.

Обычно мусульманские историки стремились припи-

сать Муканне и его последователям множество недостойных дел и поступков, чтобы очернить их в глазах людей. Но иногда эти авторы наряду с самыми жестокими порицаниями вставляли несколько слов, которые открывали вдумчивому читателю подлинную правду о Муканне и его сторонниках. Так, Наршахи, приписав последователям Муканны невероятное количество недостойных дел, под конец пишет: «Однако они достойны доверия (прямодушны, не способны на предательство)». В другом месте тот же автор, изобразив сторонников Муканны в самом неприглядном свете, заключает: «Однако же я не убедился в истинности этого дела, а рассказ этот я слышал от сельских старейшин и от людей, живущих в их селениях». Этими словами автор выражает сомнение в том, что он написал и, опасаясь критики вдумчивого читателя, не решается взять на себя ответственность за приведенное им сообщение.

То же самое мы находим и у автора «Та'рихи Табари», который, изображая Муканну чрезвычайно жестоким и кровожадным, тут же среди других эпизодов рассказывает приведенную нами выше историю посланца Мааза ибн Муслима. Несмотря на то, что этот посланец упорно оскорблял Муканну, последний не причинил ему никакого вреда и отправил его в сопровождении охраны. А ведь он был уже готов поплатиться жизнью за свое грубое поведение у Муканны.

Итак, внимательный анализ исторических данных приводит нас к следующему выводу: после девятилетней тайной подготовки и пяти лет открытой борьбы, то есть после четырнадцати лет, отданных восстанию против чужеземных захватчиков и ислама, исполненная волнений жизнь Муканны закончилась описанной выше трагедией.

* * *

Почему же Муканна не смог добиться решительного успеха и довести свое восстание до полной победы? Чем объяснить то, что, несмотря на захват большей части Мавераннахра и привлечение на свою сторону большинства местного населения, выдвинувшего в ряды повстанцев мужественных и беззаветно преданных воинов, он в конце концов все-таки был побежден?

По-видимому, поражение Муканны имело немало

причин, которые остались неизвестными из-за давности событий и неполноты дошедших до нас сведений. Однако есть среди них и такие, которые частично могут быть понятны каждому, кто представляет себе законы общественного развития, и такие, которые объясняются самым ходом описанных выше событий.

Причиной, вытекающей из законов общественного развития, было отсутствие в эпоху Муканны рабочего класса. В ту пору не было фабрик и заводов, а следовательно, и организованного пролетариата. Муканна опирался в основном на крестьянство — землепашцы, издольщики и мелкие землевладельцы, которые без руководства со стороны организованного пролетариата не могут превратиться в устойчивую революционную силу.

Большая часть дихканов и представителей других имущих сословий была на стороне врагов Муканны. Эти дихканы и богачи не только сами помогали иноземным захватчикам, но иногда заставляли и находившихся в зависимости от них простых людей оказывать помощь завоевателям (вспомним, например, как бухарская аристократия выделила в помощь Маазу ибн Муслиму три тысячи мастеров).

Некоторые дихканы перешли на сторону Муканны, но в большинстве своем это были дихканы из Шахрисябза и Карши, находившихся в непосредственной близости от крепости Муканны. Вполне возможно, что они стали «повстанцами» только для того, чтобы спасти свое имущество от разграбления «людьми в белых одеждах». Когда тюрки начали повальные грабежи, эти люди, конечно, раньше всех остальных отвернулись от Муканны. Тем более не могли они спокойно оставаться в Сияме и защищать крепость в то время, когда ее осадили победители-арабы: ведь все их недвижимое имущество (земля и сады) находилось по ту сторону стен, и если бы они не сдались, враги конфисковали бы это имущество. Именно таким дихканом был последний сипахсалар Муканны — Сарджам, который со своим трехтысячным войском предательски сдался захватчикам.

Помогали повстанцам Муканны тюркские воины. В первое время после своего прихода они неоднократно громили вражеское войско и содействовали успехам Муканны, но из-за разбоев и грабежей, которым они подвергали население Мавераннахра, сильно пострадал

авторитет Муканны и его сторонников. Кроме того, тюркские отряды не проявили стойкости в этой войне: после гибели Фаллух-хакана они возвратились к себе на родину.

Ход событий вскрывает и еще одну причину поражения Муканны, заключающуюся в том, что он не был стратегом. Будучи отважным воином, пламенным оратором, глубоко, образованным и смелым исследователем, он все же не обладал талантом полководца и дальновидного стратега. Так, в то время, когда бухарские «люди в белых одеждах» одни боролись в Наршахе с войском завоевателей, проявляя в этой борьбе высокую стойкость и самоотверженность, Муканна не оказал им ни материальной, ни военной поддержки. Повстанцы Наршаха свыше года отвлекали на себя основные силы врагов, четыре долгих месяца сражались они у одного небольшого селения, одерживая победу одновременно над двумя вражескими армиями. Если бы Муканна оказал повстанцам военную помощь, арабские войска, возможно, потерпели бы там решительное поражение.

Если бы Муканна добивался такого исхода или понимал его значение, он мог бы направить в Наршах крупные боевые силы. Ведь в то время в Нахшабе, Кеше, Самарканде и Самаркандском Согде не было войск завоевателей и все эти районы находились в руках «людей в белых одеждых». В этих условиях Муканна мог непрерывно посылать из перечисленных районов боевые силы в Наршах или любой другой пункт, в котором бухарские повстанцы развернули бы военные действия против врага. Тогда арабские воины, приходившие из далеких областей — от самого Багдада, бесследно растворялись бы в повстанческой армии, как снежинки, тающие на поверхности большого водоема.

Это отсутствие стратегических знаний и опыта у вождя повстанцев обусловило и то, что не было установлено необходимой связи между отдельными областями. Пока жители Наршаха сражались, их не поддерживал и Самаркандский Согд, спокойно дожидавшийся завершения осады Наршаха и ухода вражеских войск. Как говорится, «до удара молотом наковальня отдыхает».

Согласно некоторым версиям, после того как численность чужеземных войск в Самарканде возросла и они начали совершать набеги на Шахрисябз и Карши, Му-

канна сам отправился в Самарканд, где находился его главный военачальник, и послал в районы, захваченные врагом, отряды под командованием дихканов Сарджама, Джамчи, Хадждана и Нира. Кроме того, он приказал Гардункину возобновить в Бухаре организации «людей в белых одеждах». Однако все эти меры были уже «лекарством после смерти», все это нужно было делать до падения Наршаха, до того, как бухарские «люди в белых одеждах» потерпели решительное поражение.

Полководцы вражеской армии сумели использовать это обстоятельство. Сперва они порознь уничтожили повстанцев в отдельных районах, в течение четырех лет ведя непрерывные бои, а затем, когда тыл и фланги у них оказались очищенными, они плотно окружили крепость Сиям, и таким образом четырнадцатилетнее восстание Муканны закончилось неудачей.

Перечисляя все эти недостатки и слабые стороны, мы не говорим, что восстание Муканны не дало никаких результатов. Думать так было бы глубокой ошибкой. Напротив, четырнадцатилетний подвиг Муканны имел исключительно большие, исторически важные последствия.

V РЕЗУЛЬТАТЫ ВОССТАНИЯ МУКАННЫ

Прежде чем говорить о результатах восстания Муканны, мы должны еще раз напомнить читателю о тех особенностях, которые отличали это восстание от выступлений Абумуслима и Шарика ибн Шейха.

Хотя конечной целью Абумуслима было создание независимого, так сказать, национального государства, цель эта оставалась неизвестной широким народным массам. Народ видел только одну сторону деятельности Абумуслима: его вооруженную борьбу против арабской династии Мерванитов (Омейядов) ради интересов другой, тоже арабской династии — Аббасидов.

Поскольку гнет Омейядов вообще и последних представителей этой династии — Мерванитов — в особенности превзошел всякие границы, массы населения Хорасана и Мавераннахра живо откликнулись на призыв Абумуслима и сплотились вокруг него. Хотя народ и не питал особых надежд на милосердие новой арабской династии Аббасидов, он верил Абумуслиму как своему соотечест-

веннику, таджику, и ждал от него облегчения от тяжкого бремени иноземного господства. Однако действительность не оправдала этих надежд народа. Приход Аббасидов к власти не только не принес облегчения населению Хорасана и Мавераннахра, но ничего хорошего не принес и самому Абумуслиму, убитому в конце концов наемниками халифа.

Шарик ибн Шейх сражался с Аббасидами во имя потомков Али. Угнетенное население Бухары и Самарканда объединилось вокруг Шарика и в течение нескольких дней вело кровопролитные бои под его знаменем не из любви к Алидам, а из мести своим притеснителям — чужеземным захватчикам. И что же? Результатом такого мятежа оказалось лишь поголовное истребление повстанцев и разорение их городов.

Восстание же Муканны имело совершенно иной характер и по своей сути отличалось от предшествующих выступлений. Муканна открыто выступил против иноземных завоевателей (к какому бы племени и к какой бы династии они ни принадлежали) и против религии ислама, которая была принесена захватчиками и служила для них средством закабаления народа. Народные массы, не желавшие дальше терпеть невыносимый чужеземный экономический, политический и духовный гнет со стороны арабских завоевателей, сразу же и от всего сердца поддержали Муканну. А поскольку ислам был навязан им насильно и не успел еще достаточно овладеть их умами и чувствами, они легко отбросили его и охотно подхватили выдвинутые Муканной антиисламские призывы.

Если в Хорасане Муканне и не удалось добиться существенных успехов из-за наличия в этой области крупных сил завоевателей и близости ее к центру халифата, то в Мавераннахре его движение распространилось исключительно широко. В течение пяти лет местное население, в значительной своей части примкнувшее к «людям в белых одеждах», само определяло свою судьбу и, распространив почти на все города и селения свою власть, называвшуюся «властью людей в белых одеждах» или «властью Муканны», вкусило пусть немногочисленные, но все же плоды свободы.

Таким образом, первым результатом восстания Муканны явилось то, что восстание это посеяло в сердцах

жителей Хорасана и Мавераннахра семена надежды на достижение независимости и научило их, пользуясь каждым удобным случаем, под любым предлогом подниматься против чужеземных завоевателей и активно бороться за свою свободу от иноземного ига.

После разгрома восстания Муканны завоеватели безжалостно уничтожили всех известных им сторонников народного движения. Даже бухархудат Буньят * ибн Кутейба ибн Тахшада, который открыто не участвовал в восстании и лишь подозревался в сочувствии ему, был убит в своем замке внезапно ворвавшимися туда вражескими воинами. На плечи народных масс захватчики взвалили столь тяжелое бремя, что, казалось, им никогда уже не удастся подняться. И все же народ восставал, используя каждый удобный момент.

Так, к концу правления халифа Махди (душителя движения «людей в белых одеждах») на окраинах Мавераннахра стали вспыхивать бунты против завоевателей. Один из этих мятежей, поднятый жителями Усрушаны (Ура-Тюбе), продолжался в течение трех-четырех лет, вплоть до вступления на престол Харуна ар-Рашида, ставшего халифом в 786 году. Все эти бунты и мятежи также были результатом восстания Муканны.

В начале своего правления Харун ар-Рашид отнесся к населению в Хорасане и Мавераннахре более внимательно, чем его предшественники. Он решил провести в этих провинциях некоторые реформы и осуществление их поручил Бармакиду Фазлу ибн Яхья *.

Происходившие из Балха Бармакиды были известны по всему Хорасану и Мавераннахру, и народ относился к ним с большим уважением. Фазл ездил по этим провинциям из города в город, от селения к селению. Повсюду он уверял народ в милости халифа и обещал блага от своего имени и от имени своего отца.

Не ограничиваясь одними обещаниями, он приступил и к практическому осуществлению некоторых мер, направленных на успокоение народа. Фазл сам приехал в Усрушану и, по словам автора «Равзат ус-сафа», «владетель Усрушаны, который не надевал на себя ярма покорности кому бы то ни было, пришел к нему» (то есть подчинился Фазлу.— *С. А.*).

Этот владелец Усрушаны, упомянутый автором «Равзат ус-сафа», был предводителем мятежников, возглав-

лявшим их восстание с самого начала, то есть с последних лет правления Махди и до его прекращения после приезда Фазла. К сожалению, никто из авторов хроник не указывает имени этого человека.

Хотя Фазла ибн Яхья и отзывали несколько раз в Багдад, его неизменно вновь направляли оттуда в Хорасан. В период его правления Хорасан и Мавераннахр процветали, население этих провинций жило спокойно и не ощущало национального гнета со стороны завоевателей. Облегчено было и налоговое бремя.

Все это также явилось результатом восстания Муканны. Только страх перед возможностью нового восстания мог заставить Харуна ар-Рашида пойти на проведение в Хорасане и Мавераннахре некоторых реформ, осуществление которых он и поручил Фазлу, происходившему из местного населения.

Однако наступило время, когда Фазл был окончательно отозван в Багдад, и управление Хорасаном перешло в руки других людей. С новой силой начался прежний иноземный гнет и бесчисленные поборы, пока один из наместников Хорасана, Али ибн Иса, окончательно не разорил местное население. В то время Бармакиды уже только внешне пользовались авторитетом при дворе Харуна ар-Рашида, на самом же деле между ними и халифом установились натянутые отношения. Поэтому даже они не могли помешать гнету и несправедливости Али ибн Исы.

Введенные Али ибн Исой налоги и поборы превышали всякую меру; кроме того, он насильно отбирал у людей земли, сады, лошадей, ткани и т. п. Население пожаловалось халифу на притеснения Али ибн Исы, и Харун ар-Рашид вызвал его для объяснений в Багдад. Прибыв в столицу с богатыми подарками, Али ибн Иса завоевал расположение халифа. Харун ар-Рашид прекратил следствие и со скрытым упреком сказал своему везиру Яхье ибн Халиду, сын которого, Фазл, пробыл несколько лет наместником Хорасана: «Али ибн Иса привез из Хорасана столько денег и дорогих вещей, что можно только удивляться этому». Яхья не оставил без ответа эти слова халифа и заявил: «Все эти вещи Али ибн Иса насильно отобрал у людей. Если и я захочу собирать средства бесчестным путем, я за один час получу еще больше и еще лучше». Однако и этот ответ

Бармакида Яхьи не подействовал на Харуна ар-Рашида, и Али ибн Иса был вновь послан в Хорасан.

Возвратясь в Хорасан после того, как он завоевал доверие и расположение халифа, Али во много раз усилил прежний гнет и притеснения. Чтобы более удобно было грабить обе провинции, расположенные по Аму-Дарье,— Хорасан и Мавераннахр, он перенес свою столицу из Мерва в Балх. В Балхе на награбленные деньги он выстроил несколько дворцов, отобрал у городского населения почти все земли и сады, за городом основал новое селение, назвав его в свою честь Алиабад. Назначавшиеся Али чиновники творили беззакония по всему Мавераннахру — в Бухаре, Самарканде и других городах этой провинции.

Народ вновь направил халифу жалобу на Али ибн Ису, и снова тот умилостивил ар-Рашида, послав ему еще более богатые дары. К тому времени Бармакиды были уже убиты, и управление халифатом перешло к другим людям. Али и им направил подарки и подношения, расположив всех в свою пользу. Его восторженными почитателями и заступниками стали теперь все придворные халифа. Харун ар-Рашид снова утвердил Али наместником Хорасана.

Население Хорасана и Мавераннахра окончательно разуверилось в милосердии халифа. Не было уже и Бармакидов, на помощь которых можно было бы уповать. Теперь у возмущенного притеснениями народа не оставалось иного пути к освобождению, кроме восстания. Вновь стало разгораться пламя, искры которого заронил в сердца людей Муканна, и для того, чтобы пламя это переросло в пожар, нужно было одно лишь дуновение, один какой-нибудь предлог. В этот момент в Самарканде началось восстание Рафи ибн Лайса: восстание это сыграло роль ветра, раздувшего пламя возмущения, пылавшее в сердцах народа; это восстание следует считать одним из результатов восстания Муканны.

1. Восстание Рафи ибн Лайса в Самарканде

Было время, когда Рафи и не помышлял о восстании. Все началось с обычной вражды из-за женщины, возникшей между ним и некоторыми придворными халифа.

Рафи завоевал благосклонность жены одного из придворных. В конце концов эта женщина была по приказу халифа разлучена с Рафи, а он сам брошен в самаркандскую тюрьму. Рафи бежал из тюрьмы и отправился в Балх к Али ибн Исе, бывшему в то время наместником Хорасана и Мавераннахра. Там он прибег к заступничеству Али и получил от него охранную грамоту.

Получив охранную грамоту, Рафи дважды ездил в Самарканд и свободно возвращался оттуда. Он попрежнему стремился соединиться со своей возлюбленной, и она также мечтала о встрече с ним. Но, сохраняя покорность халифу, Рафи не мог осуществить свое желание. Он знал, что население Самарканда доведено до отчаяния чужеземными правителями. Пользуясь этим, Рафи собрал группу отважных людей и напал с ними на дворец наместника. Одним решительным ударом он овладел дворцом, убил Джунайда ибн Азди, правившего Самаркандом от имени Али ибн Исы, и захватил власть в свои руки. Все население Самарканда признало власть Рафи и объединилось вокруг него.

Автор «Та'рихи Табари» так описывает этот эпизод: «Рафи пришел в Самарканд... воззвал к самаркандским головорезам, захватил город... и все самаркандцы объединились с Рафи, потому что они были выведены из терпения притеснениями Али ибн Исы и его правителей».

Узнав о случившемся, Али ибн Иса отправил в Самарканд для подавления мятежа Рафи своего сына с войском. Жители Самарканда под предводительством Рафи оказали врагам упорное сопротивление и разбили их. Сын Али бежал. Тогда Али ибн Иса сам выступил против Самарканда во главе многочисленной армии. Но и на этот раз самаркандцы вышли из боя победителями, наголову разбив вражеское войско и заставив его в беспорядке отступить, неся большие потери.

Али ибн Иса бежал из Самарканда и прибыл в Мерв. Когда жители Балха узнали о его поражении и бегстве, они тоже взбунтовались. Убив наместника, которого оставил вместо себя Али, они завладели городом, разграбили дома Али ибн Исы и его сына. При этом восставшим досталась богатейшая добыча: только денег, найденных ими в тайнике Али ибн Исы, оказалось тридцать миллионов тенег.

Когда халиф Харун ар-Рашид узнал о восстании

жителей Самарканда и Балха, он понял, что причиной этого восстания послужил необузданный гнет со стороны Али ибн Исы. Халиф назначил наместником Хорасана Хузайму ибн А'юна и приказал ему сместить Али ибн Ису, заковать его в цепи, каждый день приводить в соборную мечеть и объявлять во всеуслышание, что все отнятое им у людей будет возвращено владельцам по предъявлении обоснованных претензий. Об этом же гласили и официальные обращения к населению Хорасана и Мавераннахра. Одновременно сам халиф с многочисленным войском дошел до Туса.

Прибыв в Мерв, Хузайма исполнил приказ халифа. Ежедневно в пятничную мечеть приводили закованного в тяжелые кандалы Али ибн Ису, разбирали там претензии сотен пострадавших и выплачивали им возмещение из личных средств Али.

После выплаты огромных возмещений и расходов на те бесчисленные дорогие подарки, которые Али ибн Иса в бытность свою наместником отсылал или сам отвозил халифу, в его казне еще оставались значительные богатства. Как свидетельствует автор «Та'рихи Табари», кроме изделий из золота и серебра, из казны Али было конфисковано восемьдесят миллионов тенег, а изъятые у него и отправленные халифу шелковые ткани и одежды составили поклажу у полутора тысяч верблюдов.

Все эти деньги и имущество представляют яркое свидетельство того, какой степени достигло угнетение народа, какие беззакония чинил Али ибн Иса.

Если меры, принятые халифом по отношению к Али ибн Исе, успокоили население Хорасана и привели к прекращению мятежа в Балхе, то в Мавераннахре мятеж продолжался, расширяясь день ото дня. Вскоре вся провинция, включая и Бухару, оказалась в руках повстанцев. Рафи ибн Лайс назначил правителем Бухары своего брата Бушра ибн Лайса.

После наступления затишья в Хорасане халиф направил Хузайму с большим войском в Мавераннахр. В Бухаре Хузайма захватил в плен Бушра, но мятеж попрежнему не утихал.

Бушр был отправлен к халифу в Тус. Халиф вызвал мясника и велел ему в своем присутствии разрубить Бушра на четырнадцать частей. После этого он объявил, что такой же казни будет подвергнут каждый не-

сдавшийся мятежник, который попадет в плен. Однако и эти угрозы халифа не подействовали на повстанцев Мавераннахра: мятеж продолжался, и карательные отряды халифских воинов не могли продвинуться вперед.

Тем временем Харун ар-Рашид скончался. Вместо него халифский престол в Багдаде занял его сын Мухаммад Амин. Перед смертью Харун ар-Рашид назначил другого своего сына, Мамуна, наместником Хорасана. Мамун хотя и отправил войска в Мавераннахр для подавления восстания, но проявил одновременно склонность к правосудию. Руководил им Фазл ибн Сахл — в прошлом маг-зороастриец, бывший раб Мамуна, принявший под его покровительством ислам, затем служивший у него же секретарем, а в конечном счете ставший его везиром.

По совету Фазла, Мамун каждый день приходил в соборную мечеть. Там же по его приказу собирались ученые и мудрецы из простого народа. В мечети Мамун принимал заявления, выслушивал жалобы населения и выносил приговоры, советуясь при этом с учеными и мудрецами.

Так Мамуну удалось окончательно успокоить население Хорасана; поверили в его справедливость и жители Мавераннахра. В армии, отправленной Мамуном в Мавераннахр для подавления восстания Рафи ибн Лайса, служили рядовыми воинами Асад ибн Саман (прадед Саманидов) и его сыновья — Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс. Асад со своими сыновьями выступил в качестве посредников и склонил самаркандцев и Рафи к заключению мира. Таким образом, прекратился и мятеж в Мавераннахре...

Мамун считал это успокоение населения Хорасана и Мавераннахра временным, он понимал, что в результате любого несправедливого поступка какого-нибудь арабского чиновника народ снова может восстать. Поэтому он решил назначить в Хорасан и Мавераннахр наместниками и правителями, подчиненными его власти, представителей местного населения. К этому мнению он пришел на основании опыта правления в Хорасане и Мавераннахре Бармакида Фазла ибн Яхьи.

Тем временем между двумя братьями — халифом Мухаммадом Амином и Мамуном — вспыхнула вражда. Опираясь на поддержку преданных ему дихканов и

войск Хорасана и Мавераннахра, Мамун сверг своего брата и сам стал халифом. После победы он не переезжал в Багдад и оставался в Мерве, опасаясь, что в его отсутствие в Мавераннахре и Хорасане может вновь вспыхнуть восстание, и тогда эти богатейшие провинции, являвшиеся сокровищницей и лучшим украшением халифата, будут им безвозвратно утрачены.

Однако волнения, начавшиеся в Арабистане, вынудили его все же переехать в Багдад, а для сохранения Хорасана и Мавераннахра в своих руках он осуществил обдуманный ранее план и передал власть в этих провинциях местным правителям.

Наместником Хорасана он назначил двоюродного брата своего везира Фазла ибн Сахла — зороастрийца Гассана ибн Ибада. Поскольку Мамун знал сыновей Самана как опытных и способных людей, а в уважении и авторитете, которыми они пользовались среди местного населения, он убедился, когда они успешно справились с посредничеством между ним и жителями Мавераннахра, он поручил Гассану ибн Ибаду назначить каждого из них правителем какой-нибудь области.

Гассан ибн Ибад назначил Нуха ибн Асада правителем Самарканда, Ахмада ибн Асада направил в Фергану, Шаш (Ташкент) и Усрушану (Ура-Тюбе) передал Яхье ибн Асаду, а управление Гератом поручил Ильясу ибн Асаду.

Хотя эти правители и были подчинены халифу и наместнику Хорасана, местное население отныне имело дело только с ними и не видело больше над собой никаких иноземных повелителей.

За короткое время сыновья Асада ибн Самана и их наследники, благодаря умелому правлению, сочувственному отношению к народу и его культуре, снискали себе высокое уважение и доверие населения Хорасана и Мавераннахра. Они способствовали распространению местной культуры и языка и в конце концов основали в Мавераннахре, Хорасане и Иране независимое государство Саманидов с центром в Бухаре.

Таков был последний и наиболее значительный исторический результат восстания Муканны. Достижение независимости от иноземных угнетателей было главной целью и хорасанца Абумуслима.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 4. *Худжра* (хиджра) — келья в медресе.

Фетва — решение, заключение, выносившееся на основе шариата толкователями мусульманского права — муфтиями.

Стр. 8. *Зиндан* — тюрьма в виде колодца, более широкого внизу и сужающегося кверху.

Стр. 14. *Гулканд* — масса из растертого сахара и лепестков чайной розы, применяемая в народе в качестве лечебного средства при желудочных заболеваниях.

Стр. 17. *Мударрис* — преподаватель высшего духовного училища; *муфтий* — законовед; *алим* — ученый; *раис* — глава, начальник; *казий* — судья; *казикалан* — главный судья.

Стр. 19. *Шашмаком* — название музыкально-вокального произведения устной традиции, состоящего из шести частей крупной формы — макомов (шашмаком — шесть макомов). Каждый маком состоит из разделов, объединяющих вокальные и музыкальные фрагменты, разработанные по строго определенной системе.

Стр. 20. *Наво* — название третьего макома Шашмакома.

...речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами. — Эмир Музаффар (1860—1886) из династии мангытов, правивших в Бухаре с 1753 по 1920 г., присоединил к своему ханству мелкие феодальные владения — гиссарские, шахрисябзские, китабские и др. При эмире Музаффаре Средняя Азия была присоединена к России, а Бухарский эмират поставлен в вассальную зависимость.

Стр. 27. ... *как обычно произносят чтецы Корана.* — В арабском языке, на котором написан Коран, буква «айн» выговаривается гортанно. Выражение «Ас-салам алейкум» — арабская форма приветствия («Мир вам»), и чтецы Корана соблюдали традиционное произношение.

Стр. 30. *Хамал* — первый месяц солнечного календаря (с 22 марта, дня весеннего равноденствия, по 22 апреля).

Стр. 35. *Миршаб* — начальник ночной стражи, буквално: «правитель ночи».

Стр. 39. *Курпача* — род подстилки.

Стр. 40. *...месяцы мухаррам и раджаб...* — первый и седьмой месяцы мусульманского лунного календаря.

Стр. 44. *Мухаммад Сиддик Хайрат (1876—1902)* — таджикский поэт, ученик и последователь Ахмада Дониша, таджикского просветителя XIX века; был другом С. Айни.

Стр. 46. *Мазар* — гробница, место захоронения мусульманских святых.

Праздник Красного Мака — весенний праздник, связанный с появлением первых цветов. Жители Средней Азии выезжали в окрестные места отдыха «за тюльпанами», устраивались гулянья, связанные с праздником Навруза.

Стр. 48. *Санг* — мера длины, равная приблизительно 8 км.

Стр. 49. *Файзи Святой* (Файзи Авлия) — известный разбойник из селения Розмоз. Он в одиночку грабил дома богачей и отнимал у сборщиков собранный ими налог. Эмир Музаффар казнил его, сбросив с Большого Бухарского минарета *(авт.)*.

Стр. 50. *Арбаб* — хозяин, господин; в Бухарском ханстве староста, старшина селения или городского квартала.

Камча — кнут.

Стр. 51. *...площадь Машки Сарбаз...* — Площадь в Бухаре, где проходило учение сарбазов — солдат, завербованных в эмирское постоянное войско и получавших ежемесячно определенную сумму.

Фарсах — мера длины, равная приблизительно 7—8 км.

Нишалла — сладкое блюдо в виде сметанообразной массы, приготовленное из сбитых белков, виноградного сока и пшеничной муки.

Стр. 55. *Танур* — печь для выпекания лепешек.

Стр. 56. *Кази* — колбаса из конины особого изготовления, заправляемая разными специями; считается деликатесом.

Стр. 58. *...посылает в подарок пачку чая...* — В оригинале нимча чой»; нимча — мера веса, равная приблизительно 400 г.

Стр. 59. *Калам* — тростниковое перо, употреблявшееся для писания.

Стр. 60. *Ишан* — представитель высшего мусульманского духовенства, которому беспрекословно подчинялись его мюриды — ученики, рядовые члены, отдававшие ему часть своих доходов.

Халифа — должностной чин в Бухарском эмирате, в обязанности которого входил контроль за выполнением предписаний шариата; наместник шейха, главы религиозной общины.

Стр. 67. *Аузу биллахи минашай танир-раджим, бисмиллахи-рахмани рахим.* — Слова из Корана, которыми начинаются все главы и которые произносят в качестве клятвы.

Стр. 70. *...«попавшим в рабство».* — Бухарские игроки считали проигравшего «попавшим в рабство», то есть рабом выигравшего; «освободиться от рабства» можно было, лишь уплатив долг *(авт.)*.

Стр. 78. *...«хатамами мира» он считал...* — Хатам из племени Тай — легендарный богач, необычайная щедрость которого вошла в поговорку.

...священные стихи из «Месневи»... — Имеется в виду суфийско-философское произведение классика персидско-таджикской литературы Джалалиддина Руми (1207—1273) под названием «Месневии манави» («Духовное месневи»).

Стр. 79. *...Кто ваш поручитель?* — В практике ростовщических операций имелся институт поручителей. Поручитель являлся посредником между ростовщиком и берущим у него в долг. Он обязывался выплатить долг в случае несостоятельности должника *(Примечание переводчика)*.

Стр. 103. *Марена* — многолетнее растение, из корней которого вырабатывают прочную краску для тканей.

Стр. 117. *Арбакеш* — возчик на арбе, двухколесной подводе.

Стр. 125. *...Сумасшедшим место в доме ишана Убани.* — В Бухаре жили ишаны Ходжа-Убани, к которым в надежде на излечение возили сумасшедших *(авт.)*.

Стр. 130. *Куты-лайамут* — арабское выражение, означающее такую скудную пищу, которой достаточно лишь для того, чтобы человек не умер с голоду *(авт.)*.

Стр. 138. *Бедиль* — Мирза Абдукадыр Бедиль (1644—1721) — индо-таджикский поэт и философ, автор огромного количества поэтических и прозаических произведений. Самое известное произведение Бедиля — «Ирфон», состоящее из рассказов, легенд, сказок и знаменитой поэмы «Комде и Модан».

Стр. 142. *Абдуррахман Джами* (1414—1493) — великий таджикско-персидский мыслитель и поэт.

Стр. 145. *...перед арабским завоеванием.* — Речь идет о завоевании воинами арабского халифата в VII—VIII вв. земель Средней Азии (Хорасана и Мавераннахра), подробно описываемом в последующем изложении.

Арабский халифат — феодально-теократическое государство, образовавшееся в результате арабских завоеваний VII—VIII вв. в Передней Азии и Северной Африке; с 661 по 749 г. халифат управлялся династией Омейядов-Мерванитов, свергнутой Аббасидами — с 749 по 1258 г., до разрушения Багдада войсками Чингисхана.

Стр. 147. *Наршахи* — Имеется в виду Абубакр Мухаммад Наршахи (899—959) — автор исторической летописи «Та'рихи Наршахи» («История Наршахи»), написанной по-арабски в 843 г. и дважды переведенной на фарси.

Стр. 148. *Карбас.* — В старину «карбасом» называли любую ткань для одежды; впоследствии это название сохранилось только за особого рода белой материей *(авт.)*.

Стр. 150. *«Равзат ус-сафа»* — историческое сочинение, написанное известным автором XV в. Мухаммадом ибн Ховандшахом, обычно именуемым Мирхондом (1433—1498). Изложение событий сильно беллетризировано.

...убийца Хусейна, сына Али. — В борьбе за халифатский престол Омейяды-Мерваниты убили последнего из четырех «халифов правого пути» — Али (656—661), зятя пророка Мухаммада, и его сыновей Хусейна и Хасана Мусульмане-шииты признают Али единственным преемником пророка Мухаммада, считая трех первых халифов узурпаторами, в отличие от ортодоксальных мусульман-суннитов, признающих всех четырех «халифов правого пути».

Стр. 151. *Хадджадб.* — Хадджадж ибн Юсуф, правитель Ирака, известный своей жестокостью наместник омейядского халифа, фактически захвативший верховную власть в арабском халифате. Умер в 714 г. Его имя стало синонимом «тирана», «душегуба».

Стр. 152. *«Та'рихи Табари».* — Имеется в виду «История пророков и царей» Абуджа'фара Мухаммада ибн Джарира Табари, написанная по-арабски. Подлинник отличается большой полнотой. Однако таджикский текст этой истории (перевод автора X в. Бал'ами), имеющийся в нашем распоряжении (особенно индийское литографическое издание, Бомбей, 1874), сильно сокращен, не полон, содержит много ошибок и искажений *(авт.)*.

Стр. 159. *...рана также оказалась смертельной...* — Этот эпизод пересказан нами по «Та'рихи Наршахи» *(авт.)*.

Стр. 163. *Мерваниты.* — Так по имени последнего омейядского халифа Мервана II называли в то время Омейядов и их сторонников *(авт.)*.

Стр. 165. *В месяце ромазан* — девятый месяц мусульманского календаря, приходившийся в 748 г. на май месяц.

Стр. 166. *...в месяце раби уль-аваль* (749 г.) — третий месяц мусульманского календаря, приходившийся в 749 г. на октябрь месяц.

Стр. 173. *Имам Махди.*— Махди мессия. По некоторым мусульманским верованиям (в частности, шиитов — сторонников культа халифа Али) двенадцатый преемник (преемник халифа Али), Махди, якобы таинственно исчез, но в Судный день воскреснет и станет главою мусульман.

Сасаниды — прославленная иранская династия, правившая в III—VII вв. и свергнутая арабским халифатом в результате завоевания иранских земель.

Стр. 174. Ибн Мукаффа (Абдаллах ибн ул-Мукаффа; 724—759) — имя принявшего ислам иранского ученого-патриота, переводчика произведений пехлевийской литературы (в том числе «Калилы и Димны») на арабский язык. Был казнен по обвинению в ереси.

«Камус ул-алам» («Словарь ученых») — пятитомный энциклопедический труд турецкого ученого-просветителя XIX в. Сами.

Стр. 175. *Бухархудат Кутейба ибн Тахшада* — автор или переводчик «Таърихи Наршахи», а может быть, переписчики этой книги, называют здесь бухархудата Тахшада. Однако, по общему мнению историков (в том числе и самого Наршахи), Тахшада был убит в период правления Омейядов, когда наместником Хорасана был назначен Наср ибн Сайяр; убийство это описано выше. Восстание Шарика произошло в период аббасидского халифата. После смерти Тахшады бухархудатом стал его сын — Кутейба; бухархудатом, оказавшим помощь Зияду ибн Салиху, был, конечно, сын Тахшады Кутейба ибн Тахшада, как мною внесено в текст с целью исправления первоисточника *(авт.).*

Стр. 177. *...и вернулся в Хорасан.*— Описание восстания Шарика ибн Шейха дано в сокращенном пересказе по «Та'рихи Наршахи» *(авт.).*

Стр. 182. *...скрывал свое лицо под покрывалом.*— Покрывало которым женщины закрывали свое лицо, по-арабски называлось «микна». От этого же корня происходит и слово «муканна», означающее «носитель микны», «скрытый покрывалом» *(авт.).*

Стр. 187. *Самаркандский Согд.*— Соответственно административному делению того времени, от нынешнего Чалака до Хатырчи простиралась территория Самаркандского Согда, а район, расположенный за Хатырчи, вплоть до селения Согд, лежащего между Вабкентом и Шафиркамом, в 32 километрах от Бухары, считался «Бухарским Согдом» *(авт.).*

Стр. 190. *...в месяце раджаб.*— Раджаб — седьмой месяц мусульманского календаря, в 776 г. приходился на апрель месяц.

Стр. 197. *Фаллух-хакан.*— Как сообщает средневековый словарь «Бурхани кате», Фаллух — город в Туркестане, из которого вывозили хороший мускус. На основании этого свидетельства можно заключить, что Фаллух находился в Синьцзяне («Китайском Туркестане») — в Хотане, поскольку в литературе мускус неизменно связывают с Китаем и Хотаном. По-видимому, Фаллух-хакан был правителем этой области, а тюрки, оказавшие помощь Муканне и вернувшиеся на родину после гибели их хакана, были, очевидно, предками современных уйгуров, ныне населяющих эту область *(авт.).*

Хафиз Абру — придворный хронист Тимура и его сына Шахруха, проживавший в Герате и умерший в 1430 г.

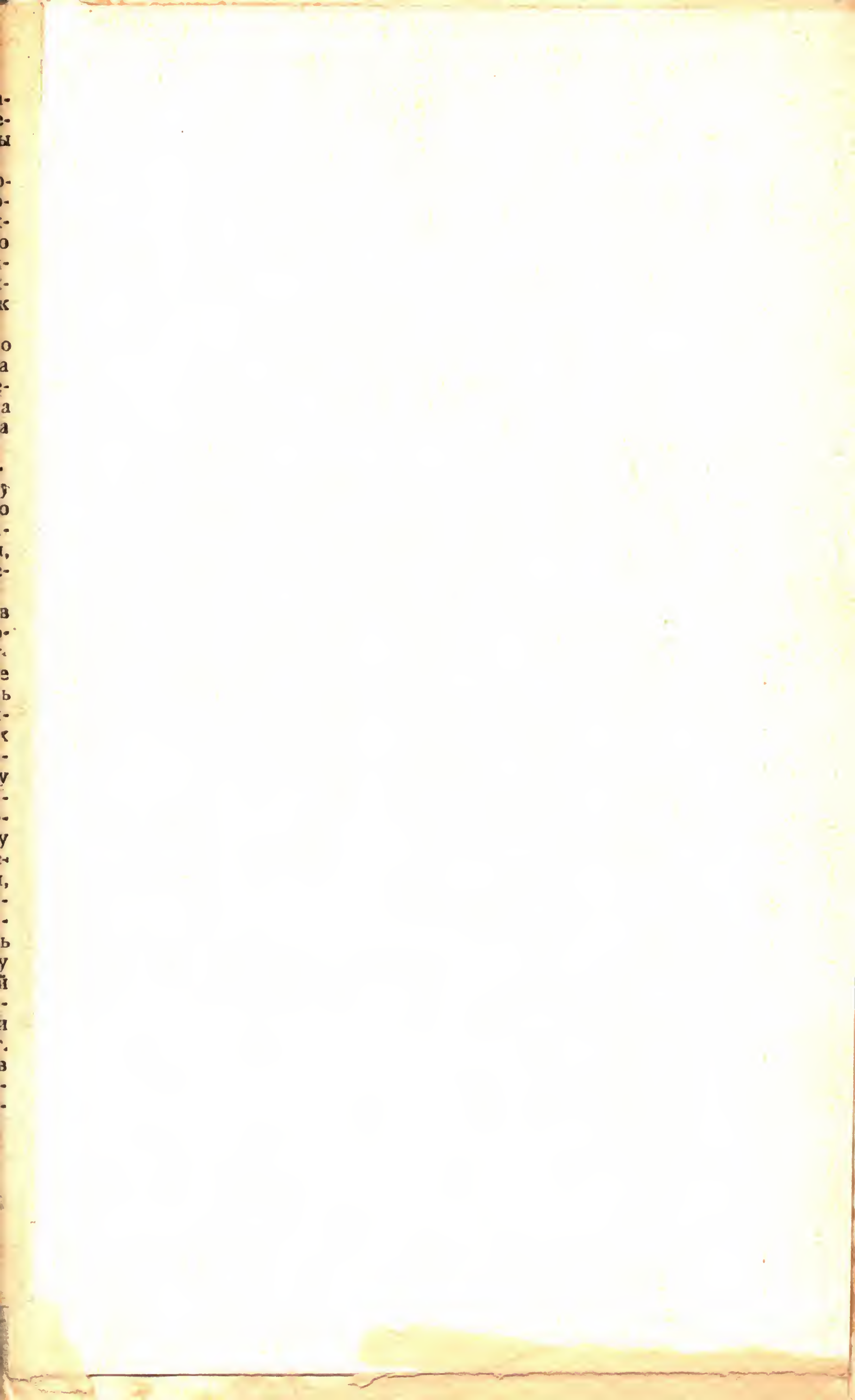
Стр. 197. ... *из колодца в Нахшабе.*— На этой легенде основаны выражения «колодец Нахшаба» и «луна Нахшаба», употребляемые многими восточными поэтами при описании женской красоты *(авт.).*

Стр. 201. Сипахсалар.— Сипахсаларом, согласно старинной военной терминологии, называли главнокомандующего, в руках которого было сосредоточено все управление войском. Имя этого сипахсалара нам неизвестно. В переводе «Та'рихи Табари» он ошибочно назван Хариджем. Словом харидж, хариджа (множественное — хаваридж), «хариджит» арабские ортодоксальные авторы называли каждого «отступника» и врага ислама. Переводчик или же переписчик принял это слово за имя сипахсалара *(авт.).*

Стр. 205. *«Равзат ус-сафаи Насири»*— сочинение известного иранского просветителя XIX в. Мирзы Ризакулихана Хидаята (1803—1871), содержащее исторические данные, относящиеся преимущество к периоду царствования в Иране Насириддиншаха (1848—1896), которому (как отмечено в самом названии) посвящена книга.

Стр. 213. *Даже бухархудат Буньят...*—Дед Буньята—Тахшада— ради сохранения своего престола полностью перешел на сторону арабских завоевателей; верным сторонником захватчиков был и его отец Кутейба, который во время восстания Шарика ибн Шейха оказал большую помощь врагам. То, что Буньят, будучи бухархудатом, с сочувствием относился к восстанию Муканны, лишний раз свидетельствует о патриотическом характере этого восстания *(авт.).*

Бармакид Фазл ибн Яхья.— Родоначальник династии везиров Бармакидов — Бармак — был зороастрийцем, жрецом храма огнепоклонников в Балхе. Его сын Халид примкнул к восстанию Абу Муслима. Халиф Абулаббас Саффах (748—754) обратил внимание на способности Халида и сделал его своим везиром. Эту должность за ним сохранил и Абуджа'фар ал-Мансур (754—775). После убийства Абумуслима Халид по-прежнему оставался везиром. Высоких чинов достигли и его сын, Яхья ибн Халид, и внуки, Фазл и Джа'фар. Яхья был бессменным везиром, а когда он состарился, эту должность занимали его сыновья. Все Бармакиды с сочувствием относились к родному народу, были просвещенными людьми и покровительствовали наукам и искусству. Особенно большую поддержку они оказывали населению Хорасана и Мавераннахра. В период расцвета и могущества этой династии везиров управление халифатом, в том числе Хорасаном и Мавераннахром, было значительно упорядочено. Однако впоследствии отношения между Бармакидами и Харуном ар-Рашидом (786—809) ухудшились. Как бы ни стремились авторы исторических хроник объяснить вражду, возникшую между халифом и везирами, причинами семейного характера, подлинной причиной этой вражды было недовольство арабских правителей влиянием, которым пользовались эти везиры-иранцы, и тем, что они удерживали халифа от бессмысленных и чрезмерных трат. В 803 г. Харун ар-Рашид уничтожил всех Бармакидов, мир и процветание в стране были нарушены, и в Хорасане и Мавераннахре начались новые мятежи *(авт.).* Бармакиды воспеты Гете в его «Западно-восточном диване».

90 коп.

«АДИБ»

САДРИДДИН АЙНИ